

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

25 2019
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 25 (263) / 2019

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кожурбаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Рита Яковлевна Райт-Ковалева* (1898—1988), советская писательница и переводчица.

Рита Яковлевна (урожденная Раиса Яковлевна Черномордик) родилась в деревне Петрушево Елисаветградского уезда Херсонской губернии. Ее детство прошло в Курске. Отец был известным в городе врачом, так что Раиса по семейной традиции отправилась получать медицинское образование — сначала в Харьков, где познакомилась с Велимиром Хлебниковым (позже она даже переводила на немецкий язык его стихи). Он-то и переманил девушку в Москву, где она подружилась с Маяковским, Пастернаком и Лилей Брик, которая решила почему-то, что Рита должна стать для Маяковского чем-то вроде хроникера: жить у Маяковского в доме и скрупулезно записывать все, что делает и говорит великий поэт.

Раиса Черномордик была девушкой серьезной, окончила медицинский факультет 2-го МГУ, работала у физиолога Павлова, занималась научной работой. Она все-таки стала вести подробную хронику жизни Маяковского, а заодно писать стихи, статьи, переводы. Все, что относилось к литературе, а не к физиологии, придумала подписывать Ритой Райт. Тогда и появился знаменитый ее псевдоним, постепенно заменивший имя.

К двадцати годам она сочиняла стихи, свободно говорила по-немецки и по-французски (английский выучила позже), через пару лет по просьбе Маяковского перевела на немецкий

язык «Мистерию-буфф», впоследствии переводила на русский Шиллера, а в 1950-х годах, когда ее пытались отлучить от литературы, выучила болгарский, чтобы переводить с этого языка, и «...непрестанно удивлялась, что за такое удовольствие, за такую честь — еще платят деньги». Однажды, сняв с книжной полки 13-й том Маяковского, она открыла его на ссылке «Рита Райт» в именном указателе и сказала: «Вот где мое бессмертие!»

Мужем знаменитой переводчицы был Николай Петрович Ковалев, капитан II ранга, флагманский механик Беломорской военной флотилии во время Великой Отечественной войны. Дочь Риты Райт Маргарита Ковалева также сначала получила биологическое образование, а затем стала переводчиком. В некоторых изданиях она указана как соавтор своей матери.

Благодаря Рите Райт в СССР впервые появились русские версии многих произведений Г. Белля, Ф. Кафки, Дж. Сэлинджера, У. Фолкнера, Курта Воннегута, Натали Саррот, Анны Франк, Эдгара По. Она была автором художественной биографии «Роберт Бернс», воспоминаний о Маяковском, Хлебникове, Ахматовой и Пастернаке.

Совет по переводам Колумбийского университета присудил Рите Райт премию имени Торнтон Уайлдера.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Авдоница Д. В.**
Наследование по закону 257
- Ададутова М. И.**
Анализ правовых средств защиты иностранных инвестиций в законодательстве Российской Федерации (на примере стабилизационной оговорки и института арбитража)..... 259
- Артемьева А. С.**
К вопросу о проблеме убытков как правовой категории в договорных отношениях в рамках отечественного права 263
- Ахатова А. М., Бреслер А. М.**
Перспективы и тенденции развития федеральной контрактной системы..... 266
- Аюпова Г. Ф.**
Наследственный фонд в России: проблемы и перспективы 270
- Бакшеева М. А.**
Некоторые проблемы лицензирования медицинской деятельности в Российской Федерации 271
- Болдырева А. А.**
Международное сотрудничество как функция прокуратуры Российской Федерации 273
- Гетманский Д. О.**
Проблемы реализации в Российской Федерации конституционных принципов идеологического и политического многообразия в сфере информационных технологий 275
- Громыхалина Т. С.**
Становление государственного регулирования рекламной деятельности и ее современные проблемы..... 278
- Егоров Е. В.**
Имущественное налогообложение в РФ: перспективы развития 280
- Елизарова Е. О.**
Некоторые проблемы отграничения получения взятки от злоупотребления должностными полномочиями 283
- Ергалиев К. А.**
Анализ деятельности суда присяжных за 2016–2018 гг. 285
- Ергалиев К. А.**
Проблемы суда присяжных в вопросах понятия вины подсудимого..... 287
- Ермолаев А. В., Афанасьева А. А.**
Разграничение разбоя и бандитизма 289
- Зыкова А. А.**
Удержание суммы обеспечения заявки на участие в конкурсах и торгах как мера ответственности..... 291
- Иванова Н. С.**
Взаимодействие институтов гражданского общества и муниципальной службы: практический аспект 294
- Калинин Е. А.**
Проблемы регулирования тарифов на услуги по перевозке грузов железнодорожным транспортом 296
- Капустин С. П.**
Проблемы и особенности квалификации вымогательства..... 297
- Квитка Р. А.**
Судебный штраф как мера арбитражной процессуальной ответственности 299
- Ковальская О. Н.**
Проблемы привлечения к административной ответственности в сфере ЖКХ..... 301
- Конакова И. Е.**
Уголовно-правовые способы защиты авторских прав в Российской Федерации 303
- Кочарян В. Ю.**
Определение круга юридических лиц, которые не могут быть признаны банкротами..... 305
- Кошолкин А. О.**
Организационно-правовой аспект формирования проблем федерализма в нормотворчестве 306
- Кошолкин А. О.**
Принципы законотворческого процесса в Российской Федерации..... 308

Кошолкин А. О. Законотворческий процесс и влияние на него судебной практики..... 310	Моклокова Е. Ю. Обеспечение и защита прав отца на ребенка при разводе 318
Красильникова Д. В. Противоправность как условие наступление деликтной ответственности 311	Мусаев А. И. Ложное алиби при заказных убийствах через интернет 320
Кузнецов И. С. Направления и возможности формирования конституционно-правового статуса прокуратуры РФ с учетом новелл судебной реформы 313	Никонорова О. Е. Реализация полномочий прокурора по предъявлению гражданских исков в уголовном процессе..... 321
Малютин И. А. Современное понимание права 314	Овсейчук А. С. Проблемы теории и практики применения уголовного закона о жестоком обращении с животными 324
Михайлов М. В. Вопросы практического применения судами норм статьи 222 Гражданского кодекса РФ 316	

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Наследование по закону

Авдони́на Да́рья Ви́кторовна, студент магистратуры;
Научный руководитель: Збарацкая Лариса Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Хабаровский государственный университет экономики и права

В статье рассмотрены нововведения в ГК РФ по регулированию статей наследования по закону. Рассмотрены некоторые проблемы действующего законодательства о праве наследования, рассмотрена судебная практика и приведены некоторые методы борьбы с этими проблемами.

Ключевые слова: имущество, судебное разбирательство, наследование по закону, Гражданский кодекс РФ, степень родства.

Hereditary succession

The article deals with innovations in the civil code to regulate articles of inheritance by law. Some problems of the current legislation on the right of inheritance are considered, judicial practice is considered and some methods of struggle with these problems are given.

Keywords: property, court proceedings, inheritance by law, Civil code of the Russian Federation, the degree of kinship.

Наследование по закону, одна из самых актуальных тем, так как ежегодного огромное количества дел рассматривается судами, из-за споров между наследниками. Так, в законодательстве, касающемся права наследования по закону возможно выявить некоторые недостатки [2].

К числу таких проблем отнесен вопрос достаточно широкого круга наследников. Число очередей наследования, установленных законодательно, превышает количество очередей, участники которых в реальности становятся наследниками.

Такая система передачи наследства по закону приветствуется далеко не всеми странами, что наводит на мысль о том, что она недостаточно эффективна.

Например, во Франции очереди наследования кардинально отличаются. По общему правилу родители не наследуют за детьми. Имущество переходит сначала детям умершего, либо, если они тоже умерли, их детям и так далее. Возможно наследование по «боковой» линии, детьми братьев и сестер наследодателя, либо его собственными братьями и сестрами. Сомнение вызывает

и вопрос о признании к наследованию определенных категорий лиц. [3, с. 117]

Хотелось бы выделить, что статус ребенка, как наследника, не в полной мере представлен в действующем законодательстве. Права и обязанности ребенка для вступления в наследство не определены. К проблемам, с которыми, в большинстве своем, сталкиваются на практике, относятся следующие: правоспособность и размер доли ребенка при вступлении в наследство. [4, с. 131]

Между наследниками часто возникают конфликты, связанные с разделом наследственного имущества. В судебной практике и встречается множество дел данной категории.

Итак, в Хабаровский краевой суд поступила жалоба на решение суда в интересах несовершеннолетнего ответчика о прекращении долевой собственности и взыскании суммы по апелляционной жалобе. Она обратилась в суд с жалобой к нему о разделе наследственного имущества, аргументируя свою позицию тем, что автомобиль, оставленный в наследство несовершеннолетнему, не подлежит

использованию в связи с возрастом ответчика, не позволяющим ему иметь водительское удостоверение. Она просила разделить наследственное имущество, выделив ответчику автомобиль, а в пользу ребёнка взыскать денежную компенсацию. Рассмотрев все материалы дела, судебная коллегия приняла решение, которым требования жалобы были удовлетворены. [7]

Еще одним достаточно сложным вопросом является проблема соблюдения сроков принятия наследства, которые в общем случае по законодательству РФ составляют шесть месяцев со дня смерти наследодателя. Но помимо общего, существует еще один вид сроков вступления в наследство. Он получил название специального или удлиненного.

Действует данный вид принятия наследства в случаях: отказа от наследства прочими наследниками; отсутствия у наследников прав к наследованию или их отстранения от наследования; смерти наследника, который не успел принять наследство, в том числе, в случаях, когда у него имеются свои наследники, или в его завещании был также указан наследник; факта собственно непринятия наследства другими наследниками. [5, с.639]

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела в открытом судебном заседании дело по жалобе о восстановлении срока для принятия наследства, о признании наследником, принявшим наследство, определении доли наследников в наследственном имуществе, признании свидетельств о праве на наследство недействительными. Заслушав доклад судьи, было установлено: восстановить срок для принятия наследства и удовлетворить жалобу. Наследство считается открытым с того момента, как начинают оформляться права наследодателя. Без открытия данной процедуры ни один наследник не имеет права распоряжения имуществом, принадлежащим ему после смерти наследодателя.

Открыть наследство может лишь нотариус, что отражено в статье 1153 ГК РФ [1]. Офис нотариуса должен находиться по месту открытия наследства. Наследственное дело в отношении наследодателя ведется одним нотариусом, что необходимо учитывать при наличии нескольких наследников.

В действующем законодательстве существует ряд проблем, связанных с делами о праве наследования. Из судебной практики следует, что такие вопросы не единичны и встречаются в повседневной жизни достаточно часто. Именно поэтому, недостатки области права наследования подлежат своевременному устранению.

Так, законодатель предпринимает попытки по устранению этих проблем. Летом 2018 года законами № 217 и № 201 в Гражданский кодекс были внесены изменения, часть которых вступила в силу осенью, а часть вступит в силу с 1 июня 2019 года. Очередь наследования по закону в схеме по ГК РФ не изменилась. Но норма закона расширена дополнительными прижизненными возможностями для завещателей:

— Совместное распоряжение имуществом для супругов — граждане, состоящие в браке, могут вместе решить, как распределить собственность между родными и близкими после смерти обоих. Если кто-то из супругов умрет раньше, второй не сможет отменить завещание, а внесенные правки должны будут соответствовать смыслу волеизъявления почившего. В случае развода такое завещание аннулируется.

— Наследственный договор, который означает возможность оставить не только материальные блага, но и прямые указания, что наследник должен сделать, чтобы ими воспользоваться. Документ подписывается обоими участниками и регистрируется в нотариате. Гражданин может назначить лицо, которое обязано проконтролировать соблюдение указанных обязательств, а неисполнение посмертных требований повлечет лишение наследства. Договор вступает в силу по факту смерти наследодателя.

— Фонд для управления наследством — инструмент в первую очередь для деловых людей, чей бизнес требует постоянного присмотра и за полгода ожидания вступления наследников в права может серьезно пострадать. В течение 3 дней после смерти собственника, учреждается юридическое лицо, которое управляет указанными в завещании активами. Фонд действует на основании устава, утвержденного гражданином при жизни. Собственник также может указать, кто и как должен вести дела и какие выплаты должны причитаться родными и близкими.

Особенность новых форматов в том, что они позволяют пользоваться и распоряжаться собственностью сразу после смерти хозяина. Наследникам по закону придется, как и раньше, ждать 6 месяцев, чтобы получить имущественные права на собственность усопшего. [6]

Очередность наследования по закону в схеме 2018—2019 годов неизменна — супруги, дети, родители, затем братья и сестры, а затем все остальные. Но ее применение будет ограничиваться не только наличием завещания, но и:

1. Заключением договора о наследовании, если покойный выделил по договору только часть имущества. Оставшееся наследуется в порядке очередности.

2. Указанием о создании наследственного фонда. Степень родства на выплаты не повлияет, все зависит от условий, указанных в завещании по поводу работы фонда. Он может выступать в роли управляющей компании как ограниченный период времени до достижения наследником совершеннолетия, так и на постоянной основе. При этом остальная собственность — не переданные на баланс фонда машины, квартира, дом — наследуется по завещанию или по закону в порядке очередности.

3. Совместным завещанием, если умер уже второй из составивших его супругов. После кончины первого его личным имуществом и совместно нажитым распоряжается живой супруг.

Вне зависимости от формата свидетельства о смерти, если он распространяется на всю собственность, то наследникам ближайших очередей имущество достанется

только если наследник по завещанию сам откажется от своих прав или будет признан недостойным.

Правки в законодательство не коснулись статьи 1149, определяющей выделение части в наследстве для несовершеннолетних и нетрудоспособных, которых полностью содержал усопший. Им может быть отведена обязательная часть имущества, которое делится между

наследниками по закону или из собственности, отписанной по завещанию.

Таким образом, хоть и предпринята попытка устранения недостатков в законе, пробелы все равно остаются, что создает коллизии между наследниками, и их обращения за решением споров в судебные органы власти.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. — Москва: Проспект, 2019. 656 с.
2. Кириллова Е. А. Наследственное право России. Учебное пособие. Москва: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. 157 с.
3. Осокина Е. Ю. Общие вопросы наследования интеллектуальных прав в иностранном праве (на примере Франции, Германии и России)
4. Палчей И. В. Проблемы наследования по завещанию и по закону. Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2017. № 17—3. С. 128—133.
5. Сидорова А. М. Способы принятия наследства и отказ от наследства. Аллея науки. 2017. Т. 4. № 10. С. 638—640.
6. Юнусова Р. Ф. Наследование по завещанию. Проблемы и перспективы современной науки. 2016. № 11. С. 336—340.
7. Определение судебной коллегии по гражданским делам Хабаровского краевого суда от 25 сентября 2017 года. Дело N33—2761/2017.

Анализ правовых средств защиты иностранных инвестиций в законодательстве Российской Федерации (на примере стабилизационной оговорки и института арбитража)

Ададунова Маргарита Игоревна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Особенности правовых средств защиты иностранных инвестиций в законодательстве Российской Федерации

Приток прямых инвестиций в Россию сокращается с 2013 года из-за геополитической напряженности. Хотя в 2016 году приток и вырос до 37,1 млрд долл. США, в 2017 году он вновь снизился до 25,3 млрд долл. США, что является вторым самым низким уровнем с 2006 года [14]. По предварительным оценкам ЮНКТАД, в 2018 году приток инвестиций в Россию сократился на 14%, а сделки слияний и поглощений — на 82%. Основными инвестиционными партнерами России являются компании, инкорпорированные на Кипре, Багамах, Бермудских островах, в Люксембурге, Нидерландах, Ирландии и Великобритании, а основными инвестированными секторами являются добыча полезных ископаемых, производство, торговля и ремонт автотранспортных средств, финансовая и страховая деятельность, государственное управление, оборона и социальное обеспечение, а также недвижимость.

Российская Федерация является подписантом 79 Двусторонних инвестиционных соглашений, а также 6 Со-

глашений с инвестиционными положениями, а значит, возможно утверждать, что Россия стремится поддерживать международный стандарт отношений с иностранными инвесторами. Также РФ является участником 20 международных договоров, касающихся в том числе защиты иностранных инвесторов, среди которых Нью-Йоркская Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года [5], Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС) 1994 года [2], Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) 1994 года [8] и Соглашение по связанным с торговлей инвестиционным мерам (ТРИМС) 1994 года [11], целью которых является развитие торговых отношений между государствами, и рядом других.

Именно поэтому в национальное законодательство Российской Федерации включены основные положения в отношении защиты иностранных инвесторов. Так, ФЗ «Об иностранных инвестициях» по общему правилу устанавливает, что правовой режим иностранных инвестиций «не может быть менее благоприятным, чем правовой режим деятельности и использования полученной

от инвестиций прибыли, предоставленный российским инвесторам» [9]. Более того, статья 5 вышеупомянутого закона определяет, что «иностранным инвестору на территории Российской Федерации предоставляется полная и безусловная защита прав и интересов» [9].

Также ФЗ «Об иностранных инвестициях» несмотря на наличие некоторых исключений, указывает, что инвесторы имеют право на:

1) «осуществление инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений;

2) самостоятельное определение объемов и направлений капитальных вложений, а также заключение договоров с другими субъектами инвестиционной деятельности в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации;

3) владение, пользование и распоряжение объектами капитальных вложений и результатами осуществленных капитальных вложений;

4) передачу по договору и (или) государственному контракту своих прав на осуществление капитальных вложений и на их результаты физическим и юридическим лицам, государственным органам и органам местного самоуправления;

5) осуществление контроля за целевым использованием средств, направляемых на капитальные вложения;

6) объединение собственных и привлеченных средств со средствами других инвесторов в целях совместного осуществления капитальных вложений на основании договора;

7) осуществление других прав, предусмотренных договором и (или) государственным контрактом» [9].

Однако дочерние и зависимые общества компании, признанной иностранным инвестором, не пользуются такой защитой. Таким образом, гарантии распространяются только напрямую на саму компанию с иностранным участием.

Несмотря на некоторые изъятия, такие как возможность экспроприации в государственных нуждах или сложность участия в государственных стратегических компаниях [10], правовой режим иностранных инвестиций в Российской Федерации является аналогичным другим странам-участницам ВТО. Именно поэтому необходимо проанализировать, почему несовершенство правовой системы все еще является одним из препятствий для иностранного инвестора, желающего вести бизнес на территории России.

Стабилизационная оговорка в законодательстве Российской Федерации

Российское право также содержит возможность применения стабилизационной оговорки в отношении с иностранным инвестором. Так, в соответствии со статьей 9 ФЗ «Об иностранных инвестициях»:

«новые федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, изменяющие

размеры федеральных налогов (за исключением акцизов, налога на добавленную стоимость на товары, производимые на территории Российской Федерации) **и взносов в государственные внебюджетные фонды** (за исключением взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации), либо изменения в действующие федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации изменения и дополнения, **которые приводят к увеличению совокупной налоговой** нагрузки на деятельность иностранного инвестора и коммерческой организации с иностранными инвестициями по реализации приоритетных инвестиционных проектов **либо устанавливают режим запретов и ограничений в отношении иностранных инвестиций** в Российской Федерации по сравнению с совокупной налоговой нагрузкой и режимом, действовавшими в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации на день начала финансирования приоритетного инвестиционного проекта за счет иностранных инвестиций **не применяются в течение срока окупаемости инвестиционного проекта, но не более семи лет** со дня начала финансирования указанного проекта за счет иностранных инвестиций» [9].

Однако применение такой оговорки имеет ряд исключений. Во-первых, она распространяется на компанию-иностранного инвестора только в случае, если иностранный вклад составляет свыше 25%, несмотря на то, что для признания инвестора иностранным достаточно 10% доли. Во-вторых, она также распространяется на компании, реализующие приоритетный инвестиционный проект независимо от доли иностранной компании, поскольку для участия в таком проекте закон устанавливает повышенные критерии в связи с его государственной важностью. Более того, в случаях если такой проект осуществляется в сфере производства или создания транспортной либо иной инфраструктуры с суммарным объемом иностранных инвестиций не менее 1 млрд рублей (или эквивалентной сумме в иностранной валюте), но срок его окупаемости более 7 лет, Правительство Российской Федерации вправе продлить срок применения стабилизационной оговорки для такого инвестора. Однако в случае неисполнения указанных обязательств, инвестор лишается всех льгот и должен вернуть неуплаченные денежные средства. В-третьих, неблагоприятными для иностранного инвестора изменениями в регулировании не являются изменения в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

При этом «критерии оценки изменения в неблагоприятном для иностранного инвестора и коммерческой организации с иностранными инвестициями отношении условий взимания федеральных налогов и взносов в государственные внебюджетные фонды, режима запретов и ограничений» [9] устанавливаются Правительством Российской Федерации. Представляется, что в случае на-

личия ДИС с государством, в котором инкорпорирован иностранный инвестор, критерии для такого определения могут быть установлены по соглашению сторон, поскольку в ином случае государство самостоятельно определяет ущерб коммерческой компании в следствие вступления в силу нового регулирования, что не всегда может отражать действительное влияние новых норм.

Так, стабилизационная оговорка в российском инвестиционном праве не распространяется на прямые инвестиции, а устанавливает повышенный критерий размера вклада. Представляется, что причиной этому является прямая зависимость между суммой вклада и риском, поскольку именно при значительной сумме инвестирования даже на первых взгляд незначительное изменение в регулировании может привести к значительным убыткам.

Важным также является тот факт, что в Российской Федерации «дедушкина оговорка» не распространяется на следующие сферы инвестирования: инвестирование иностранного капитала в банки и иные кредитные организации; инвестирование иностранного капитала в страховые организации; вложение иностранного капитала в некоммерческие организации, действующие в образовательной, благотворительной, научной или религиозной сфере.

Судебная практика по вопросу применения статьи 9 ФЗ «Об иностранных инвестициях» отражена в Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 12 июля 2017 года (далее — Обзор) [6]. Так, пункт 8 Обзора подтверждает, что «изменениям законодательства, устанавливающего правовой режим иностранных инвестиций в части использования налоговых льгот, не может быть придана обратная сила, если такие изменения ухудшают положение иностранного инвестора (созданной в Российской Федерации коммерческой организации с иностранными инвестициями) в дящихся правоотношениях, связанных с реализацией инвестиционного проекта», а пункт 17 указывает, что «тарифные преференции, предоставленные российской организацией при ввозе имущества в качестве вклада в уставный капитал ее иностранным участником, не подлежат пересмотру (прекращению) при введении нового правового режима их использования». Данные решения являются позитивными примерами применения судами стабилизационной оговорки в инвестиционных договорах, несмотря на сложность законодательного регулирования.

Таким образом, применение стабилизационной оговорки в настоящем виде может быть сопряжено с проблемами в толковании закона, что может быть препятствием для иностранных инвесторов. Главным вопросом является оценка неблагоприятных изменений, поскольку она осуществляется непосредственно Правительством РФ, которое может быть не заинтересовано в объективном отражении влияния результатов законотворческой деятельности на иностранных инвесторов.

Институт арбитража в законодательстве Российской Федерации

Российское право предусматривает также механизм разрешения споров в случае нарушения одной из сторон инвестиционного соглашения. В соответствии со статьей 10 ФЗ «Об иностранных инвестициях» «спор иностранного инвестора, возникший в связи с осуществлением инвестиций и предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации, разрешается в соответствии с международными договорами Российской Федерации и федеральными законами в суде или арбитражном суде либо в международном арбитраже (третейском суде)» [9]. Так, пророгационное соглашение может предусматривать разрешение споров в любом из указанных судов по соглашению сторон, однако поскольку предметом настоящей работы является исследование института арбитража, именно он будет описан подробнее.

Данное положение гарантирует иностранному инвестору такое же право на судебную защиту, как и любому другому лицу, осуществляющему предпринимательскую деятельность. Однако в данном случае необходимо выделить две категории споров: споры иностранного инвестора с другим юридическим лицом на территории Российской Федерации, а также споры иностранного инвестора непосредственно с Российской Федерацией.

Возможность рассмотрения споров между коммерческими организациями, одна из которых является иностранным инвестором, как предусмотрена законом, так и отражена в судебной практике: пункт 22 Обзора указывает, что «споры предприятий с иностранными инвестициями, зарегистрированных в Российской Федерации, могут разрешаться при наличии волеизъявления сторон в третейском суде (арбитраже внутренних споров), если нормами федерального закона или международного договора не предусмотрено иное» [6].

Таким образом, в российском праве реализуется право иностранного инвестора на судебную защиту в споре с другим лицом.

Однако вторая категория споров представляется более сложной, поскольку в данном случае стороной является само государство. Необходимо отметить, что Российская Федерация не ратифицировала Вашингтонскую конвенцию, а потому споры иностранных инвесторов с РФ не могут быть напрямую рассмотрены МЦУИС, для этого необходимо согласие сторон. Но у инвесторов в российские компании все же есть возможность рассмотрения споров в МЦУИС: в данном случае при согласии сторон спор будет рассмотрен в Дополнительных средствах разрешения инвестиционных споров [12] по Правилам дополнительных процедур [12], которые действуют, если государство, участвующее в споре, или государство, чей гражданин или юридическое лицо участвует в споре, не ратифицировали Вашингтонскую конвенцию.

Также иностранные инвесторы при заключении соглашений с Российской Федерацией могут указать на

рассмотрение возможного спора арбитражем *ad hoc*, поскольку независимые арбитры обладают большей компетентностью в вопросах международных инвестиций, а рассмотрение спора в закрытом режиме обеспечивает большую гарантию соблюдения прав участников спора. Рассмотрение спора в специализированном органе является базовым способом защиты иностранного инвестора: в этом случае снижается риск разрешения спора государственным судом в пользу государства-стороны спора, а также предоставляется участие гарантированно квалифицированных арбитров, выбор которых предоставлен сторонам спора.

Таким образом, несмотря на то, что Российская Федерация не ратифицировала Вашингтонскую конвенцию, предусматривающую институциональное разрешение инвестиционных споров, международные механизмы разрешения споров все еще доступны для иностранных инвесторов. Как правило, по соглашению сторон (как в самом договоре, так и при возникновении спора) стороны передают спор в МЦУИС или *ad hoc* арбитраж, поскольку именно эти способы разрешения споров являются наиболее честными и эффективными.

Однако несмотря на арбитрабельность споров с участием иностранных инвесторов, признание и приведение в исполнение таких решений все еще вызывает некоторые сложности. В соответствии со статьей 241 Арбитражного процессуального кодекса решения иностранных арбитражных решений признаются и приводятся в исполнение, если это «предусмотрено международным договором Российской Федерации и федеральным законом» [1]. Таким международным договором является прежде всего Нью-Йоркская Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года. На национальном уровне возможность признания и приведения в исполнение решения международного коммерческого арбитража закреплена в статье 35 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», которая указывает, что «арбитражное решение, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, признается обязательным и при подаче в компетентный суд письменного ходатайства приводится в исполнение» [4]. Однако существуют также основания для отказа в признании и приведении в исполнение таких ре-

шений. Первым основанием является ходатайство стороны, против которой такое решение было принято, основанное на недействительности арбитражного соглашения, несоблюдении процедуры разрешения спора, отсутствии компетенции арбитров и др. Вторым основанием является отказ компетентного (российского) суда в признании решения международного коммерческого арбитража по причине противоречия такого решения публичному порядку Российской Федерации или невозможности объекта спора быть предметом арбитражного разбирательства в РФ. Несмотря на то, что судебная практика по данному вопросу не является единообразной, в настоящее время суды все больше склоняются к проарбитражному подходу [3] и признают решения иностранных арбитражных учреждений в случае отсутствия оснований для отказа, поскольку «все сомнения в исполнимости арбитражного соглашения [...] должны толковаться в пользу его действительности и исполнимости» [7].

Международная практика по вопросу признания и приведения в исполнение решений иностранных арбитражных учреждений также различается. Так, в инвестиционном споре *Hulley Enterprises Ltd, Yukos Universal Ltd и Veteran Petroleum Ltd v. Russia* Окружной суд Гааги не признал шесть арбитражных решений Третейского суда Гааги, поскольку спор не подпадал под юрисдикцию арбитражного суда. Решение суда было основано на широком толковании пункта 1 статьи 45 ДЭХ, в соответствии с которым в случае противоречия норм указанного международного договора национальному праву страны, временно применяющей договор, национальное (российское) право должно иметь приоритет» [13]. Поскольку отмена решения арбитража по месту вынесения является основанием для отказа в его исполнении в других странах, возможность его приведения в исполнение в Великобритании, США, Бельгии, Германии, Индии и Франции остается под вопросом, поскольку судебная практика признания и приведения в исполнение отмененных арбитражных решений различается в каждом из государств.

Таким образом, несмотря на позитивное развитие института арбитража как способа защиты прав инвесторов в России и мире, признание и исполнение арбитражных решений все еще остается сложным вопросом, не имеющим единого решения для всех юрисдикций.

Литература:

1. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.12.2018) // СПС Консультант Плюс
2. Генеральное соглашение о торговле услугами (ГАТС) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 года) // СПС Гарант
3. Гребенькова В. С. Интерпретация по-русски: практика российских судов в отношении толкования арбитражных соглашений — URL: https://journal.arbitration.ru/upload/iblock/45f/Arbitration.ru_N2_7_March_2019.pdf (дата обращения: 26.04.2019)
4. Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (с изменениями и дополнениями) — URL: <http://base.garant.ru/10101354/d83dadcd1d9eb82a4be83885f2efee52/#ixzz5nKXpem8m> (дата обращения: 26.04.2019)

5. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 год) — URL: <https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/NY-conv/New-York-Convention-R.pdf> (дата обращения: 26.04.2019)
6. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 12 июля 2017 года — URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php? Id=11489 (дата обращения: 26.04.2019)
7. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей, утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2018 года — URL: http://www.vsrfr.ru/documents/all/27518/?fbclid=IwAR3G3R5rGiK0XbSfPkHAT4yt-_UV7B7UDSzd8dK21ZlklPmDzhdcsh0KPU (дата обращения: 26.04.2019)
8. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 г.) (с изменениями и дополнениями) // СПС Гарант
9. Федеральный закон от 09.07.1999 N160-ФЗ (ред. от 31.05.2018) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс
10. Федеральный закон от 29 апреля 2008 года № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // СПС Консультант Плюс
11. Agreement on Trade-Related Investment Measures (TRIMs) (WTO, Uruguay Round) — URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/invest_e/trims_e.htm (дата обращения: 26.04.2019)
12. ICSID Additional Facility Rules — URL: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/icsiddocs/ICSID-Additional-Facility-Rules.aspx> (дата обращения: 28.04.2019)
13. Korte J. and Wilts G., Court allows Russia’s unclean hands argument against former Yukos shareholders (Court of Appeal in The Hague) — URL: https://www.vosdk.nl/assets/files/assets/uploads/Court_allows_Russias_unclean_hands_argument_against_former_Yukos_shareholders__1.pdf (дата обращения: 26.04.2019)
14. Santander Trade Portal website — URL: <https://en.portal.santandertrade.com/establish-overseas/russia/foreign-investment> (дата обращения: 26.04.2019)

К вопросу о проблеме убытков как правовой категории в договорных отношениях в рамках отечественного права

Артемяева Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Омская юридическая академия

В эпоху развития и усложнения договорных отношений как никогда остро встает вопрос о возможности применения к субъектам договорных отношений ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных обязательств. Все чаще хозяйствующие субъекты в качестве способа защиты права выбирают именно взыскание убытков. Однако в настоящее время существует ряд как практических, так и теоретических проблем, которые связаны с неоднозначным толкованием правовой природы убытков. Тогда как для полноценного развития системы договорных отношений в стране субъектам права принципиально необходимо знать и четко понимать, что на самом деле есть «убытки» и какого их значение. Полагаем, что проблему возмещения убытков следует рассматривать в рамках института гражданско-правовой ответственности, поскольку именно они являются наиболее часто встречающейся формой (мерой) гражданско-правовой ответственности. Подобный подход на сегодняшний день превалирует

в цивилистической доктрине. В этой связи интересно обратиться к определению гражданско-правовой ответственности высказанное О.С. Иоффе [5]. Гражданско-правовая ответственность, по мнению ученого, — это санкция за правонарушение, которая вызывает для правонарушителя негативные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав, либо возложением дополнительных или новых гражданско-правовых обязанностей. Кроме того, О.С. Иоффе считал неразрывно связанными понятия убытков и понятия гражданско-правовой ответственности. Хохлов В.А. в качестве обязательного аспекта убытков закрепляет их жесткую связь с правонарушением, исключительно по причине того, что о них можно говорить только в аспекте последствий, вызванных совершением неправомерного деяния [9]. Аналогичную точку зрения принял и А.В. Волков: «...об убытках в юридическом аспекте можно говорить только как о результате неправомерного поведения должника, то есть в жесткой связи с правонарушением... [7]».

В п. 1 ст. 393 Гражданского Кодекса¹ закрепляет универсальное правило, возмещение убытков — общее правило для наступления гражданско-правовой ответственности. Данное правило применяется во всех случаях, если иное не предусмотрено законом или договором. Тогда как применение иных мер имущественной ответственности возможно только при закреплении соответствующей возможности напрямую в законе или конкретном гражданско-правовом договоре. Указанное относится к отличительной особенности убытков. Нельзя не подчеркнуть, что именно механизм возмещение убытков наиболее полно и глубоко раскрывает три наиболее важных функций ответственности: предупредительную, компенсационную и стимулирующую. В качестве наглядной иллюстрации данного тезиса интересно исследование, проведенное авторами научного труда «Правовая экономика: проблемы становления», в котором сделан субъективный вывод о том, что применение вышеназванной меры ответственности позволит снизить нарушения договорных условий в три — четыре раза [6]. Данный пример — проявление стимулирующей функции. Еще одной особенностью возмещения убытков, как меры гражданско — правовой ответственности является то, что ее применение в каждом конкретном случае влечет за собой возникновение дополнительного обременения, то есть имущественные потери для виновной стороны, которые не возникли бы в случае надлежащего исполнения обязательства.

На практике у субъектов договорных отношений ключевое значение приобретает именно четкое разделение правых категории убытков и основного долга по договору. Поэтому в качестве квалифицирующего признака может выступать наличие дополнительного обременения на стороне должника. С целью определения является ли взыскиваемая с должника сумма убытками или основным долгом в первую очередь необходимо проанализировать, повлечет ли уплата возникновение дополнительного обременения для должника. Вышеизложенное в общем виде сводится к недопустимости смешения категорий убытков и денежного долга, лежащих в очевидно разнородных правовых плоскостях.

Правильное понимание обозначенного вопроса и надлежащая правовая квалификация имеет не только доктринальное, но и практическое значение. Поскольку смешение двух различных категорий может повлечь для одной из сторон договора неблагоприятные имущественные последствия. Очевидно, что вопрос о соотношении денежного долга и убытков, которые могут возникнуть в случае ненадлежащего исполнения обязательств, является следствием затянувшейся дискуссии о соотношении ответственности и долга. Обозначенный вопрос поднимался в трудах многих отечественных правоведов, но подробной доктринальной аргументации так и не получил. По мнению Агаркова М.М., само понятие обязатель-

ства в качестве одного из ключевого элемента содержит санкцию. При этом, задача санкции в самом общем виде сводится к обеспечению осуществления права кредитора и исполнение обязанности должника. В этом случае долг и ответственность выступают уже ни как различные или ни как тождественные элементы одного обязательства, а только лишь двумя аспектами одного и того же правоотношения [4]. С точки зрения Н.С. Братуся: «Требование о возмещении убытков — это требование об исполнении новой обязанности, которая заменяет прежнюю». Тогда как Осипов Е.Б. полагал, что гражданско-правовая ответственность влечет появление дополнительного обязательства имущественного характера. Ш. И. Будман придерживался концепции согласно которой возмещение убытков по договору порождает совершенно новое обязательство для сторон [8]. Интересен на наш взгляд и подход Е.В. Тирской, по мнению которой, основной денежный долг и обязательство по возмещению убытков достаточно схожи и имеют аналогичную правовую природу. В связи с чем правовое регулирование их исполнения будет тождественным. В целом автор рассматривает убытки как новый денежный и допускает применение к нему всех без исключения правил, регулирующих «истинно денежные обязательства». В данном контексте, очевидно, что автор не исключает возможности применения том числе и законоположений статьи 395 ГК РФ. О допустимости возложения одной гражданско-правовой ответственности на другую говорит и О.В. Савенкова [10]. С точки зрения Савенковой как таковой запрет двойного принципа ответственности за одно и тоже нарушение в данном случае не возникает. Возмещение убытков предполагает совершение одного нарушения, а обязанность возместить начисленные проценты по ст. 395 ГК РФ на сумму этих будет являться следствием иного правонарушения.

В соответствии с правовой позицией, продиктованной ныне упраздненным Высшим Арбитражным судом проценты за пользование чужими денежными средствами — это форма ответственности за нарушение денежного обязательства. Убытки — это тоже одна из форм ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение должником обязательства. В связи с чем, на сумму убытков проценты не начисляются [2]. Аналогичные выводы содержатся и в ряде иных судебных актов различных судебных инстанций. Например, в деле по иску ООО «Новивидео» к ООО «ЖелДорЭкспедиция» суды обеих инстанций обоснованно отказали истцу во взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, поскольку исходя из представленного расчета начислены они были на сумму убытков [3]. Таким образом, даже не смотря на выработанную правоприменительную позицию, а также правовые разъяснения высших судебных инстанций некоторые участники гражданского оборота настаивают на возможности начисления про-

¹ Далее ГК РФ.

центов на сумму убытков, не подкрепленных судебным решением. Можно предположить, что в данном случае участники оборота рассматривают убытки уже как совершенно новое и независимое от первоначального обязательства.

Резюмируя вышеизложенное, полагаем, что недопустимо отождествлять такие разные правовые категории как «долг» и «ответственность должника». Неправильное толкование и смешение в практической правоприменительной деятельности может спровоцировать нарушение прав сторон.

Комплексно анализируя теоретические воззрения отечественных и зарубежных цивилистов считаем, что в договорных обязательствах логично рассматривать возмещение убытков как вторичное обязательство, производное от первоначального по причине его ненадлежащего исполнения.

Определившись с правовой природой убытков, с точки зрения договорного права, интересно, на наш взгляд, проследить и другие проблемные аспекты взыскания убытков. Исходя из общепринятой и наиболее распространенной теоретической классификации убытки делятся на:

- 1) компенсаторные — это убытки, которые рассчитывают в случае прекращения конкретного обязательства;
- 2) мораторные — это убытки за просрочку исполнения,
- 3) возполнительные — это убытки, возникшие по причине принятия ненадлежащего исполнения.

В настоящее время в отечественном законодательстве действует весьма неубедительная попытка воспроизвести соотношения взыскания убытков и требования реального исполнения. Прежде всего речь пойдет о статье 396 ГК РФ, п. 1 которой гласит: «Уплата неустойки и возмещение убытков в случае ненадлежащего исполнения обязательства не освобождают должника от исполнения обязательства в натуре [1] ...», наряду с этим п. 2 этой же статьи прямо говорит: «Возмещение убытков в случае неисполнения обязательства и уплата неустойки за его неисполнение освобождают должника от исполнения обязательства в натуре...». Интересная позиция на этот счет была высказана А.Г. Карапетовым. Полагаем, что действительная обозначенная норма нуждается в скорейшем реформировании. Считаеьмым допустимым предложить внести изменения в законоположения п.п. 1 и 2 ст. 396 ст. 396 ГК РФ поскольку, содержащее указанных пунктов не соответствует общепринятым критериям и зачастую не всегда понятно участникам оборота. В связи с чем, по сути, возникает практическая неприспособленность ука-

занных норм, кроме того, даже в правовой литературе нередко случаи разночтений и неправильного ее толкования.

Вместо указанных и ныне действующих пунктов было бы разумно на законодательном уровне закрепить классификацию убытков на мораторные, компенсаторные и возполнительные, то есть урегулировать взаимосвязь какого-либо из вида убытков именно с прекращением обязательства. Обращаясь к опыту зарубежных коллег и анализируя германское гражданское уложение, а в частности п. 4 ст. 281, очевиден именно такой законодательный подход, однако и там он закреплен только отчасти. Пункт 4 ст. 281 предусматривает, что независимо от того имело место ненадлежащее исполнение или вовсе неисполнение предъявление кредитором требования о взыскании убытков вместо исполнения (компенсаторных убытков) полностью освободит должника от необходимости исполнить обязательство.

Кроме того, логично на наш взгляд и то, что исполнение нарушенного обязательства в натуре, по сути, несовместимо с требованием о взыскании компенсаторных убытков. Несмотря на то, что предметом данного исследования служит исключительно правовая категория убытков, тем не менее в контексте компенсаторных убытков нельзя не упомянуть о деле А40—51703/2016, по которому заявитель просил взыскать с продюсера неустойку и обязать продюсера доснять фильм². Однако, предъявление кредитором требования о взыскании с должника мораторных убытков не прекращает обязательство должника и дает право кредитору требовать исполнить обязательство в натуре.

Подводя итог вышеизложенного очевидно, что на сегодняшний день правовая категория убытков нуждается в глубоком теоретическом изучении и практическом законодательном реформировании. В настоящее время в доктрине существует целый комплекс диаметрально противоположных точек зрения относительно убытков как правовой категории. Помимо неоднозначного толкования правовой природы очевиден и законодательный пробел в части отсутствия надлежащей классификации убытков. Все эти факторы в конечном счете могут привести к дестабилизации гражданского оборота и ущемлению прав участников договорных правоотношений.

Хотелось бы подчеркнуть, данная работа не ставила своей целью дать подробный ответ на каждый из проблемных вопросов. Целью исследования является лишь тезисное выявление наиболее уязвимых мест, с которыми могут столкнуться участники договорных отношений, для дальнейших фундаментальных исследований.

Литература:

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² прим.: неустойка в данном случае так же, как и убытки, является мерой гражданско-правовой ответственности и явно прослеживается компенсаторный характер, по сути при таких условиях исполнение обязанности доснять фильм т.е. исполнить обязательство в натуре недопустимо.

2. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.03.2003 N10360/02 по делу № А54–2691/99-С9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.09.2017 № 09АП-38630/2017 по делу № А40–56048/17. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. / М. М. Агарков. — М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. — 192 с.
5. Иоффе О. С. Обязательственное право // Т. III., М.: Юрид. лит., 1975. С. 880.
6. Пугинский Б. И. Правовая экономика: проблемы становления / Б. И. Пугинский, Д. Н. Сафиуллин. — М.: Юрид. лит., 1991. С. 240.
7. А. В. Волков Возмещение убытков по гражданскому праву России // Дис. канд. юрид. наук: 12.00.03, Волгоград, 2000.
8. Будман Ш. И. Невозможность исполнения обязательств в современном договорном праве / Ш. И. Будман, Е. А. Павлодский // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. — М.: Городец, 2000. — С. 223–235.
9. Хохлов В. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: Дис... канд. юр. наук. — Самара, 1998. — 296 с.
10. Савенкова О. В. Возмещение убытков в современном гражданском праве // Убытки и практика их возмещения: Сб. ст. — М.: Статут, 2006. — С. 36–44.

Перспективы и тенденции развития федеральной контрактной системы

Ахатова Альбина Маснавиевна, старший преподаватель;
Бреслер Александр Максимович, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Статья посвящена перспективам и тенденциям развития федеральной контрактной системы в сфере закупок, товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Актуальность темы связана с тем, что эффективность закупок напрямую влияет на экономическое развитие страны и отдельных регионов. В статье определены предпосылки становления федеральной контрактной системы, негативные тенденции в сфере контрактной системы, выделены проблемы системного характера, рассмотрены перспективы развития и новации законодательства в сфере государственных закупок.

Ключевые слова: федеральная контрактная система, государственные закупки, цифровизация контрактной системы, тенденции развития федеральной контрактной системы.

Актуальность развития федеральной контрактной системы объясняется тем, что государственные закупки составляют половину расходов страны, объем рынка госзаказа в 2016 году составлял 25% ВВП, а в 2017 году 40%, при этом уровень экономии бюджетных средств падает. От эффективности контрактной системы зависит уровень экономики страны, так как эффективная контрактная система позволяет экономить бюджетные средства и осуществлять другие приоритетные задачи государства. Таким образом, развитие федеральной контрактной системы является важным приоритетным направлением.

На данный момент федеральную контрактную систему регулирует Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N44-ФЗ [4].

Данный закон пришел на смену Федеральному закону «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21.07.2005 N94-ФЗ [5], так как

Закон № 94 ФЗ имел множество законодательных недостатков, и объективно уже не мог в полной мере эффективно удовлетворять потребности государства.

Период действия Закона № 94 ФЗ характерен следующими проблемами:

- сложность процедур 94-ФЗ;
- отсутствие квалифицированных специалистов;
- отсутствие возможности гарантировать надлежащее качество закупки;
- высокий уровень недобросовестного поведения поставщиков, и отсутствие эффективных механизмов пресечения недобросовестного поведения поставщиков;
- высокий уровень рисков поставки товара ненадлежащего качества.
- сложность процедур участия в государственных закупках;
- высокие издержки участия в конкурсах по государственным закупкам;
- риски недобросовестного поведения и некомпетентности поставщиков, следствием чего являются риски неисполнения заказа;

– трансформация коррупционных рисков в другие формы: сговор заказчика и поставщика через излишнюю детализацию технического задания под конкретных поставщиков;

Анализируя проблемы характерные Закону № 94 ФЗ можно сделать вывод, что было множество законодательных пробелов и регулирование некоторых вопросов не было законодательно утверждено, в свою очередь это говорит о невозможности эффективно регулировать систему государственных закупок.

Не смотря на количество недостатков Закона № 94 ФЗ можно назвать его законопроектом, который способствовал развитию федеральной контрактной системы и формированию предпосылок для ее становления.

В качестве предпосылок создания контрактной системы в сфере закупок товаров для обеспечения государственных и муниципальных нужд можно выделить [2]:

– несоответствие потенциала законодательства РФ о размещении заказов и потребностей государства, действующее законодательство на тот момент уже не справлялось с растущими потребностями государства;

– отсутствие возможности решения целого комплекса проблем, возникших в сфере государственных закупок без разработки нового законопроекта;

– увеличение риска поставки товаров ненадлежащего качества;

– потребность в комплексном совершенствовании сферы закупок для государственных и муниципальных нужд, а также необходимость регулирования всего цикла планирования, осуществления и контроля государственных и муниципальных закупок;

– необходимость увеличения эффективности государственных закупок;

– необходимость снижения коррупционных рисков, а также увеличения прозрачности закупок, в том числе посредством развития института общественного контроля закупок, а также введения мониторинга и аудита в сфере государственных закупок.

На почве данных предпосылок возникла необходимость в совершенствовании федеральной контрактной системы и был разработан Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N44 ФЗ, который актуален по сегодняшний день [4].

С момента принятия закона Российской Федерацией был совершен переход на контрактную систему в сфере государственных закупок. В соответствии с этим государственные и муниципальные закупки в России должны размещаться в единой информационной системе в сфере закупок.

Основной задачей перехода являлось внедрение единого прозрачного цикла формирования, размещения государственного заказа и исполнения государственных контрактов, что должно способствовать снижению присутствия коррупционной составляющей и росту конкуренции.

Таким образом, закон 44-ФЗ и связанный с ним комплекс подзаконных актов регулируют: порядок планирования, нормирования, и обоснования закупок, способы определения поставщиков, закупки у единственного поставщика; мониторинг закупок и аудит в сфере закупок; порядок исполнения и размещения заказов для государственных нужд и алгоритм проведения экспертизы результатов закупок; информационное обеспечение контрактной системы, контроль в сфере закупок и порядок обжалования действий или бездействия участников системы закупок со стороны заказчика, будь то контрактные управляющие, или должностные лица контрактной службы.

Не смотря, на то, что федеральный закон № 44-ФЗ подробно регулирует все стадии закупочного процесса, он так же обладает негативными тенденциями [1]:

Сложность и перегруженность 44 ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013. Данная тенденция связана с тем, что закон регулирует отношения в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд на всех стадиях проведения процедуры закупки.

Кадровая проблема:

Отмечается низкий уровень профессиональной подготовки кадрового состава контрактной службы и комиссий по осуществлению закупок, возникший в результате коротких сроков и высоких затрат на обучение, а также высокой текучестью кадров, возникающей в результате возложения на должностное лицо огромной ответственности при сравнительно невысокой заработной плате;

Так же отмечается недостаточность квалификации кадров со стороны поставщика (подрядчика, исполнителя), в обязанности которого не входит наем сотрудников с наличием специализированного сертификата, подтверждающего прохождение курсов повышения квалификации в сфере закупок, что в свою очередь вызывает трудности при работе с контрактной системой;

В результате, из-за отсутствия квалифицированных специалистов как со стороны заказчика, так и со стороны поставщика возникают ошибки в процессе планирования и размещения заказа, а в последующем эти ошибки влекут за собой наложение вышеупомянутых штрафов.

Следующей важной проблемой является: отсутствие органа власти, официально наделенного полномочиями по разъяснению законодательства о контрактной системе, а также отсутствие единообразной правоприменительной практики и возможность неоднозначного понимания отдельных положений.

Низкий уровень доверия к рынку государственного и муниципального заказа и как следствие — низкие показатели активности участников закупочного процесса. Низкое доверие приводит к небольшому количеству участников закупок и невысокому уровню конкуренции.

Технические проблемы. Отмечаются проблемы, связанные с неудовлетворительной работой портала закупок

и существование погрешностей в формах документов. Системы автоматизации официального сайта не успевают за многочисленными изменениями в нормативно-правовой базе. Некоторые операции приходится делать вручную, а это связано со значительными временными затратами. Например, определение начальной максимальной цены контракта посредством официального сайта занимает до получаса. На практике же одна закупка может включать несколько десятков позиций. Поэтому, для эффективной работы контрактной системы необходимо принимать меры по автоматизации и оптимизации официального сайта и региональных систем.

Так же можно выделить проблему коррупционного характера: ни официальный сайт, ни электронные аукционы не преобразовали пока рынок государственного и муниципального заказа в механизм, где всегда побеждает наиболее выгодное для государства предложение.

Анализируя рассмотренные тенденции можно утверждать, что наличие таких проблем тормозит развитие контрактной системы, и рост экономики страны в целом, поэтому необходимо разрабатывать комплекс мер направленных на формирование эффективного пространства и разработку новых инновационных технологий и методов для развития контрактной системы.

Однако, законодательство не стоит на месте, принимаются поправки и разрабатываются инновационные подходы с целью развития контрактной системы, одним из таких подходов является цифровизация контрактной системы.

Благоприятной тенденцией является цифровизация федеральной контрактной системы, которая позволит решить ряд этих проблем и перевести контрактную систему на новый уровень развития.

31 декабря 2017 года был принят Федеральный закон № 504-ФЗ, изменяющий положения Закона о контрактной системе [3]. Главным нововведением стало требование перевода всех конкурентных закупочных процедур в электронную форму. С 1 января 2019 года заказчики будут обязаны проводить конкурентные процедуры в электронной форме. Основной целью законопроекта являются снижение сроков контрактации и ряд упрощений для системы государственных закупок в целом.

Перевод закупочных процедур в электронную форму приведет к качественным изменениям в сфере закупок, а именно: к снижению коррупционных рисков, рисков сговора между участниками закупок, обеспечению добросовестной конкуренции, увеличению экономии бюджетных средств.

«Цифровизация сегодня — это вызов контрактной системе, главными направлениями которой являются эффективность, конкуренция и, соответственно, минимизация рисков, для того чтобы реализовывать потребности города», — считает Геннадий Дегтев [6].

Согласно Федеральному закону № 504-ФЗ работу по упрощению системы государственных закупок проведет Министерство финансов [3].

Законопроект предусматривает следующие новации:

— отдельный блок изменений посвящен регулированию закупок строительных работ, одним из нововведений является переход от заявки на участие в торгах к согласию на выполнение работ, предусмотренных техническим заданием.

— упразднение ненужных процедур, данная мера направлена на упрощение законодательства, чем больше процедур регламентировано в Законе, тем он объемнее и сложнее для исполнения;

— полную цифровизацию учета всех этапов исполнения контракта и расчета цен, что позволит минимизировать нагрузки на профильных сотрудников контрактной системы и сократить временные издержки исполнения контрактов;

— упрощение планирования;

— объединение в один документ плана и плана-графика закупок;

— изменение правил нормирования;

— автоматизацию многих рутинных процедур;

— все этапы исполнения контракта будут фиксироваться в электронной форме;

— Банки будут контролировать систему обеспечения заявок и исполнения контрактов средствами, размещенными на спец. счетах.

— Казначейство, в свою очередь, ведет работу по технологическому совершенствованию системы — с 1 июля будет запущен «пилотный проект» по электронному подписанию актов выполненных работ.

— Казначейство и ФАС намерены внедрять в системе принципы биржевой торговли и интегрировать ее с агрегаторами торговли и интернет-магазинами, чтобы обеспечить госзаказчикам базу релевантных цен.

— Также Казначейство представило мобильное приложение информсистемы закупок для поставщиков, которое позволяет вести поиск закупок и потенциальных заказчиков.

Преимущества цифровизации федеральной контрактной системы:

— благодаря автоматизированному сравнению цифровых показателей и минимизации нагрузки на профильных специалистов при подготовке, а также при размещении процедуры цифровизация позволяет эффективно выстраивать процесс межведомственной работы управления закупками;

— так как цифровизация осуществляет постоянный контроль и профилактику нарушений, а также обеспечивает необходимые стандарты в цифровом формате, это позволит существенно сократить количество нарушений законодательства в сфере государственных закупок;

— комплект документации формируется в электронном виде автоматически, что в свою очередь позволяет сократить временные издержки и также снизить нагрузку на профильных специалистов;

— цифровизация обеспечивает системность, а это позволяет сделать работу на рынке закупок прозрачной и по-

нятной, это должно способствовать привлечению новых потенциальных поставщиков, а значит повысить уровень конкуренции;

– цифровизация также позволяет повысить уровень информированности заказчиков об исполнителях, а у поставщиков в свою очередь появляется возможность работать с планами закупок.

Согласно мировой тенденции в настоящее время всё большую популярность и востребованность набирают технологии и методы цифровой экономики, которые позволяют автоматизировать большую часть рутинных процессов и максимально возможно исключить человеческий фактор из тех процессов, где это возможно.

Одной из перспективных таких технологий применительно к контрактной системе является: блокчейн (blockchain), данная технология позволяет децентрализовать функции государства и распределить их между всеми членами общества, тем самым повысить уровень доверия населения к государственному аппарату, также технология направлена на максимизацию достоверности информации.

Возможностями применения технологии блокчейн в контрактной системе являются:

Во-первых, технология блокчейн позволяет сократить временные издержки на протяжении всего цикла закупки. Здесь подразумевается переход от бумажной процедуры

осуществления закупки к полностью электронной процедуре, что в среднем экономит в 2 раза больше времени.

Во-вторых, применение смарт-контрактов. Смарт-контракты — это электронный алгоритм, подразумевающий выполнение определенных условий, после которых происходит сделка и в результате которой одна из сторон получает заранее внесенную в алгоритм «оплату». Целью смарт-контрактов является упрощение процесса осуществления государственных закупок, снижение издержек и развития механизма контроля исполненных контрактов, а также повысить эффективность управления временными ресурсами.

В-третьих, технология блокчейн включает в себя сокращение избыточной административной нагрузки. То есть, позволяет систематизировать существующую на данный момент административную базу и на программном уровне закрепить требования и правила проведения государственных закупок.

Таким образом, совокупность современных методов и технологий цифровой экономики позволит значительно автоматизировать процесс осуществления государственных закупок, снизить коррупционную и бюрократическую составляющие контрактной системы, оптимизировать время осуществляемых операций, тем самым перевести контрактную систему на новый этап развития.

Литература:

1. Ахатова А. М. Бреслер А. М. Проблемы контрактной системы в сфере государственных закупок (на примере Челябинской области) // Современные проблемы управления организациями, территориями, страной, взгляд молодых: сб. науч. ст. — Челябинский государственный университет (г. Челябинск), 2018. — С. 7–12.
2. Гасаналиева А. Ш. Предпосылки и перспективы развития законодательства в сфере государственных закупок // Молодой ученый. — 2016. — № 2. — С. 673–675. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/106/25082/> (дата обращения: 09.06.2019).
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон »О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 31.12.2017 N504-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] / Консультант плюс. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286777/ (дата обращения: 08.06.2019).
4. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N44-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] / Консультант плюс. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения 08.06.2019).
5. Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21.07.2005 N94-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] / Консультант плюс. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54598/ (дата обращения: 08.06.2019).
6. Цифровизация и стандартизация: Москва — самый эффективный регион контрактной системы России [Электронный ресурс] / Официальный сайт мэра Москвы — Режим доступа: <https://www.mos.ru/news/item/44931073/> (дата обращения: 10.06.2019).

Наследственный фонд в России: проблемы и перспективы

Аюпова Гюзьяль Фяридовна, студент магистратуры

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Одним из новшеств в отечественном наследственном праве является наследственный фонд, который, согласно ст. 1116 ГК РФ [1], может выступать в качестве наследника. По словам Председателя Комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству, одного из авторов этого закона Павла Крашенинникова, целью этого нововведения является «наследование, сохранение и развитие бизнеса и других активов». Законодатель идет по пути интеграции иностранных норм в отечественное законодательство, поскольку в некоторых странах существует значительный опыт использования наследственных фондов, самыми известными из которых являются фонд Нобеля, фонд Форда (США), фонд Велкома (Великобритания), фонд Боша (Германия). Целью создания таких фондов за рубежом является не только поддержка после своей смерти родственников, но и возможность приносить пользу обществу, направляя средства фонда на благотворительность. В странах континентального права частные фонды являются аналогом английского траста [7].

Среди очевидных плюсов данного института отмечаем возможность сохранения бизнеса и активов граждан даже после смерти, а также материального обеспечения наследников и других выгодоприобретателей фонда. Кроме того, наследственный фонд не отвечает по обязательствам своих учредителей, что также является несомненным преимуществом такой формы наследования. На данный момент таких фондов в России нет, однако уже многие состоятельные российские граждане изъявили желание составить завещание с учреждением наследственного фонда. Так, президент Федеральной нотариальной палаты России Константин Корсик сообщил в интервью «Российской газете» о том, что уже зафиксировано 556 завещаний, предусматривающих создание наследственного фонда [8].

На наш взгляд, создание подобных фондов в России в том виде, в каком предполагает законодатель, связано с некоторыми пробелами.

Во-первых, само по себе создание наследственного фонда только после смерти наследодателя сопряжено со многими рисками, поскольку наследодатель уже не может повлиять на управление этим фондом, проконтролировать его деятельность. Если брать аналогию с английским трастом, то там фонд может быть создан при жизни основателя.

Во-вторых, такой правовой институт, как наследственный фонд, вводит дополнительные обязанности для нотариусов, а именно: согласно абз. 2 п. 4 ст. 50.1 ГК РФ [1], после смерти гражданина на нотариуса возлагается обязанность направлять в уполномоченные госу-

дарственные органы пакет документов для регистрации фонда.

В-третьих, при создании наследственного фонда отсутствует имущественный ценз. Пробел ли это, или законодатель сознательно оставил возможность создать наследственный фонд для абсолютно разных категорий лиц? На наш взгляд, этот вопрос требует более точного определения.

В-четвертых, наследственный фонд создается как юридическое лицо, и, соответственно, у него возникает обязанность по уплате налогов. Согласно российскому законодательству, наследственный фонд является некоммерческой унитарной организацией, однако в ст. 123.20–1 ГК РФ в качестве цели его создания указано управление полученным в порядке наследования имуществом, что подразумевает сохранение и приумножение имущества в пользу выгодоприобретателей. Поскольку, согласно п. 3 ст. 123.20–1 ГК РФ, безвозмездная передача имущества иными лицами в наследственный фонд не допускается, логично предположить, что для наследственного фонда основной деятельностью будет извлечение доходов от использования имущества наследодателя. С практической точки зрения, также интересен вопрос налогообложения дохода наследников-выгодоприобретателей от деятельности наследственного фонда, который никаким образом не обозначен в ГК РФ и НК РФ.

Если брать во внимание права выгодоприобретателя наследственного фонда, то, согласно ст. 123.20–3 ГК РФ, права выгодоприобретателя фонда не могут быть отчуждаемы, в том числе путем обращения взыскания по обязательствам выгодоприобретателя. В ГК РФ перечислены следующие права выгодоприобретателя: на получение части имущества наследственного фонда, доходов от его деятельности, на получение информации о деятельности фонда, а также право на проведение аудита по требованию выгодоприобретателя. Кроме того, выгодоприобретатели вправе входить в высший коллегиальный совет с целью осуществления надзора за деятельностью наследственного фонда. В ГК РФ указаны не только права, но и некоторые ограничения касательно выгодоприобретателей. Так, выгодоприобретателями не могут быть коммерческие организации. Выгодоприобретатели не могут входить в единоличный или коллегиальный исполнительный орган. Для наследников-выгодоприобретателей с правом обязательной доли также существует условие, согласно ст. 1149 ГК РФ [1]: они вправе либо являться выгодоприобретателями наследственного фонда, либо требовать обязательную долю в наследстве, которая, однако, может быть уменьшена по решению суда.

В целом, деятельность наследственного фонда целиком подпадает под действие статей ГК РФ, посвященных фондам.

Таким образом, считаем, что для нашей страны внедрение такого правового института, как наследственный фонд, будет

положительным опытом, существенно расширяющим возможности распоряжения имуществом для граждан. На наш взгляд, очевидно, что данный институт требует более детальной проработки во избежание пробелов в законе и спорных вопросов в правоприменительной практике.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (части первая, вторая, третья и четвертая) (с изменениями и дополнениями) (редакция с 01.06.2019)//Правовая система «Гарант»
2. Аюшеева И.З. Особенности гражданско-правового положения наследственного фонда//Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 8.
3. Бисярина К.С. Наследственные фонды в законодательстве Российской Федерации// Материалы XVI Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Уральский государственный юридический университет. — 2018. С. 105–107.
4. Калашникова В.С. Наследственный фонд: некоторые аспекты правового регулирования//Синергия Наук. 2018
5. Карташов М.А. Наследственный фонд: новое российское законодательство и иностранный опыт//Современное право. — 2017. — № 10.
6. Скопенко О.Р. Наследственный фонд: зарубежный опыт и перспективы развития в России//В сборнике: Наука России: Цели и задачи Сборник научных трудов по материалам V международной научной конференции. 2017. С. 66–70.
7. Конькова С.В., Анисимов С.А. Генезис института наследования в странах романо-германской и англосаксонской правовых систем//Вестник Екатеринбургского института. 2015. № 4 (32). С. 107–112.
8. «В начальники — по завещанию»// «Российская газета», выпуск от 14 мая 2019 г. № 7859

Некоторые проблемы лицензирования медицинской деятельности в Российской Федерации

Бакшеева Мария Александровна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Ключевые слова: лицензирование, медицинская деятельность, дезинфектология, закон, лицензия.

Статьей 41 Конституции РФ установлено, что каждый гражданин имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Эти положения находят своё развитие в ст. 4 Федерального закона РФ от 21.11.2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», где среди основных принципов охраны здоровья называются соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий; ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных лиц организаций за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья; качество медицинской помощи. Также ст. 18 Основ, закрепляя и раскрывая в содержательном аспекте право человека на охрану здоровья, делает акцент на том, что медицинская помощь (как одна из важнейших составных частей права на охрану здоровья), помимо доступности, должна отвечать еще и такому критерию как «качество» [1].

Обязательность лицензирования медицинской деятельности предусмотрена Федеральным законом от

04.05.2011 N99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (п. 46 ч. 1 ст. 12) [2]. Во исполнение требований ФЗ N99 Постановлением Правительства РФ от 16.04.2012 N291 утверждено Положение о лицензировании медицинской деятельности, которым определяется порядок лицензирования медицинской деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации медицинскими и иными организациями, а также индивидуальными предпринимателями, за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково».

Медицинские организации имеют право осуществлять только те виды работ (услуг), которые непосредственно указаны в Перечне работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность, утвержденном в приложении к вышеназванному Положению о лицензировании медицинской деятельности. Наличие лицензии не требуется

при осуществлении медицинскими и иными организациями, входящими в частную систему здравоохранения, медицинской деятельности на территории инновационного центра «Сколково» (п. 46 ч. 1 ст. 12 Закона о лицензировании, ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 28.09.2010 N244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково», п. 1 Положения, п. 1 Регламента Росздравнадзора, утв. Приказом Минздрава России от 26.01.2015 N21н). Медицинская деятельность на территории инновационного центра «Сколково» осуществляется на основании разрешений, выдаваемых управляющей компанией (ч. 3 ст. 17 Закона N244-ФЗ).

На практике существуют ряд проблем, с которыми связываются предприниматели, чья деятельность не относится к медицинской.

Создалась ситуация полного правового беспредела, в котором, при малоактивной позиции Минздрава РФ, де факто действует Роспотребнадзор РФ, оказывая давление как на заказчиков, так и на подрядчиков услуг.

Минздрав РФ в 2016 году под влиянием со стороны ФАС РФ опубликовал письмо, в котором сказано, что лицензия на дезинфектологию не нужна, так как эта деятельность проводится не в рамках оказания медицинских услуг (сюда же входит дезинфекция, дератизация, дезинсекция).

Рассмотрение дела в Верховном суде приняло иной оборот. В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15 января 2018 г. № 309-КГ17–12073 суд поддержал позицию Роспотребнадзора.

Верховным судом были учтены следующие обстоятельства:

– Санитарно-противоэпидемические мероприятия — является одной из мер по охране здоровья.

– Согласно ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» санитарно-противоэпидемические мероприятия направлены на предотвращение возникновения и распространения инфекционных за-

болеваний и массовых неинфекционных заболеваний (отравлений) и их ликвидацию [3].

– Санитарными правилами предусмотрено, что санитарно-противоэпидемические мероприятия должны проводиться своевременно.

– Согласно п. 10 ст. 2 Закона № 323-ФЗ, деятельность по оказанию санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий составляет медицинскую деятельность, а значит подлежит лицензированию, так как включена в понятие «медицинская деятельность» [4].

Из вышеперечисленного следует, что юридические лица в своем штате должны иметь специалистов со специальным медицинским образованием и лицензию на медицинскую деятельность, чтобы осуществлять дезинфекционную деятельность.

В проблему опять вмешался ФАС и Минэкономразвития. Их позиция заключалась в том, что в законодательстве необходимы уточнения. Ограничения на рынке по предоставлению услуг по дезинфекции могут нарушать принципы здоровой конкуренции.

Минздрав опубликовал Письмо от 13 июня 2018 года N27–3/3059454–468, где указал, что при осуществлении дезинфекционной деятельности в целях обеспечения дезинфекции, дезинсекции, дератизации, не предусматривающих проведения мероприятий в рамках оказания медицинской помощи, и не являющихся медицинскими услугами, необходимость получения лицензии на осуществление медицинской деятельности отсутствует.

Иными словами, организации, которые оказывают услуги по дезинфекции, дезинсекции и дератизации вне рамок оказания медицинской помощи, не обязаны получать медицинскую лицензию.

Минздрав официально опубликовал проект изменения Постановления № 291 в котором исключил дезинфектологию и энтомологию из лицензируемых видов медицинских услуг.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ).//Консультант Плюс.URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/(дата обращения: 15.05.2019).
2. Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 N99-ФЗ.//Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/(дата обращения: 20.05.2019).
3. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 N52-ФЗ (последняя редакция).//Консультант Плюс.URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/(дата обращения 25.05.2019).
4. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N323-ФЗ (последняя редакция). КонсультантПлюс.URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/(дата обращения 25.05.2019).

Международное сотрудничество как функция прокуратуры Российской Федерации

Болдырева Альма Александровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье международное сотрудничество органов прокуратуры в борьбе с международной преступностью рассматривается, как одно из важных направлений (функций) деятельности данной правоохранительной структуры наряду с прокурорским надзором, уголовным преследованием, координацией деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участием в рассмотрении дел судами и участием в правотворческой деятельности. При этом международное сотрудничество прокуратуры Российской Федерации является ненадзорным направлением ее деятельности, приоритетность которой обусловлена неблагоприятной динамикой международной преступности и невозможностью противодействия ей правоохранительными органами одного государства.

Ключевые слова: международное сотрудничество, прокуратура, международная преступность, направления деятельности.

Международное сотрудничество и взаимодействие прокуратуры Российской Федерации с органами прокуратуры зарубежных стран, другими правоохранительными органами и специализированными международными организациями — одно из приоритетных направлений деятельности российского надзорного ведомства [8]. Причина этому: неблагоприятная динамика международной преступности и невозможность противодействия ей правоохранительными органами одного государства. Так, растут угрозы со стороны транснациональной организованной преступности, террористических и экстремистских организаций, увеличиваются потоки мигрантов, многие из которых являются носителями криминальной субкультуры и принимают активное участие в наркотрафике и формировании преступных сетей.

Международное сотрудничество представляет собой сложную систему отношений, включающую международную преступность как объект целенаправленного воздействия государств в борьбе с ней, согласованную политику, договорно-правовую основу и внутреннее законодательство, правоприменительную и организационную деятельность субъектов сотрудничества по предупреждению преступности, уголовно-правовой борьбе с ней и исполнению уголовных наказаний при соблюдении установленных правил обращения с правонарушителями.

Международная преступность, по мнению В. А. Номоконова, представляет собой «...противоправное функционирование профессиональных преступных либо транснационально-структурированных объединений, которые не имеют четкой организации групп обычных преступников различного характера сплоченности и разной численности (включая и тех преступников, которые действуют в одиночку), непосредственно связанное с пересечением данными преступными группами границ различных государств для того, чтобы иметь возможность реализовать свои преступные замыслы» [10; С. 38–39]. Однако, как представляется, автор излишне конкретизирует роль транснациональных преступных формирований. В связи с этим, для нас более приемлемым выступает опреде-

ление международной преступности, сформулированное В. Ф. Цепелевым. Так, он обосновал, что под международной преступностью следует понимать комплексное социально-опасное международно-правовое и уголовно-правовое явление, включающее совокупность преступлений, характеризующихся определенной структурой (элементами) и проявляющихся на определенных уровнях [12; С. 45]. Поэтому в структуру рассматриваемой преступности можно включать международные преступления, преступления международного характера и общеуголовные транснациональные преступления.

Так, международными являются преступления против мира и безопасности человечества и представляющие повышенную опасность для всего человечества. Статут Международного Уголовного Суда к первому виду преступлений отнес преступления геноцида, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии. К преступлениям международного характера относятся преступления транснационального характера, совершаемые, главным образом, частными лицами и посягающие на интересы нескольких государств [2; С. 7]. Преступления международного характера причиняют вред нормальным межгосударственным отношениям, мирному сотрудничеству государств, организациям и гражданам разных стран. В свою очередь, транснациональная преступность охватывает преступления, совершаемые на территории нескольких государств [11; С. 22].

По мере развития международного сотрудничества в сфере борьбы с международной преступностью увеличивается количество соглашений между соответствующими органами различных государств, что является характерной чертой современных международных отношений. Общеизвестно, что международное сотрудничество должно опираться на прочный правовой фундамент, полностью соответствовать основополагающим принципам и нормам международного права, отвечать требованиям международной законности и т.д. [5; С. 110].

Большую роль в осуществлении указанной деятельности играет прокуратура. Федеральным законом от

17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее по тексту — Закон о прокуратуре) международное сотрудничество отнесено к функциям этого института государства (ст. 2). Важной составляющей такой деятельности служит взаимодействие в области правотворчества (ст. 8). Генеральным прокурором РФ углубление международно-правового сотрудничества определено как одно из основных направлений деятельности прокуратуры [13; С. 6].

Обычно в теории права под функциями понимаются направления деятельности. А. Ю. Винокуров понимает под функцией прокуратуры «...такой вид ее деятельности, который предопределяется социальным предназначением прокуратуры, выраженным в ее задачах; характеризуется определенным предметом ведения; направлен на решение задач и требует использования присущих ему полномочий и правовых средств» [3; С. 43]. А. Ю. Винокуров в своих работах также высказывает точку зрения о том, что функция прокуратуры — это осуществляемый в строго регламентируемых законодательством рамках вид деятельности, направленный на достижение поставленных перед прокуратурой задач, исходя из установленной законами и руководящими указаниями вышестоящих прокуроров компетенции. В рамках конкретной отрасли прокурорского надзора указанный автор выделяет направления (подотрасли), а к тем видам деятельности, которые не являются самодостаточными, а во многом обеспечивательными, по его мнению, следует применить термин «участок деятельности», т.е. направление деятельности прокуратуры, осуществляемой в целях реализации возложенных на нее полномочий в целях обеспечения выполнения возложенных на нее функций, характеризующееся преимущественно ведомственным регулированием полномочий прокуроров. К участкам прокурорской деятельности А. Ю. Винокуров относит, в частности, международное сотрудничество, участие в правотворческой деятельности, взаимодействие с органами публичной власти, государственный учет преступлений и некоторые другие [4; С. 54–61].

Е. Л. Никитин, по существу, отождествляет с направлением деятельности прокуратуры ее функции, полагая, что функцией прокуратуры является социально значимое направление деятельности этого органа, осуществляемое через конкретные виды его деятельности в рамках установленного типа его организации и деятельности [9; С. 26–28].

В. Г. Бессарабов приводит перечень функций прокуратуры: функция надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации; функция уголовного преследования; функция координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью; функция участия прокуроров в рассмотрении дел судами; функция участия в правотворческой деятельности; функция международного сотрудничества прокуратуры Российской Федерации с соответствующими органами других государств и меж-

дународными организациями (всего шесть функций) [1; С. 110–119].

Действительно, в п. 1 ст. 1 Закона о прокуратуре определена основная функция прокуратуры — надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории России. В п. 2 указанной статьи Закона перечисляются иные функции прокуратуры, в том числе уголовное преследование и координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и некоторые иные. Другие функции прокуратуры рассредоточены по различным статьям раздела 1 и включены в ст. 51 Закона о прокуратуре и прямо не именуется функциями прокуратуры.

Анализ действующего законодательства о прокуратуре Российской Федерации позволяет утверждать о восьми функциях этого правоохранительного органа:

1) надзор за исполнением законов (абз. 1 п. 1 ст. 1, абз. 2–6 п. 2 ст. 1, ст. ст. 21–25.1 главы 1, ст. ст. 26–28 главы 2, ст. ст. 29–31 главы 3, ст. ст. 32–34 главы 4 Закона о прокуратуре);

2) уголовное преследование (абз. 7 п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре);

3) координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (абз. 8 п. 2 ст. 1, ст. 8 Закона о прокуратуре);

4) участие прокуроров в рассмотрении дел судами (п. 3 ст. 1, ст. ст. 35–39 Закона о прокуратуре);

5) участие в правотворческой деятельности (п. 4 ст. 1, ст. 9 Закона о прокуратуре);

6) международное сотрудничество (ст. 2 Закона о прокуратуре);

7) участие прокуроров в заседаниях федеральных органов законодательной и исполнительной властей, представительных (законодательных) и исполнительных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления; для краткости предлагается именовать функцию как участие прокуроров (и иных лиц прокуратуры) в заседаниях органов государственной власти (ст. 7 Закона о прокуратуре);

8) рассмотрение и разрешение прокуратурой заявлений, жалоб и иных обращений (ст. 10 Закона о прокуратуре).

Тем самым, по словам В. Н. Галузо, международное сотрудничество прокуратуры следует рассматривать как функцию этого ведомства в соответствии с действующим законодательством, однако, международное сотрудничество не рассматривается в теории в качестве основного направления деятельности органов прокуратуры [6; С. 238].

Как отмечает Л. Лазутин, ретроспективный анализ возникновения и развития международного сотрудничества в борьбе с преступностью позволяет сделать вывод о том, что оно прошло длительный и сложный путь становления от договорно-правовой формы до комплексной совместной деятельности, которая предопределяет современное состояние и тенденции развития сотрудничества в данной сфере [7].

Таким образом, международное сотрудничество прокуратуры Российской Федерации — это основанная на внутреннем законодательстве, а также нормах и принципах международного права совместная согласованная деятельность Генеральной прокуратуры РФ и уполномоченных государственных органов иных государств и международных организаций, направленная на решение задач, стоящих перед указанными органами и требующих межгосударственного взаимодействия.

Международное сотрудничество — одно из важных направлений (функций) деятельности прокуратуры Российской Федерации наряду с прокурорским надзором, уголовным преследованием, координацией деятельности правоохранительных органов по борьбе с пре-

ступностью, участием в рассмотрении дел судами и участием в правотворческой деятельности. Международное сотрудничество прокуратуры Российской Федерации — ненадзорное направление ее деятельности. Однако, поскольку основное историческое предназначение прокуратуры Российской Федерации — осуществление надзора за исполнением законов, все остальные функции органов прокуратуры России неразрывно связаны с надзорными полномочиями. Возложение функции международно-правового сотрудничества на прокуратуру обусловлено развитием международных связей России, включением ее в мировое сообщество и, как следствие, расширением сферы международно-правового сотрудничества РФ.

Литература:

1. Бессарабов В. Г. Прокурорский надзор: Учебник. М., 2007.
2. Бояринова В. О. Субъекты международно-правового сотрудничества по противодействию транснациональной преступности: дис... канд. юрид. наук. — М., 2010. 204 с.
3. Винокуров, А. Ю. Прокурорский надзор: учебник для СПО / А. Ю. Винокуров, Ю. Е. Винокуров; под общ. ред. А. Ю. Винокурова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2017. 352 с.
4. Винокуров А. Ю. К вопросу о классификации внешнефункциональной деятельности прокуратуры Российской Федерации. Актуальные вопросы организации и деятельности прокуратуры. М., 2012. С. 54–61.
5. Волеводз А. Г. Некоторые организационные аспекты сотрудничества в борьбе с преступностью в Европейском союзе // Уголовное право. 2009. № 4. С. 109–112.
6. Галузо В. Н. Международное сотрудничество в системе функций Прокуратуры Российской Федерации: *pro et contra* // Международное право и международные организации. 2014. № 2. С. 237–244.
7. Лазутин Л. Международное сотрудничество и правовая помощь // Законность. 2008. № 3.
8. Международное сотрудничество // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/ms/> (дата обращения: 30.07.2018).
9. Никитин Е. Л. Функции прокуратуры и отрасли прокурорской деятельности: понятие, сущность, классификация // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2004. № 6. С. 26–28.
10. Номоконов В. А. Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. Монография. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2001. 375 с.
11. Репецкая А. Л. Транснациональная организованная преступность: дис... д-ра юрид. наук. — Иркутск, 2001. 388 с.
12. Цепелев В. Ф. Уголовно-правовые, криминологические и организационные аспекты международного сотрудничества в борьбе с преступностью: дис... д-ра юрид. наук. — М., 2001. 418 с.
13. Чайка Ю. Я. О развитии органов прокуратуры // Адвокат. 2006. № 7.

Проблемы реализации в Российской Федерации конституционных принципов идеологического и политического многообразия в сфере информационных технологий

Гетманский Данил Олегович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

Одновременно с тем, как происходит развитие интернета в России и увеличение его пользователей, растет и влияние политических кампаний, проводимых участниками политических процессов. Стоит отметить, что ключевым критерием для эффективности кампании

выступает качество, а не количество способов влияния или иного ресурса.

В Российской Федерации в первых рядах находятся политические кампании, целью которых является повышение доверия граждан к политическим фигурам и инсти-

тутам. Делается это для развития или поддержания уже сформированного имиджа субъекта политического процесса, развитие влияния или властных полномочий, либо их сохранение.

Способствует этому огромный ресурс и возможности интернета в распространении любой информации, в том числе и дискредитирующего характера.

В 1999–2000 гг. политические партии уже начинали развивать свою деятельность в интернете. Крупные политические партии создавали свои сайты, представляющие их интересы и информирующие граждан об их идеологической программе, а также о той деятельности, которую они осуществляют. В это же время в бюджет политических партий стали закладывать расходы, связанные с развитием их деятельности в интернете.

Первоначальная функция интернета в политическом процессе Российской Федерации носила коммуникационный характер. Выражалось это в создании форумов и чатов для общения с известными представителями политической жизни. В это же время появлялись различные сайты, созданные для поддержки или дискредитации каких-либо участников политической деятельности, например: Юрия Лужкова, Бориса Березовского, Владимира Путина или Евгения Примакова.

К 2004 году, ознаменовавшем выборы президента Российской Федерации, все кандидаты имели свои сайты в сети интернет.

Например, сайт Владимира Путина www.putin2000.ru, созданный в 2000 году. Он представлял собой сайт с начальной страницей, на которой имелась форма, с помощью которой любой посетитель мог отправить свое сообщение. Только после отправки своего сообщения пользователь мог просмотреть сообщения других пользователей. Это вызвало ажиотаж, поскольку всем было интересно узнать, какие сообщения оставляют Владимиру Путину.

В 2002–2003 гг. работал технологический центр ЦК КПРФ, которым управлял Илья Пономарев. Им был создан сайт www.kprf.ru для информирования населения о деятельности политической партии и корректировки ее имиджа.

Примером эффективной политической деятельности в интернете можно считать и случай Леонида Волкова. Он является специалистом в области IT-технологий. Он одержал победу на выборах в Екатеринбургскую думу благодаря интернет ресурсам. На своих личных страницах в таких социальных сетях, как ВКонтакте, Одноклассники и LiveJournal, он сумел провести одну из самых масштабных политических кампаний, благодаря чему смог обойти всех кандидатов. После своего избрания он продолжал освещать свою деятельность, в том числе и в качестве депутата. В настоящее время он является одним из основателей российской некоммерческой организации «Общество защиты интернета». Эта организация основана в 2016 году и, согласно официальному сайту, это: «Некоммерческая организация, ставящая своей целью

защиту интернета в России от цензуры, избыточного регулирования, административного произвола». [1].

Согласно публикации *Tjournal*, сделанной в марте 2019 года: «Впервые в истории »Корпорации по управлению доменными именами и IP-адресами« (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers — ICANN) вошла российская общественная организация — Общество защиты интернета (ОЗИ)». [2]. Общество защиты интернета собирается активно участвовать в деятельности ICANN и в дальнейшем планирует войти в совет директоров данной корпорации.

Такие примеры показывают, что интернет предоставляет возможность каждому гражданину использовать множество доступных медиа ресурсов для выражения своего собственного мнения, продвижения идей и влияния на политическую жизнь общества.

Интернет является масштабной площадкой для ведения политических процессов. Постоянный доступ к неограниченному объему информации по всем сферам жизнедеятельности помогает человеку постоянно быть в курсе происходящих событий. Человек получает возможность потреблять любую информацию, соответствующую его интересам и формировать свое мнение на действующую обстановку мира, в котором он живет. Так как сфера информационных технологий получила свое развитие по историческим меркам достаточно недавно, государство пытается найти подходы к возможности ее регулирования и сформировать прочную законодательную базу. Из-за высокой спешки и недооценки вводимых регулирующих мер, законодатель может допускать ошибки в формулировках, упустить из вида возможное влияние введенных норм на сферы жизни, регулирование которых не предполагалось изначально. Данные реформы могут оказывать негативный эффект на общественную жизнь, а также вести к ограничению конституционных прав человека и предоставлять неограниченные возможности органам власти, приводящие к злоупотреблению правом.

Одной из таких реформ стало внесение изменений 282 статьи Уголовного кодекса Российской Федерации. В 2011 году Правительство Российской Федерации вносит в Государственную Думу законопроект № 588894–5 [3]. Основным изменением, которое оправдывали развитием компьютеризации общества, являлось распространение отношения формулировки «возбуждение ненависти» и к высказываниям, произведенным пользователями в интернете. Уже тогда экспертные советы и правозащитники указывали на злоупотребления правом и отсутствие определенности в понятиях, но их предложения законодатель оставил без внимания.

В 2014 году предложенные законопроектом изменения были одобрены президентом России Владимиром Путиным. Начиная с 2014 года возникают уголовные дела за «репосты» и «лайки», а их количество с каждым годом неуклонно растёт.

Одним из самых громких и значимых дел по данной статье стало дело Марии Мотузной. Это жительница

Барнаула, обвиняемая в совершении преступлений в соответствии с частью 1 статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» и частью 1 статьи 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий». Согласно следствию, поводом для обвинения стало размещение в социальной сети ВКонтакте «мемов» по религиозной тематике, тем самым оскорбив чувства верующих. Данное дело вызвало сильный общественный резонанс и приковало внимание людей к иным, осужденным по тем же статьям, гражданам.

На прямой линии 7 июня 2018 года Владимир Путин соглашается с тем, что в применении 282 статьи Уголовного кодекса Российской Федерации: «Не нужно доводить всё до маразма и до абсурда...» [4].

Проблема состоит в том, что законодательством не даны четкие разъяснения о том, что можно считать возбуждением расовой, национальной, социальной и религиозной розни, а сами определения размыты и позволяют правоохранительным органам злоупотреблять нормами. В большинстве случаев суды ориентируются на лингвистические и психологические экспертизы, но их качество является спорным, так как в Российской Федерации не сформирована единая методика, способная проводить оценку экстремистских материалов.

Владимир Путин в итоге не проигнорировал данную проблему. На фоне повышенного общественного интереса 3 октября 2018 года в Государственную Думу от президента России поступил законопроект об изменении статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации. 19 декабря 2018 года Государственной Думой был принят Федеральный закон о внесении предложенных изменений. Согласно информации, опубликованной на официальном сайте Государственной Думы: «В соответствии с поправками в УК РФ предполагается, что действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием СМИ или через интернет, будут признаваться уголовно наказуемыми в случае, если они совершены лицом после его привлечения к административной ответственности «за аналогичное деяние в течение одного года» (в этом случае предусматривается уголовное наказание вплоть до лишения свободы на срок от 2 до 5 лет — сама санкция не меняется).

Как подчеркивается в пояснительной записке, это делается «в целях исключения случаев привлечения к уголовной ответственности за деяния, совершенные однократно и не представляющие серьезной угрозы для основ конституционного строя и безопасности государства...» [5].

Много вопросов вызывает и принятый Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений

в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Он получил название «Закон о суверенном интернете». Закон о суверенном интернете был внесен в Государственную Думу в декабре 2018 года несколькими лицами, среди которых: «... Андрей Клишас, автор закона об административной ответственности за оскорбление Конституции и государства в сети, член Совета Федерации Людмила Бокова и депутат Госдумы Андрей Луговой, автор поправок в закон «Об информации», позволяющих блокировать ресурсы за экстремизм без суда...» [6].

Закон о суверенном интернете закрепляет за операторами связи обязанность по своему оснащению специальным оборудованием, с помощью которого можно ограничивать запрещенные ресурсы и осуществлять фильтр интернет трафика.

Органом, отвечающим за реализацию данного законопроекта, является Роскомнадзор. Закон позволяет наделить Роскомнадзор большим количеством функций и расширить его компетенцию.

С помощью нового механизма Роскомнадзор сможет блокировать ресурсы сам, без участия в этом провайдеров связи. Согласно анализу Александра Амзина: «Он будет и устанавливать, и модернизировать, и эксплуатировать «черные ящики» защиты от угроз.

Роскомнадзор сможет регулировать политику подключения провайдеров к тем или иным сетям связи. Провайдерам прямо запрещено подключаться к тем, кто не соблюдает требования; а кто не соблюдает — объяснят чиновники, для этого в документе предусмотрена отсылка к подзаконным актам.

Отдельно прописан жесткий контроль за трансграничными линиями связи и даже сказано, что надо указывать в договорах передачи во владение или пользование таких линий». [7].

Операторы связи будут устанавливать то оборудование, которое предоставит им Роскомнадзор и передавать ему же информацию о своих сетях, программных комплексах связи и маршрутизации. Затраты на оснащение операторов связи оборудованием будут покрываться за счет бюджетных средств. На это заложено 30 миллиардов рублей, хотя изначально при внесении законопроекта в Государственную Думу инициаторы уверяли, что затрат на его реализацию вообще не будет. Со временем сумма обеспечения увеличилась до 30 миллиардов рублей и в настоящее время есть мнение, что затраты на реализацию закона могут еще возрасти.

Законодатель описывает, что цель реформы представляет собой не ограничение свободы интернета в Российской Федерации, а обеспечение защиты от возможных угроз внешнего мира, посягающих на устойчивость и безопасность функционирования интернета в нашем государстве. Однако конкретный список таких угроз и принцип работы централизованного управления до сих пор не определены.

Органы государственной и муниципальной власти, а также их подведомственные учреждения и юридические лица, участвующие в государственных закупках, с 1 января 2021 года должны использовать базы данных и технические средства, размещенные только на территории Российской Федерации.

Принимаемые законы об ограничении интернета в России не вносят конструктив, а наоборот порождают проблемы и вызывают затруднения. Они могут привести к еще большему дроблению русского интернета, возникновению конфликтных ситуаций между пользователями и органами власти.

Компании несут убытки, пытаются соответствовать новым требованиям законодательства, закупать оборудование за свой счет и перекладывать расходы на конечных пользователей. Они вынуждены менять взаимодействие

своих сервисов с пользователями, чтобы государство могло выступать посредником в этих отношениях и иметь повышенный контроль за обеими сторонами. Такие решения снижают инвестиционный климат нашей страны, а высокое давление на российский и зарубежный бизнес заставляет их задумываться о необходимости своего присутствия в российском интернет пространстве.

Данная проблема интересна тем, что решения по ней всем известны и имеются в достаточном количестве. Государство, при принятии решений по регулированию интернет пространства в России, должно полагаться не на собственное мнение, не отвечающее компетенции в данной области, а прислушиваться к экспертам и мнению общественности. Множество предложение по улучшению информационного климата поступают и по сей день, но все они игнорируются.

Литература:

1. Кто мы // ОЗИ. Общество защиты интернета. URL: <https://ozi-ru.org/ob-obshhestve/kto-my/> (дата обращения: 30.05.2019)
2. Общество Защиты Интернета стало членом ICANN // Tjournal. URL: <https://tjournal.ru/internet/91341-obshchestvo-zashchity-interneta-stalo-chlenom-icann> (дата обращения: 30.05.2019)
3. Законопроект № 588894–5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (по вопросу о противодействии экстремистской деятельности в Российской Федерации) // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=588894-5&02> (дата обращения: 31.05.2019)
4. Прямая линия с Владимиром Путиным // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57692> (дата обращения: 31.05.2019)
5. Принят закон Президента о частичной декриминализации статьи 282 УК РФ // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/29223/> (дата обращения: 31.05.2019)
6. «Инвестиция в будущее»: законопроект о «суверенном рунете» одобрили за 20 минут // The Bell. URL: <https://thebell.io/zakonoproekt-o-suverennom-internete-prinyali-vo-vtorom-chtenii/> (дата обращения: 31/05/2019)
7. «Централизованное управление», быстрые блокировки и всесильный Роскомнадзор: главное о «суверенном интернете» // The Bell. URL: <https://thebell.io/tsentralizovannoe-upravlenie-bystrye-blokirovki-i-vsesilnyj-roskomnadzor-glavnoe-o-suverennom-runete/> (дата обращения: 31.05.2019)

Становление государственного регулирования рекламной деятельности и ее современные проблемы

Громыхалина Татьяна Сергеевна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Статья посвящена исследованию проблемы государственного регулирования рекламы. В статье приведены наиболее используемые способы обхода российского законодательства в сфере рекламы и вопрос этичности использования эпатажных технологий в рекламе.

Ключевые слова: государственное регулирование рекламной деятельности, правовые нарушения в рекламной деятельности, этичная / неэтичная реклама, эпатажная реклама.

Основная функция рекламных материалов — воздействие на сознание потенциального потребителя, направленное на вызывание у него потребности приобрести

продукт. Сегодняшняя ситуация на рекламном рынке наглядно показывает, насколько часто и как сильно производители нарушают рекламные нормы для достижения

этой цели — каждая третья реклама так или иначе нарушает этические и правовые нормы рекламы, сравнивая свои товары с другими, давая ложную информацию о товаре и используя суррогатную рекламу.

Нарушения различны — они могут скрываться, быть завуалированными или открытыми, максимально явными. Из-за того, что любая реклама — это всегда столкновение интересов потребителя и производителя, возникает необходимость контроля ситуации, чтобы ни одна сторона не подверглась обесцениванию своих интересов. От наличия регулирования, его качества, честности и объема напрямую зависит, чьи интересы будут удовлетворены и не останется ли какая-то из сторон ущемленной. Поэтому регулирование не может быть односторонним, только внешним или только внутренним. Требуется и государственный правовой контроль извне, и личный контроль производителя, этический, изнутри.

К настоящему времени уже выработались рабочие механизмы государственного регулирования рекламы, прошедшие долгий путь создания и реформирования, поправок, отмен и принятий. Однако недобросовестные производители часто идут «в обход» современного регулирования, или на прямое нарушение правовых и этических норм — для увеличения эффективности рекламы. Для пресечения этих нарушений требуется регулярно дорабатывать и совершенствовать механизмы регулирования, изменять и дорабатывать их с той же скоростью, с которой развивается рекламная индустрия. Этой необходимостью тщательной разработки и своевременной корректировки норм государственного регулирования и рекламной деятельности и обусловлена актуальность работы.

Анализ существующих научных трудов показывает, что эта проблема находится в зоне внимания и теоретиков, и практиков рекламной деятельности. Этике рекламы посвящены работы таких исследователей, как А.С. Акопьянц, А.Н. Австриевских, М.В. Баранова, Р.С. Голованов, В.А. Евстафьев, В.М. Козырев, А.В. Моргун, С.А. Пузыревский, А.Е. Сабуров, А.Н. Толкачев, В.В. Усков и многие другие.

Но несмотря на научную разработанность проблемы, вопросы этичности использования рекламных технологий, престаупающих нормы, и их влияния на индустрию и сам облик рекламы, остаются открытыми и актуальными.

Правовое регулирование рекламы в России началось с принятия в 1991 г. закона «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». Этот закон — первый в нашей стране направленный на подавление монополии в рекламе, и сформулировавший понятие «недобросовестная конкуренция», давший перечень действий, попадающих под это понятие.

Следующий важный правовой акт был принят 27 декабря 1991 г. — Закон РСФСР «О средствах массовой информации». Он не допускал злоупотребления свободой слова, устанавливал ответственность за распространение недостоверной информации и ограничивал объем рекламы в неспециализированных СМИ.

Следующим 7 апреля 1992 г. вступил в силу Закон РФ «О защите прав потребителей». С ним появилась ответственность за нарушение прав потребителей на информацию о работах, услугах, и требования к информации, которая должна доводиться до потребителя.

22 июля 1993 г. были приняты Основы законодательства РФ «Об охране здоровья граждан» и указы Президента о защите прав инвесторов и о защите потребителей от недобросовестной рекламы. Эти акты дали запрет на рекламу алкогольной продукции и табака, запрет на пропаганду запрещенных методов лечения, неэффективных медикаментов и лекарственных средств и устанавливали отдельные ограничения для рекламы финансовых услуг.

Но этого было недостаточно для полного предотвращения распространения недобросовестной рекламы. Рекламодатели обходили законы, открыто нарушали нормы, пользуясь нечеткими формулировками законов и возможностью их трактовки. Поэтому 18 июня 1995 г. принимается первый Закон Российской Федерации «О рекламе». Он стал центральным нормативно-правовым актом, регулирующим рекламную деятельность в РФ, дополняя другие НПА и условно закрывая те бреши, которые в них были. Это была первая полная сводка правовых норм рекламной деятельности.

Но с развитием рыночной экономики ситуация менялась, и законы видоизменялись и редактировались. Первый закон о рекламе перестал отвечать требованиям, и 13 марта 2006 г. был принят новый закон о рекламе, который вступил в действие 1 июля 2006 г. При всех его достоинствах и выгодных отличиях от всех предыдущих, у него был существенный недостаток — отсутствие четкого определения некоторых видов рекламы. В частности, он не распространялся на политическую рекламу, и не упоминал профессиональной рекламы в принципе. [1].

На настоящий момент этот закон действителен до сих пор, хоть и претерпел множество изменений и поправок. Он содержит в себе максимальный объем информации относительно рекламной деятельности в РФ, но тем не менее регулярно подвергается пересмотру в связи с реактивным развитием рекламной сферы.

Основные принципы рекламной деятельности, не касающиеся закона, сформулированы еще в 1986 г. в «международном кодексе рекламной практики». «Вся реклама должна быть законной, пристойной, честной и достоверной. Никакая реклама не должна дискредитировать рекламную деятельность в глазах общества» — так звучат эти принципы. [3]. На них, в идеале, и должна строиться качественная, этичная реклама, отвечающая рекламным нормам.

Но эти принципы, как и рекламные нормы, часто обходят недобросовестные рекламодатели. Самые частые способы обхода это:

- неверное сопоставление с конкурентным товаром; Например, несопоставимые характеристики товаров (БАД и лекарственных препаратов), или создание негативного образа конкурентных товаров.

— информация, заведомо порочащая конкурентный товар/услугу, часто заведомо ложная. Например, указание на имитацию или подделку товара-конкурента, или сообщение о низком качестве другого товара, с использованием угадываемого по каким-либо признакам товара.

— суррогатное рекламирование. Яркий пример — реклама безалкогольного пива. Рекламный материал несет информацию о безалкогольной продукции, замещая ею рекламу алкогольной, но подразумевая именно ее. Или реклама основного бренда, подразумевающая рекламу дочернего бренда.

— недостоверная реклама. Рекламодатель дает ложные сведения о товаре, его цене, характеристиках, размере скидки и т.д. в завуалированной форме. Этот способ — самый используемый в настоящее время. По сути, является прямым обманом потребителя и более других дискредитирует рекламную деятельность, создавая ей образ заведомо ложной и раздутой.

Из-за регулярного повсеместного использования этих способов неумолимо растет число потребителей, не доверяющих рекламным материалам и ограничивающих свой контакт с ними. Это вынуждает рекламодателей идти на различные ухищрения, чтобы получить должный эффект от рекламы.

Эта ситуация вызывает едва ли не самые серьезные споры у специалистов в области рекламной деятельности. Использование этих приемов, открыто нарушающих этику, разрушает саму суть медийно-рекламной коммуникации — создание позитивного образа товара и стремление «понравиться» потребителю. Использование таких

методов создает скорее негативный образ, чем позитивный, и нарушает главный принцип рекламной деятельности — «никакая реклама не должна дискредитировать рекламную деятельность в глазах общества».

Именно поэтому в среде ученых и рекламистов-практиков сегодня часто возникают вопросы не только о правовой и этической состоятельности таких рекламных текстов, но и об их конечной эффективности, и о их влиянии на рекламную сферу в целом. Мнения в этой ситуации бытуют абсолютно полярные — одни считают, что агрессивная, эпатажная реклама, выходящая за рамки обычной, классической рекламы, это двигатель сферы, толкающий рекламу к развитию и изменению. Другие — что эпатаж роняет имидж рекламы, снижает доверие к ней и как следствие эффективность, и это может привести к затуханию классической рекламы как явления.

Как бы то ни было, и какое бы мнение не оказалось верным, на настоящий момент реклама перестает быть просто торговым инструментом, и приобретает достаточно сильную социальную роль. Она становится полноценным инструментом развития для каждой компании, и представляется визитной карточкой многих компаний. Она — неотъемлемый элемент связей с общественностью, и присутствует почти во всех сферах жизни общества. Ей дорожат, ей верят, в нее вкладывают огромные средства. На фоне этого становится понятно, что соблюдение этических и правовых норм и в целом социальная ответственность в сфере рекламной деятельности — один из важных показателей качества и стабильности рекламного рынка и необходимое условие для сохранения адекватного рекламного рынка.

Литература:

1. Международный кодекс рекламной практики, интернет ресурс, <http://docs.cntd.ru/document/901784169>
2. Комментарий к ФЗ от 13.03.2006 № 38-ФЗ «о рекламе», интернет ресурс, https://fas.gov.ru/pages/postateiny_kommentary
3. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», интернет ресурс, http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/
4. Федеральный закон от 18. 07. 1995 № 108-ФЗ «О рекламе», интернет ресурс, http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7234/

Имущественное налогообложение в РФ: перспективы развития

Егоров Евгений Валерьевич, студент магистратуры
Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова (г. Чебоксары)

В статье анализируются перспективы и рассматриваются варианты развития имущественного налогообложения.

Ключевые слова: налог, налогообложение, Российская Федерация, экономика, налоговая система.

Имущественные налоги зависят от финансового состояния организаций и от мировой конъюнктуры цен на углеводородное сырье значительно в минимальной

степени, чем налоги на прибыль или ресурсные платежи и НДС, поэтому и являются наиболее устойчивым источником доходов для бюджета, это особенно ярко прояви-

Рис. 1. Доля доходов от имущественных налогов в бюджетной системе РФ, %

лось в условиях экономического кризиса, динамика поступлений имущественных налогов опережает динамику общего объема бюджетных доходов [6].

Доля доходов от имущественных налогов незначительна, что показано на рис. 1:

Около 71% всех поступлений имущественных налогов обеспечивает налог на имущество организаций, земельный налог — 18%, транспортный налог с организаций и физических лиц — более 12%. А доля налога на имущество физических лиц не превышает 4%.

В качестве основных способов совершенствования имущественного налогообложения и увеличения собираемости имущественных налогов целесообразно перечислить следующие.

Во-первых, привлечь в налоговый оборот по возможности максимальное количество субъектов и объектов обложения имущественными налогами за счет обеспечения качественного информационного обмена между службой государственной регистрации, государственной инспекцией по безопасности дорожного движения, органами местного самоуправления, налогоплательщиками.

Во-вторых, ввести единое сводное налоговое уведомление по уплате налогов по всему недвижимому имуществу и указывать сумму задолженности (налоги и пени по расчетам за предыдущие налоговые периоды), по состоянию на дату формирования уведомления, правообладателем которого является конкретный налогоплательщик.

В-третьих, нужно предусмотреть освобождение от обложения налогом на имущество организаций высокотехнологичного оборудования, в целях стимулирования инновационного развития организаций, всех отраслей экономики.

Итогом реформы имущественного налогообложения будет создание условий для более качественного взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов ныне действующих земельного налога, налога на имущество организаций и налога на имущество физических лиц налогом на недвижимость.

Для реализации работы подразделений Федеральной налоговой службы разработана и функционирует многоуровневая система автоматизированная информационная система (АИС «Налог» — 3, обеспечивающий решения задач обработки и накопления информации в инспекциях. Конечная цель АИС Налог — 3 налоговых служб является построение интегрированной информационной системы, объединяющей все структуры налоговой системы на базе единой информационной базы с поэтапной интеграцией в единое информационное пространство административных органов управления, казначейства, банков, регистрационных центров, таможни, служб учета и управления имуществом, земельными ресурсами и др. [3].

Одним из востребованных направлений работы должны стать меры по повышению роли имущественных налогов в доходах бюджета как стабильного ресурса поступлений. Соответственно, порядок работы с регистрирующими органами должен полностью измениться. Сегодняшняя ситуация недопустима, когда из-за некорректных сведений информационных баз под налогообложение подпадает только 56% объектов недвижимости. Для этого, следует постоянно анализировать динамику формирования и обработки сведений, получаемых из службы государственной регистрации [4].

Также стоит обратить внимание к упрощению налоговых процедур и повышению открытости Федеральной налоговой службы, включая взаимодействие с налогопла-

тельщиками. Это может быть осуществимо за счет развития информационных технологий, развития действующих электронных сервисов, создания новых.

В связи с вышеизложенным, необходимо создать систему управления электронными архивами, а также специализированные центры обработки и хранения документов. В результате налоговые органы смогут перейти на работу исключительно с электронными документами [7].

Центры обработки данных в настоящее время работают в определённых направлениях и будут поэтапно модернизироваться в межрегиональные аналитические центры обработки и генерации информации при проведении контрольных мероприятий [7].

По состоянию на сегодняшний день даже в непростых экономических условиях не утрачивается темп поступления налогов и сборов. К примеру, в консолидированный бюджет Российской Федерации за девять месяцев 2017 года поступило 10,5 триллиона рублей, что на 1% выше соответствующего периода 2016 года. Естественно, не положительное воздействие на динамику поступлений оказывает налог на добычу полезных ископаемых и его сокращение на 15,7% вследствие снижения цены на нефть. Без учета нефтегазовых доходов поступления в консолидированный бюджет выросли на 6,3%. Причем это происходит в условиях, когда основные макроэкономические показатели уменьшаются. Вспомним, что объем ВВП в начале, полугодия сократился на 0,8%, оборот розничной торговли — на 5,6%, инвестиции — на 4,2%.

Если посмотреть на доходную часть имущественного налогообложения в целом за последние пять лет налоговые поступления в реальном выражении (с учетом инфляции) выросли на 18% [1].

Необходимо так же отметить, что налоговая служба не обладает инструментами прямого влияния на налоговую политику, занимаясь в первую очередь администрированием. Основным функционалом налоговой службы является контроль за соблюдением налогового законодательства, именно поэтому необходимо рассма-

тривать контрольную работу как один из основных влияний повышения эффективности администрирования доходов [2].

Для увеличения плодотворности налогового администрирования не только, в общем, по стране, но и субъектов Российской Федерации необходимо решить некоторые проблемы, существующие в области налогообложения.

В последнее время проблемы экономической безопасности чаще оказываются в центре общественного внимания, становятся предметом обсуждения, как представителей различных областей научного знания, так и властных структур [9]. Основную экономическую базу для функционирования государства создают налоги, поэтому налоговая безопасность — это неотделимая часть экономической безопасности в обществе.

С целью обеспечения налоговой безопасности региона уполномоченными органами всех уровней власти непрерывно осуществляется проведение налоговой политики, подразумевающей комплекс мероприятий в сфере налогообложения, направленных на достижение каких — либо целей, в основе которых лежат налоговые льготы, объекты и ставки налогов, как непосредственное проявление налоговой политики [5].

Проведение налоговой политики в целях обеспечения налоговой безопасности на макроуровне должна быть направлена не только на борьбу с уклонением от уплаты налогов и теневой экономики, но и на повышение качества налогового администрирования с использованием современного математического аппарата и новейших информационных технологий [8]. При этом следует учитывать специфику отдельных регионов, их географическое положение, отраслевую специфику, налоговый потенциал, осуществлять применение методов налогового планирования и прогнозирования, обеспечивать взаимодействие государственных и региональных стратегических целей развития и использования эффективного налогового механизма для их достижения.

Литература:

1. Мишустин М. В. Факторы роста налоговых доходов: макроэкономический подход // Экономическая политика. 2016. Т 11. № 5. С. 8–27
2. Рукина С. Н. Современный этап развития государственного налогового контроля // Финансовые исследования № 4 (53) 2016
3. Автоматизированные информационные системы налогового администрирования. Электронный ресурс. Режим доступа: http://gendocs.ru/v5715/автоматизированные_информационные_системы_налогового_администрирования
4. Мониторинг СМИ ФНС России. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://pandia.ru/text/78/214/112260.php>
5. Налоговая политика сущность и значение. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/3003985/>
6. Основные формы и методы налогового контроля. Электронный ресурс. Режим доступа: http://yaneuch.ru/cat_82/osnovnye-formy-i-metody-nalogovogo/125277.1796587.page4.html
7. Перспективы развития компьютерных технологий в налоговых органах. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://ppt.ru/news/90155>

8. Проблемы регулирования и управления в процессе обеспечения налоговой безопасности. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ozlib.com/835300/ekonomika/problemy_regulirovaniya_upravleniya_protssesse_obespecheniya_nalogovoy_bezопасности
9. Тишаев В.В. Налоговая составляющая национальной экономической безопасности в контексте развития бюджетного федерализма в России. Электронный ресурс. Режим доступа: https://allbest.ru/otherreferats/finance/00793380_0.html

Некоторые проблемы отграничения получения взятки от злоупотребления должностными полномочиями

Елизарова Елизавета Олеговна, студент
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

В научной статье автором рассматриваются проблемы отграничения получения взятки (ст. 290 УК РФ) от злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). В качестве одной из возможных мер решения данной проблемы автор видит принятие специального постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации по вопросам отграничения получения взятки от смежных с ним составов преступлений.

Ключевые слова: получение взятки, злоупотребление, должностные полномочия, Уголовный кодекс РФ, Верховный суд РФ.

На сегодняшний день можно говорить о проблеме широкого распространения преступлений коррупционной направленности, совершаемых на территории Российской Федерации (далее по тексту — Россия, РФ): так, согласно статистическим сведениям, отраженным в ежемесячном сборнике «Состояние преступности в России», изданным за период с января по декабрь 2017 года Главным управлением правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ, было выявлено 29634 преступлений коррупционной направленности, из них число совершенных преступлений, предусмотренных ст. 290 Уголовного кодекса РФ (далее по тексту — УК РФ) составило 3188 [7].

Однако, на наш взгляд, представленные данные не вполне объективны, поскольку в рамках правоприменительной практики российских органов предварительного следствия существует проблема отграничения получения взятки (ст. 290 УК РФ) от смежных составов преступлений, в частности, от злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), что влечет за собой неправильную квалификацию содеянного деяния.

Так, в соответствии с положениями ст. 285 УК РФ, под злоупотреблением должностными полномочиями понимается «использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» [1].

Закрепленная в российском уголовном законе формулировка позволяет выделить первый критерий для отграничения рассматриваемых смежных составов — момент

окончания преступного деяния. Так, состав преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, является материальным, поскольку его момент окончания связывается с моментом наступления общественно-опасных последствий, в то время как состав преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ — формальный, то есть момент его окончания связан с моментом начала совершения противоправных действий (иными словами, с самим фактом получения взятки, независимо от наступления каких-либо последствий данного деяния).

Однако, зачастую в рамках правоприменительной практики при квалификации противоправных действий обвиняемого лица, следователями, судом, в чьем производстве находится соответствующее уголовное дело, игнорируется данный отличительный признак объективной стороны рассматриваемых смежных составов преступлений: так, в соответствии с приговором Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 10.04.2017 по уголовному делу № 542178/2017, действия главного врача медицинского центра, направленные на получение выгод имущественного характера в виде оплаты личных нужд, а именно авиаперелета из Владивостока в Москву, за счет денежных средств, принадлежавших медицинскому центру, были квалифицированы по п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ (как получение взятки с вымогательством), поскольку судом был установлен факт того, что данные денежные средства были переведены со счета организации на счет обвиняемого, главным бухгалтером, после убеждения последнего, что за совершенные им действия, он получит повышение в должности.

Оценив представленные в материалах уголовного дела доказательства, суд апелляционной инстанции установил,

что данные действия должны быть квалифицированы по ч. 1 ст. 285 УК РФ, поскольку в данном случае обвиняемый, преследуя корыстную цель, вопреки интересам службы, совершил злоупотребление должностными полномочиями, что повлекло за собой убытки данного государственного учреждения [2].

На наш взгляд, данная проблема в правоприменительной практике обусловлена отсутствием должной профессиональной компетенции у следователей Следственного комитета РФ, препятствующим им, верно, квалифицировать совершенное преступное деяние в зависимости от момента его окончания.

Для разрешения данной проблемы, представляется необходимым, проведение на базе высших учебных заведений с привлечением преподавателей, являющихся докторами и кандидатами юридических наук, дополнительного профессионального обучения сотрудников Следственного комитета РФ по вопросам квалификации коррупционных и должностных преступлений. Применительно к такому региону Российской Федерации как Приморский край, подобной площадкой может выступить Дальневосточный Федеральный университет, чья Юридическая школа выступает ведущей в подготовке профессиональных юристов на Дальнем Востоке.

Еще одной часто встречаемой в рамках правоприменительной практики проблемой ограничения рассматриваемых смежных составов преступлений по объективной стороне, является проблема квалификации противоправного деяния, при совершении которого должностным лицом были получены выгоды нематериального характера (например, сексуальные услуги), то есть не имеющих своего денежного выражения.

Указанная проблема разрабатывалась ранее отечественными учеными в области уголовного права: так, например, Хохлов Е. В. в своих научных трудах отмечал, что «основное различие между получением взятки и злоупотреблением должностными полномочиями заключается в объективной стороне. Взятничество предполагает получение должностным лицом денег или иных имущественных благ за совершение (несовершение) в интересах дающего каких — либо действий, а должностное злоупотребление (корыстное) состоит в получении материальных выгод в любой другой форме» [8].

Это подчеркивает и другой отечественный ученый Здравомыслов Б. В., который указывал, что «извлечение имущественной выгоды в результате использования своего должностного положения, не связанное с совершением действий в пользу предоставляющего эту выгоду, не может рассматриваться как получение взятки и при наличии других признаков образует злоупотребление должностными полномочиями» [6].

Соглашаясь с представленными точками зрения в уголовно-правовой доктрине, отметим, что по смыслу ст. 290 УК РФ корыстная цель является обязательным квалифицирующим признаком получения взятки, в то время, как по смыслу ст. 285 УК РФ она является признаком альтер-

нативным: «...совершено из корыстной или иной личной заинтересованности». При этом отечественный законодатель четко указал, что для образования состава преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, необходимо получение должностным лицом денежных средств, имущественных прав, иной имущественной выгоды. Указанное, в свою очередь, означает, что получение выгод неимущественного характера направлено на достижение не корыстной цели, а исходя из личной заинтересованности преступника, тем самым оказание, например, услуг сексуального характера студенткой преподавателю государственного высшего учебного заведения в счет положительной оценки на экзамене, должно быть квалифицировано как злоупотребление должностными полномочиями, а не как получение взятки [4].

Приведем наглядный пример из краевой судебной практики. Так, судом Первомайского районного суда г. Владивостока, действия сотрудника отдела опеки и попечительства, направленные на постановку вне очереди на получение жилого помещения лица, которое не имело на это законных оснований, обусловленные тем, что последний обещал вступить в брак с дочерью обвиняемой, были квалифицированы судом по ч. 1 ст. 285 УК РФ, а не как получение взятки, несмотря на то, что в рамках данной договоренности дочь обвиняемой должна была быть зарегистрирована в полученном в последующем жилом помещении [3].

Другим примером может выступить договоренность между студенткой и преподавателем, при которой она получает положительную оценку на экзамене в рамках учебной сессии, при условии, что в течении нескольких месяцев она будет осуществлять уборку жилого помещения, принадлежащего данному преподавателю на праве собственности, а также приготовление по его желанию пищи. Следователем данные действия были квалифицированы как получения взятки несмотря на то, что, в сущности, своей извлеченная преподавателем выгода не носила материального характера. Судом первой инстанции данные действия были переквалифицированы на злоупотребление должностными полномочиями [5].

На наш взгляд, рассмотренные проблемы ограничения таких составов преступления как получение взятки и злоупотребление должностными полномочиями, равно как и другие, могут быть разрешены в рамках правоприменительной практики только за счет принятия соответствующего акта толкования уголовно-правовых норм — постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации «Об ограничении смежных составов преступлений коррупционной направленности», из которого бы четко следовало понимание сложных вопросов квалификации противоправных деяний.

Тем самым, в заключении резюмируя изложенное ранее, представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1) На сегодняшний день особую сложность в рамках правоприменительной практики представляют проблемные вопросы ограничения получения взятки от

смежного состава преступления — злоупотребление должностными полномочиями, в частности, в зависимости от наступления последствий, преследуемой цели.

2) Разрешение существующих проблем представляется нам возможным как за счет принятия соответствующего акта толкования высшим судебным органом, так

и путем проведения на базе высших учебных заведений с привлечением преподавателей, являющихся докторами и кандидатами юридических наук, дополнительного профессионального обучения сотрудников Следственного комитета РФ по вопросам квалификации коррупционных и должностных преступлений

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 03.10.2018). [Электронный ресурс]: справочно-правовая система «Консультант Плюс». // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Постановление Приморского краевого суда от 11.05.2017 по делу № 542178/2017. // Архив Приморского краевого суда. 2017. Д. 542178/2017. Л.Д. 244.
3. Приговор Первомайского районного суда г. Владивостока от 01.06.2017 по делу № 652112/2017. // Архив Первомайского районного суда г. Владивостока. 2017. Д. 652112/2017. Л.Д. 199.
4. Приговор Первомайского районного суда г. Владивостока от 09.02.2018 по делу № 134567/2018. // Архив Первомайского районного суда г. Владивостока. 2018. Д. 134567/2018. Л.Д. 201.
5. Приговор Первомайского районного суда г. Владивостока от 18.09.2018 по делу № 865432/2018. // Архив Первомайского районного суда г. Владивостока. 2018. Д. 865432/2018. Л.Д. 211.
6. Здравомыслов, Б.Д. Должностные преступления. / Б.Д. Здравомыслов. — М.: Норма, 1995. 428 с.
7. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года: ежемесячный сборник. [Электронный ресурс]: официальный сайт Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации. // URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/aab/Ежемесячный%20сборник%20декабрь%202017.pdf>
8. Хохлов, Е. В. Отграничение получения взятки от смежных составов. / Е. В. Хохлов. // Наука через призму времени. 2017. № 7. С. 100—104.

Анализ деятельности суда присяжных за 2016–2018 гг.

Ергалиев Карасай Азатович, студент
Волгоградский государственный университет

Демократические преобразования, которые происходят в Российской Федерации, неотвратимо вызывают глубокие изменения в ее правовой системе. Значимым направлением в данной области преобразований стала судебная реформа, которая включает пересмотр непосредственно и уголовно-процессуального законодательства, а также судебной системы РФ. Важной составляющей судебной реформы можно однозначно отметить возвращение в Россию суда с участием присяжных заседателей. В Концепции судебной реформы этому процессуальному институту отводится одно из центральных мест в демократизации уголовной юстиции.

С 1 июня 2018 г. районные суды обрели право рассматривать некоторые уголовные дела с участием присяжных, но количество ходатайств от обвиняемых пока ничтожно мала.

Возможность подачи ходатайства о рассмотрении дела судом присяжных лицами, обвиняемыми в совершении преступлений, уголовные дела подсудные этому суду, зависят от того, на какой стадии будет находиться в этот мо-

мент производство по делу. До назначения уголовного дела судом к рассмотрению обвиняемые вправе подать такое ходатайство. УПК РФ предусмотрел возможность апелляционного и кассационного обжалования решений, вынесенных судом с участием присяжных заседателей, с определенными ограничениями, установленными в законе [2].

С учетом сокращения коллегии присяжных для обвинительного вердикта в районном суде (с коллегией из шести присяжных) требуется не менее трех голосов присяжных, которые проголосовали за виновность подсудимого.

Последние годы суды присяжных продемонстрировали, что они чаще выносят оправдательные приговоры, чем при рассмотрении дел в обычном порядке. В 2017 году из 318 тыс. подсудимых, чьи дела рассматривались судом в общем порядке, были осуждены 67% (212 тыс.), 0,9% (2,9 тыс.) оправданы, в отношении 1,2% (3,9 тыс.) дела были прекращены по реабилитирующим основаниям, в отношении 28% (90 тыс.) — по не реабилитиру-

ющим. 11% (23 тыс.) суды смягчили обвинение. С учетом дел, рассмотренных в особом порядке, в 2017 году были оправданы 0,3% подсудимых.

Судами с участием присяжных заседателей в 2017 г. рассмотрено 224 дела с вынесением приговора — против 217 в 2016 г., а в 2018 г. — 319. Число осужденных за отчетный период составило 448 человек против 361 годом ранее, а в 2018 г. — 428; число оправданных — 51 человек против 60, а в 2018 г. — 90. Прокурору были возвращены дела 45 лиц, тогда как в 2016 г. их было 85, а в 2018 г. — 51. Вынесено частных определений в 2018 г. — 34. [5]

Отобразим данные на графике 1, из которого видно, что за исследуемый период возросло количество дел рассматриваемых судом с участием присяжных заседателей на 47%, количество осужденных снизилось на 4%, число оправданных увеличилось в два раза.

За последние 11 лет (2008–2018) суды присяжных рассмотрели 4458 уголовных дел. По их вердиктам 8108 человек (83%) были осуждены, 1634 (16%) — оправданы.

При этом Верховный Суд РФ в 2017 г. отменил 28 обвинительных приговоров, вынесенных на основании вердикта присяжных, годом ранее их было 33. Измененных обвинительных приговоров оказалось 23 против 31 в 2016 г. При этом ВС отменил 18 оправдательных приговоров, годом ранее их было почти вдвое больше — 34.

В 2018 г. судебной коллегией по уголовным делам по апелляционным жалобам и представлениям на приговоры и постановления, вынесенные судами первой инстанции по существу с участием присяжных заседателей, рассмотрено 188 дел (из числа всех рассмотренных в 2018 году) в отношении 358 лиц. Эти дела рассмотрены в отношении 317 осужденных, 41 оправданных.

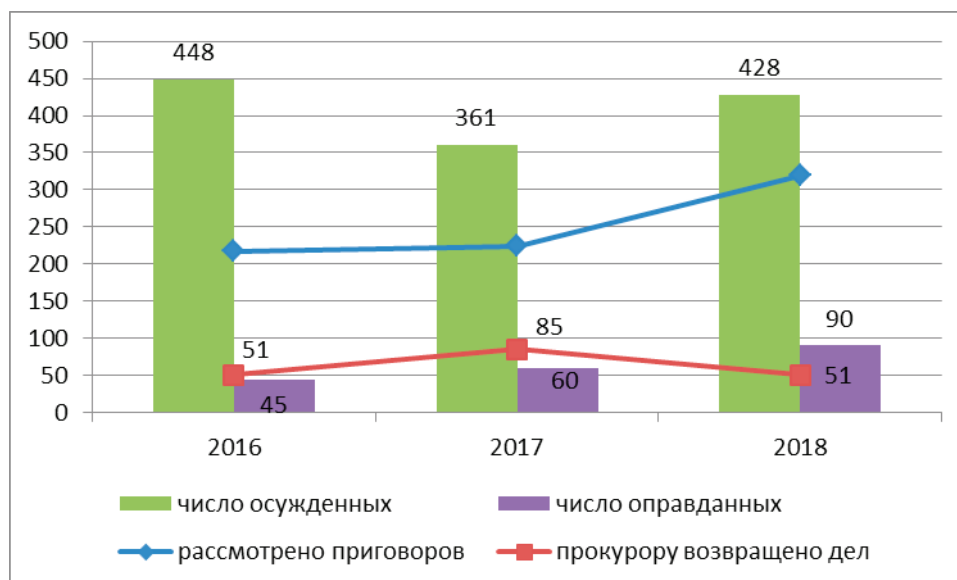

Рис. 1. Статистика дел рассмотренных с участием присяжных заседателей в России за 2016–2018 гг.

Отменены приговоры в отношении 48 лиц, в том числе в отношении 24 осужденных и 24 оправданных. Обвинительные приговоры, постановленные с участием присяжных заседателей, в отношении 23 осужденных отменены с направлением дела на новое судебное рассмотрение в полном объеме. В отношении одного осужденного приговор отменен с вынесением нового обвинительного приговора.

Обвинительные приговоры, постановленные с участием присяжных заседателей, изменены в отношении 24 осужденных: без изменения квалификации преступления смягчено наказание 23 осужденным, усилено наказание — одному осужденному.

При рассмотрении 677 апелляционных дел в 714 судебных заседаниях были использованы средства видеоконференц-связи

Проанализировав статистику по судам присяжных, заметим, что в первые годы функционирования суда при-

сяжных в Российской Федерации количество оправдательных приговоров в некоторых регионах превышало 30%. В те годы адвокаты чувствовали себя очень уверенно в суде присяжных. Со временем прокуроры научились работать с присяжными, среди них появились специалисты высокого класса, обладающие огромным опытом. Вместе с тем судьи значительно чаще стали ограничивать адвокатов в процессе — их чаще останавливают, когда они задают вопросы участникам процесса и выступают в прениях.

Все это привело к тому, что процент оправдательных приговоров значительно снизился; в последние годы он составляет от 10 (2016 г.) до 21% (2018 г.) от общего количества дел, что подтверждает и статистика за 2018 г. Несмотря на увеличение за исследуемый период числа дел, рассмотренных с участием присяжных заседателей, эта цифра остается ничтожно малой. Особенно учитывая распространение данной формы уголовного судопроизводства на всей территории России. И если вы-

водить средние показатели по стране, то получается, что в каждом субъекте за год присяжными заседателями было рассмотрено всего по три-четыре дела.

К сожалению, в Российской Федерации оправдательный приговор по-прежнему рассматривается как нечто чуждое судебной системе. Поэтому если в суде первой инстанции получилось так, что пришлось вынести оправдательный приговор, вторая инстанция в большинстве случаев исправит данную «ошибку» и такой приговор отменит (в отдельных случаях даже по надуманным основаниям).

Большой интерес составляет статистика рассмотрения уголовных дел присяжными за 2018 г., так как с 1 июня

суд присяжных ввелся на уровне районных судов. Возможно, распространение данной формы судопроизводства поможет сделать ее более доступной. И профессиональные участники уголовного процесса перестанут ее бояться, поняв и оценив ее преимущества и достоинства.

Таким образом, демократические новации уголовного-процессуального законодательства поставили перед судебной системой важные задачи по надлежущей организации осуществления правосудия присяжными заседателями в районных судах. основополагающая роль в этом процессе отведена Судебному департаменту при Верховном Суде РФ и его территориальным органам.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 01.04.2019, с изм. от 17.04.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2019) // Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N52 (ч. I), ст. 4921
2. Верховный Суд Российской Федерации // https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/26852/
3. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел в 2018 году // <https://www.vsrp.ru/documents/statistics/27651/>
4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции //
5. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации // <http://www.cdep.ru/index.php?id=37&text=%F1%F2>

Проблемы суда присяжных в вопросах понятия вины подсудимого

Ергалиев Карасай Азатович, студент
Волгоградский государственный университет

Между нормами УК РФ [1] и УПК РФ [2] есть некоторые коллизии, которые относятся к деятельности суда присяжных, например, в вопросах о понятиях вины, состава преступления и об их соотношении.

О наличии такой коллизии свидетельствует следующее. В соответствии с ч. 1 ст. 339 УПК РФ [2] на разрешение присяжных заседателей в совещательной комнате ставятся следующие вопросы: 1) доказано ли, что инкриминируемое подсудимому деяние имело место; 2) доказано ли, что деяние совершил подсудимый; 3) виновен ли подсудимый в совершении этого деяния. Между тем ответы на вопросы о том, является ли это деяние преступлением, и если да, то какими пунктом, частью, статьей УК РФ оно предусмотрено, это в соответствии со ст. 348 УПК РФ [2] исключительная компетенция судьи, который председательствует на суде.

Значит, только профессиональный судья может решать сугубо юридические вопросы об установлении признаков преступления в совершенном деянии, о наличии или отсутствии в нем состава преступления, о его квалификации, о виде и размере наказания, которое должно быть назначено. Однако только присяжные и только в от-

сутствие в совещательной комнате председательствующего по делу и других лиц могут решать вопрос о виновности или невиновности подсудимого.

Противоречие заключается в том, что, вопреки идее разделения полномочий, к компетенции присяжных отнесено решение вопроса о виновности подсудимого, который является не вопросом установления факта, а сугубо юридическим вопросом, поскольку, третий вопрос относится к субъективной стороне состава преступления — вине, ее формам, мотиву преступления.

Здесь законодатель, противоречит себе, то есть в ч. 5 ст. 339 УПК РФ [2] запрещает ставить перед присяжными заседателями вопросы, которые требуют юридической оценки при вынесении ими своего вердикта.

Ни в УПК РФ, ни в УК РФ понятие вины не определяется, несмотря на то что оно относится к числу основных понятий уголовного-процессуального и уголовного права. Рассматривая ст. 24–27 УК РФ сделаем вывод, что УК РФ опирается на психологическую концепцию вины, здесь вина делится на две формы — умысел и неосторожность. Первая форма различает два вида умысла — прямой и косвенный (ст. 25), во второй форме то же два

вида неосторожности — небрежность и легкомыслие (ст. 26). [1]

Статья 27 УК РФ [1] обращает еще на одну форму вины — двойную, когда виновный, умышленно совершая общественно опасное деяние (преступление), к его более тяжким последствиям относится неосторожно.

Известно, что составом преступления является совокупность субъективных и объективных признаков, которые в соответствии с законом характеризуют деяние как преступление. Вина же представляет собой лишь один из элементов субъективной стороны — одного из элементов состава преступления.

Вердикт же о виновности или невиновности подсудимого присяжные заседатели выносят, не принимая участия в рассмотрении вопросов о юридической оценке деяния как преступления и о наличии или отсутствии в нем состава преступления. В связи с этим возможны ситуации, когда присяжные заседатели признают подсудимого виновным в совершении инкриминируемого деяния, а председательствующий придет к выводу об отсутствии в деянии состава какого-либо преступления, и наоборот, при наличии в деянии состава преступления присяжные заседатели признают его невиновным.

В то же время, лишая присяжных заседателей возможности исследовать вопрос о наличии в деянии состава преступления, ч. 6 ст. 343 УПК РФ предоставляет им право изменять обвинение в сторону, благоприятную для подсудимого, что фактически означает не что иное, как изменение квалификации содеянного: ведь чтобы узнать, улучшается положение подсудимого или ухудшается, присяжные должны квалифицировать деяние, т.е. дать ему юридическую оценку, поскольку только сравнение санкций разных статей УК РФ позволяет уяснить, улучшается или ухудшается положение подсудимого.

В законодательстве, регламентирующем деятельность суда присяжных, законодатель вынес вину за рамки состава преступления и по существу, вопреки положениям ст. 8 УК РФ, признал вину, а не состав преступления основанием уголовной ответственности.

В ряде статей УПК РФ закреплено требование учета не просто вины, но и ее степени, величины, масштаба. В частности, в соответствии с ч. 3 ст. 339 УПК РФ после основного вопроса о виновности подсудимого присяжным могут ставиться частные вопросы о таких обстоятельствах, которые влияют на степень виновности либо изменяют ее характер.

В современной уголовно-процессуальной теории постановка перед присяжными заседателями вопроса о виновности или невиновности подсудимого оправдывается тем, что, вынося вердикт «виновен», присяжные должны решить и другой вопрос — заслуживает ли подсудимый снисхождения, т.е. по существу вопрос о степени и характере вины.

Пленум ВС РФ акцентировал внимание на том, что в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только фактические обстоятельства уголовного

дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ (п. 20) [2].

При присяжных заседателях не должны исследоваться процессуальные решения, то есть постановления о возбуждении уголовного дела, постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а также не подлежат разглашению и обсуждению вопросы и ходатайства, направленные на обеспечение условий судебного разбирательства, такие как принудительный привод потерпевших, свидетелей, отводы участникам процесса, вопросы, касающиеся меры пресечения, и другие вопросы права, которые не входят в компетенцию присяжных заседателей и которые способны вызвать их предубеждение в отношении самого подсудимого и иных участников процесса.

В ходе судебного заседания с участием присяжных заседателей в силу ч. 8 ст. 335 УПК РФ [2] данные о личности подсудимого исследуются лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков преступления, в совершении которого он обвиняется.

С участием присяжных заседателей не разглашаются факты прежней судимости, справки о состоянии здоровья, характеристики, семейное положение и иные данные, которые способны вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. К компетенции председательствующего судьи относится и вопрос о вменяемости подсудимого и разрешается им в соответствии с требованиями ст. 352 УПК РФ [2] без участия присяжных.

Пленум ВС РФ указал на такие обстоятельства, которые не должны исследоваться в присутствии присяжных заседателей, но не дал рекомендаций по поводу обстоятельств, которые присяжные должны положить в основу решения о виновности и снисхождении. Пленум ВС РФ [3] и не мог их дать, поскольку вердикт о виновности или невиновности подсудимого и снисхождении присяжные должны выносить по внутреннему убеждению и мотивировать свое решение не обязаны.

Исходя из того что УПК РФ запрещает присяжным обсуждать и решать вопросы юридического характера, можно сделать вывод о том, что и при принятии решения о снисхождении они должны оценивать лишь установленную в судебном заседании в их присутствии фактическую сторону деяния. На это обращает особое внимание и Пленум ВС РФ. Между тем в теории пределы полномочий присяжных определяются шире.

Создавая суд присяжных в 60-е годы XIX столетия, наши предки ориентировались именно на оценочную концепцию вины как наиболее соответствующую народным представлениям того времени о справедливости и несправедливости, добре и зле, праве и неправе, правде и неправде и т.д. Поэтому, если совершенствовать суд присяжных с учетом прошлого опыта и не отказываться от принципа субъективного вменения, то прежде всего следует задуматься над вопросом о достоинствах оценочной концепции вины.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // СПС Консультант Плюс
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 01.04.2019, с изм. от 13.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2019) // СПС Консультант Плюс
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 N23 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // СПС Консультант Плюс.

Разграничение разбоя и бандитизма

Ермолаев Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент;
Афанасьева Алена Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье авторы кратко освещают историю развития норм об уголовной ответственности за разбой. В данной статье представлены отдельные аспекты отграничения бандитизма от разбоя. Приводятся мнения ученых по данному вопросу. Авторы приходят к выводу о важности разграничения составов указанных преступлений в правоприменительной практике.

Ключевые слова: разбой, банда, оружие, отграничение разбоя от бандитизма.

In the article, the authors briefly cover the history of the development of norms on criminal responsibility for robbery. This article presents some aspects of the delimitation of banditry from robbery. The opinions of scientists on this issue. The authors come to the conclusion that it is important to distinguish between the composition of these crimes in the law enforcement park.

Keywords: robbery, gang, weapon, delimitation of robbery from banditry.

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что среди преступлений против собственности разбой представляет собой наиболее общественно опасное. Поэтому правильная квалификация деяния по статье 162 Уголовного кодекса Российской Федерации имеет важное значение.

О разбое впервые упоминается в Псковской судной грамоте (XIV–XV вв.) и в иных ранних памятниках российского законодательства. Сам же термин «разбой» сформировался к XV в. и обозначал одну из форм завладения имуществом посредством применения насилия.

В Своде законов Российской Империи (1832 г.) разбой понимался как проникновение «в какое-либо место, жилище, на деревню, двор, или какое-либо здание для завладения имуществом, произведенное открытою силою и с явной опасностью для самого лица, насилием угрожаемого» [7].

Со второй половины XVII в. разбой перешел в более тяжкую категорию, чем кража. Так, например, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (первый Уголовный кодекс в истории России) впервые ввел в понятие разбоя словосочетание «похищение чужого имущества». К тому же санкции, предусмотренные Уложением, законодатель ужесточил. Если лицо совершило разбой, то его лишали всех прав состояния и ссылали на каторжные

работы в крепости, заводы, рудники на различные сроки или пожизненно².

Близким по смыслу к современному пониманию разбой стал в соответствии с УК РСФСР 1922 года, в соответствии с которым к разбою было отнесено насильственное хищение чужого имущества, являющееся опасным для жизни и здоровья лица, которое было подвергнуто нападению [2].

Уголовный Кодекс РСФСР 1960 года давал следующее определение разбоя: «нападение с целью хищения чужого имущества, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия (разбой)» [3].

Определение понятия «разбой» содержится в статье 162 действующего УК РФ [1] и интерпретируется как «нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия».

Несмотря на длительную историю существования уголовной ответственности за разбой, проблемы квалификации общественно опасных деяний по статье 162 УК РФ существуют и на настоящий момент. При квалификации разбоя важно отграничивать его от иных преступлений. Если отграничению разбоя от грабежа

в научной литературе уделяется большое внимание, то вопрос разграничения разбоя и бандитизма недостаточно изучен.

Проведём сравнительный анализ бандитизма и разбоя, совершенного организованной группой с применением оружия.

Во-первых, в теории смешение данных преступлений невозможно, поскольку они посягают на разные объекты. Преступление, предусмотренное статьей 209 УК РФ, посягает на общественную безопасность, здоровье и жизнь, разбой на собственность, жизнь и здоровье. Различаются основные объекты преступлений.

На практике же возникает немало проблем. Отграничение части 1 статьи 209 УК РФ от разбоя не порождает вопросов, так как объективная сторона в первом преступлении заключается в создании банды обязательно с целью нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой). А во втором составе преступления, предусмотренном пунктом «а» части 4 статьи 162 УК РФ устойчивая группа совершает нападение с целью завладения чужим имуществом.

Основная проблема заключается в том, что и организованная группа при разбое, и банда отличаются признаком устойчивости, а также и разбой, и бандитизм — преступления, связанные с нападением как внезапным для потерпевшего агрессивным, насильственным воздействием. При совпадении указанных квалифицирующих признаков при совершении разбоя неизбежно в следственной и судебной практике возникают существенные проблемы.

Во-вторых, как верно отмечает О. Попова, бандитизм требует наличия у членов банды оружия в узком смысле, т.е. предметов, конструктивно предназначенных для поражения живой или иной цели, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а при разбое признак вооруженности могут образовывать предметы, используемые в качестве оружия, т.е. предметы хозяйственно-бытового или иного назначения. Кроме того, при разбое может быть использована имитация оружия. Состав разбоя может образовывать нападение с применением негодного оружия, тогда как состав бандитизма не может образовать нападение с непригодным для применения оружием [8]. К данному выводу можно прийти при анализе статей 162 и 209 УК РФ. Данные умозаключения представляются верными, поскольку диспозиция статьи 209 УК РФ прямо указывает на признак банды — вооруженность, что предполагает наличия оружия в прямом смысле, предусмотренным законом.

Обязательным признаком банды является вооруженность, которую Пленум Верховного Суда РФ определяет как наличие у участников банды огнестрельного или холодного, в том числе метательного, оружия, как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия. Использование участниками нападения непригодного к целевому применению оружия или его макетов

не может рассматриваться в качестве признака их вооруженности [4].

Часть 2 статьи 162 УК РФ предусматривает применение не только оружия, но и предметов, используемых в качестве оружия.

В-третьих, бандитизм требует наличия у членов банды оружия, а при разбое необходимо фактическое применение оружия, а не только его наличие.

В-четвертых, Р. Галиакбаров разграничивает разбой и бандитизм по такому основанию как момент окончания преступлений. Бандитизм признается оконченным с момента создания банды, тогда как разбой окончен с момента начала нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия [5]. Данное отличие, очевидно, вытекает из диспозиции статьей 162 и 209 УК РФ [6, с.130].

В настоящее время в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.1997 N1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» при совершении бандой разбоя требуется дополнительная квалификация по статье 162 УК РФ [4]. На это указывает абз. 2 пункта 7 указанного постановления, в соответствии с которым создание вооруженной банды является в соответствии с ч. 1 ст. 209 УК РФ оконченным составом преступления, независимо от того, были ли совершены планировавшиеся ею преступления.

Проблемы разграничения изучаемых составов связаны и с использованием в диспозиции статьи 162 и 209 УК РФ термина нападение. Законодательное закрепление данного понятия, оно дано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 года № 1 в п. 6, в котором говорится, что «под нападением следует понимать действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения».

Понятие нападения, в данном случае, является конструктивным элементом состава бандитизма, поскольку законодателем конкретно определена цель банды, а именно — нападение на граждан или организации.

С целью совершенствования норм статьи 162 УК РФ, которые способствуют единообразию судебной практики в части разграничения разбоя и бандитизма, следует часть 1 статьи 162 УК РФ изложить в следующей редакции: разбой, то есть применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, совершенное в целях хищения чужого имущества. Данные изменения позволят исключить одно из оснований смешения изучаемых составов.

Таким образом, отграничение состава разбоя от бандитизма имеет важное теоретическое и практическое значение, так как от правильной квалификации данных преступлений напрямую зависит правильность назначения наказания виновному лицу.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.12.2016)// СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р. С. Ф. С. Р».(вместе с «Уголовным Кодексом Р. С. Ф. С. Р».)// «СУ РСФСР», 1922, N15, ст. 153.
3. «Уголовный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // «Свод законов РСФСР», т. 8, с. 497.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 N1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N3, 1997.
5. Галиакбаров, Р. Разграничение разбоя и бандитизма. Ошибка в теории ломает судебную практику // Российская юстиция. — 2001. — № 7. — С. 3–7.
6. Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар. 2016. 320 с.
7. Копырюлин С.В. История развития уголовного законодательства о разбое // Молодой ученый. — 2018. — № 25. — С. 205–207.
8. Попова, О. Квалификация бандитизма /О. Попова// Российская юстиция. — 2003. — № 1. — С. 43–45. 4. 5. 6.

Удержание суммы обеспечения заявки на участие в конкурсах и торгах как мера ответственности

Зыкова Алена Алексеевна, студент магистратуры;

Научный руководитель: Худякова Юлия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются подходы, сложившиеся в судебной практике, касающиеся меры юридической ответственности, предусмотренной Федеральным законом от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», в виде удержания обеспечения заявки на участие в конкурентных способах определения поставщика, исполнителя.

Ключевые слова: *ответственность, заявка на участие, обеспечение, Закон о контрактной системе, ведение переговоров о заключении договоров.*

Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [7] (далее по тексту — Закон о контрактной системе) помимо привычных для участников гражданского оборота способов обеспечения обязательств предусматривает некую «предварительную» форму обеспечения еще не возникшего обязательства — обеспечение заявки на участие в конкурсах и аукционах.

В соответствии с частью 1 статьи 44 Закона о контрактной системе Заказчик обязан установить требование к обеспечению заявок на участие в конкурсах и аукционах (далее по тексту — закупки) при условии, что начальная (максимальная) цена контракта превышает пять миллионов рублей, если Правительством Российской Федерации не установлено иное. Обеспечение заявки на участие в конкурсе или аукционе может предоставляться участником закупки в виде денежных средств или банковской гарантии. Выбор способа обеспечения заявки на участие в конкурсе или аукционе осуществляется участником закупки.

В том случае, когда закупка окончена заключением контракта, то как (уже) поставщику, так и иным участникам возвращается сумма обеспечения заявки на участие в предусмотренном Законом о контрактной системе порядке.

Однако, в настоящее время возникает проблема с толкованием положений Закона о контрактной системе, связанных с удержанием сумм обеспечения заявок на участие в закупках.

В редакции Закона о контрактной системе, действовавшей до 30.06.2018 предусмотрено, что возврат денежных средств, внесенных в качестве обеспечения заявок, не осуществляется, а в случае проведения электронного аукциона денежные средства, внесенные в качестве обеспечения заявок, перечисляются на счет, который указан заказчиком и на котором в соответствии с законодательством Российской Федерации учитываются операции со средствами, поступающими заказчику, или осуществляется уплата денежных сумм по банковской гарантии, в следующих случаях:

1) уклонение или отказ участника закупки заключить контракт;

2) не предоставление или предоставление с нарушением условий, установленных настоящим Федеральным законом, до заключения контракта заказчику обеспечения исполнения контракта.

Заказчик признает победителя закупки уклонившимся от заключения контракта в одном из трех случаев: если победитель в установленные законом сроки не направил заказчику проект контракта; если протокол разногласий к проекту контракта направлен по истечении тринадцати дней с даты размещения заказчиком протокола закупки; не выполнил требования статьи 37 Закона о контрактной системе, т.н. «антидемпинговые меры».

В судебной практике сформировалась позиция, согласно которой, если в действиях победителя аукциона формально усматриваются признаки уклонения от заключения контракта, а заказчик признает победителя уклонившимся от заключения контракта, то денежные средства — обеспечение заявки на участие, правомерно подлежат удержанию. В удовлетворении исковых требований победителей закупок о взыскании неосновательного обогащения с заказчика в таких случаях отказывают (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.05.2019 по делу № А07—1020/2018).

По мнению судов, уклонение от заключения контракта может выражаться как в совершении действий, осуществленных с указанной целью, так и в их совершении по неосторожности, либо в бездействии, когда участник открытого аукциона по небрежности не принимает необходимых мер по соблюдению норм и правил, необходимых для заключения контракта, чем создает условия, влекущие невозможность подписания контракта.

В связи с чем не принимается во внимание и отсутствие умысла у победителя на уклонение от подписания контракта, существование каких-либо обстоятельств, препятствовавших победителю своевременно подписать контракт. Так же, как и наличие решения антимонопольного органа об отказе во внесении победителя в реестр недобросовестных поставщиков не принималось как основание для возврата сумм обеспечения заявки.

Однако, административные органы, а именно — федеральная антимонопольная служба, при применении к уклонившемуся победителю закупки такой меры ответственности (но уже публичной), как включение в реестр недобросовестных поставщиков, исследует вопрос о наличии вины в форме умысла, устанавливает недобросовестность действий победителя.

Исследование наличия вины при разрешении вопроса о квалификации действий победителя с дальнейшим применением санкций согласуется с общетеоретическими положениями применения юридической ответственности.

Юридическая ответственность — применение к правонарушителю мер государственного принуждения, выражающихся для него в лишениях, предусмотренных санкцией юридических норм.

Первым основанием юридической ответственности является наличие нормы права, запрещающей деяние и предусматривающей ответственность за него — формальное, нормативное основание.

Следующим основанием юридической ответственности является фактическое действие субъекта, нарушающего норму права — правонарушение (состав правонарушения) как юридический факт. Следует отметить, что деяние должно содержать все элементы состава правонарушения.

Юридическим основанием юридической ответственности является правоприменительный акт — правовой акт, определяющий вид и конкретную меру государственного принуждения. [4, с. 215]

Ответственность может наступить только при наличии вины правонарушителя, которая означает осознание лицом недопустимости (противоправности) своего поведения и вызванных им результатов. Если же лицо невиновно, то несмотря на тяжесть деяния оно не может быть привлечено к ответственности. Вместе с тем в исключительных случаях нормы гражданского права допускают ответственность без вины, т.е. за сам факт совершения противоправного, асоциального явления. [1, с. 174]

Таким образом, удержание обеспечения заявки на участие в закупке является юридической ответственностью, конкретным ее подвидом — гражданской, что не исключает факта наличия всех оснований для ее применения:

— норма права, запрещающая деяние — часть 13 статьи 44 Закона о контрактной системе, в частности, и сам Закон о контрактной системе, возлагающий на победителя обязанность по заключению и исполнению условий контракта;

— правоприменительный акт — протокол о признании победителя уклонившимся от заключения контракта;

— наличие состава правонарушения. То есть, в любом случае для применения мер юридической, гражданской ответственности необходимо установить наличие вины (независимо от формы вины — умысел или неосторожность).

Фактически складывается ситуация, в которой за одно правонарушение, где установлено отсутствие умысла, к лицу судом применяются меры гражданско-правовой ответственности в виде удержания суммы обеспечения заявки, антимонопольный же орган не применяет меры ответственности в виде включения в реестр недобросовестных поставщиков, так как не обнаруживает умысла.

Однако, в настоящее время распространяется практика разрешения споров о взыскании с заказчиков сумм удержанного обеспечения заявки в виде неосновательного обогащения, где суды полагают необходимым выяснять наличие вины победителя в форме умысла при признании его уклонившимся от заключения контракта.

Так, подлежат выяснению обстоятельства, ставшие причиной уклонения участника закупки от заключения контракта, намерения победителя заключить контракт и отсутствие в действиях победителя признаков недобросовестности.

При этом, также обращается внимание на решения антимонопольных органов, где антимонопольный орган приходит к выводу об отсутствии оснований для включения победителей в реестр недобросовестных поставщиков, так как не установлено признаков недобросовестности поведения победителя закупки. (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.03.2018 г. № Ф09—1551/18 по делу № А50—20878/2017).

По мнению судов, в данном случае заявку на участие в закупке (а вместе с ней и предоставляемое обеспечение) следует рассматривать как переговоры о заключении договора, то есть оценивать действия сторон с позиции 434.1 ГК РФ.

Проведение такой аналогии «заявка на участие в закупке = переговоры о заключении договора» представляется возможным.

Пункт 1 ст. 434.1 ГК РФ, вступивший в силу с 1 июня 2015 г., устанавливает свободу сторон в ведении переговоров, самостоятельное несение каждой из сторон расходов на ведение переговоров и невозможность быть привлеченными к какой-либо ответственности в случае, если переговоры так и не завершатся заключением договора. Эти положения в полной мере вытекают из принципа свободы договора, подразумевающего в том числе свободу вступать в договорные отношения (статья 421 ГК РФ). [3]

В настоящее время в ГК также закреплено положение, устанавливающее ответственность недобросовестной стороны при проведении переговоров о заключении договора. В частности, согласно абз. 1 п. 3 ст. 434.1 ГК сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки. [2]

Таким образом, когда участник, ознакомившись с условиями проекта контракта, подает заявку на участие в закупке, такие действия участника свидетельствуют о его согласии на заключение договора в случае определения его в качестве победителя, что говорит о вступлении участника в переговоры о заключении договора с заказчиком путем взаимодействия через электронную торговую площадку.

Как видно из вышеприведенных положений, на участника переговоров в случае незаключения договора от-

ветственность не возлагается, однако, в случае незаключения договора в связи с недобросовестным поведением стороны взыскиваются убытки с виновной стороны.

Однако, именно на истце (в рассматриваемом случае — заказчике) лежит бремя доказывания того, что, вступая в переговоры, ответчик (поставщик) действовал недобросовестно с целью причинения вреда истцу, например, пытался получить коммерческую информацию у истца либо воспрепятствовать заключению договора между истцом и третьим лицом (пункт 5 статьи 10, пункт 1 статьи 421 и пункт 1 статьи 434.1 ГК РФ). При этом правило пункта 2 статьи 1064 ГК РФ не применяется. [7]

Таким образом, удержание заявки является мерой гражданско-правовой ответственности, однако, зачастую применение такой меры ответственности не сопоставляется с общеправовым принципом «ответственность за вину», более того, субъективная сторона, то есть отношение поставщика к совершенному, в принципе не исследуется, что порождает двойственность ситуации: за одно и то же нарушение (уклонение от заключения контракта) к субъекту гражданско-правовая ответственность применяется только при исследовании исключительно объективной стороны нарушения, однако, меры публичной ответственности в виде включения в реестр недобросовестных поставщиков применяются только при установлении всех элементов правонарушения, при этом вина должна быть установлена только в форме умысла.

Следовательно, наиболее верным подходом, отвечающим принципу справедливости, к применению удержания суммы обеспечения заявки будет являться исследование вопроса о наличии умысла на уклонение от заключения договора, так как иной подход возлагал бы на добросовестно действовавшего поставщика негативные последствия, возникшие по обстоятельствам, которые от поставщика никоим образом не зависят.

Стоит отметить, что совершенствование Закона о контрактной системе идет по пути применения мер ответственности только в случае установления недобросовестности субъектов гражданского права, о чем свидетельствуют внесенные с 01.07.2018 изменения в Закон о контрактной системе.

Литература:

1. Алексеев, С. С. Теория государства и права. // М.: Экспо, 2006. — С 55.
2. Гонгало. Б. М. Гражданское право: Учебник. В 2 т. // Под ред. Б. М. Гонгало. Т. 2. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2017.
3. Карапетов А. Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307—453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] // Отв. ред. А. Г. Карапетов. — М.: М-Логос, 2017. — 1120с.
4. Шабуров А. С. Теория государства и права: Учебник // Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. — 432 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая (в ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 08.04.2013. № 14. ст. 1652.

7. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7(ред. от 07.02.2017) // Российская газета. № 70. 04.04.2016.

Взаимодействие институтов гражданского общества и муниципальной службы: практический аспект

Иванова Надежда Сергеевна, заместитель главы сельской администрации
Администрация Курмышского сельсовета Пильнинского муниципального района Нижегородской области

Данная статья посвящена исследованию взаимодействия институтов гражданского общества и муниципальной службы. В целях анализа указанного взаимодействия было проведено эмпирическое исследование, респондентами которого стали муниципальные служащие Пильнинского района Нижегородской области.

Ключевые слова: институт гражданского общества, муниципальная служба, органы местного самоуправления, противодействие коррупции.

Одним из основных факторов институционализации муниципальной службы в условиях реформы местного самоуправления в Российской Федерации является тесное взаимодействие институтов гражданского общества и муниципальной службы [5, с. 190]. В целях определения и дальнейшего исследования сферы взаимодействия указанных институтов было проведено эмпирическое исследование на предмет выявления наиболее актуальной области сотрудничества. В органах местного самоуправления Пильнинского муниципального района Нижегородской области было проведено исследование в форме анкетирования среди муниципальных служащих, было опрошено 50 респондентов. Эмпирические данные, полученные в результате анкетирования отражены на рисунке 1.

Анализ полученных эмпирических данных показал, что 8% опрошенных респондентов указали наиболее актуальную область взаимодействия указанных институтов как благоустройство муниципального образования, 3% — выделили область гражданской обороны и защиты населения от чрезвычайных ситуаций, 11% — сферу землепользования и застройки (данная сфера сотрудничества особенно актуальна в сельских поселениях Пильнинского муниципального района Нижегородской области при утверждении Генеральных планов муниципальных образований и др.); 10% респондентов — указали на важность взаимодействия в сфере налогообложения; 21% — оказание муниципальных услуг и части делегированных государственных услуг; 4% — указали на важность взаимодействия

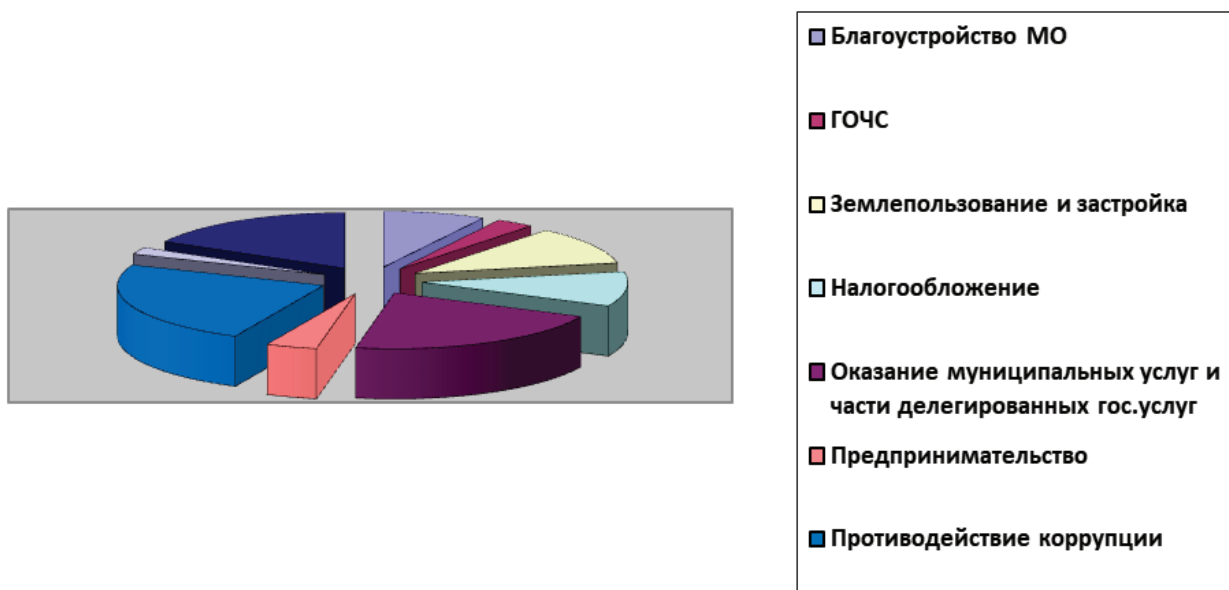

Рис. 1. Количественные показатели на предмет выявления наиболее актуальной области сотрудничества институтов гражданского общества и муниципальной службы

в сфере предпринимательства (особенно малый и средний бизнес); 24% — выделили сферу противодействие коррупции; 2% — определили сельскому хозяйству, развитию в районе КФХ; 17% — социальной сфере обслуживания местного населения. Таким образом, по результатам исследования определена наиболее актуальная сфера взаимодействия институтов гражданского общества и муниципальной службы — это противодействие коррупции.

Понятие противодействие коррупции закреплено в пункте 2 статьи 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Из содержания статьи следует, что: «противодействие коррупции — это деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий» [1].

Однако необходимо отметить тот факт, что местные органы власти и институт гражданского общества совместно участвуют в осуществлении борьбы с коррупцией, а соответственно — активно взаимодействуют друг с другом в этой области деятельности. Борьба с коррупцией сама по себе является сложной задачей с участием субъектов на разных уровнях, от международных организаций до старост небольших деревень и сёл, входящих в состав объединённых сельсоветов Пильнинского муниципального района Нижегородской области.

Для решения указанной проблемы создаются и постоянно актуализируются различные нормативные правовые акты на всех уровнях власти, в т.ч. и на местном уровне. Например, на территории Нижегородской области действует закон от 07.03.2008 N20-З «О противодействии коррупции в Нижегородской области» (принят постановлением ЗС НО от 28.02.2008 N932-IV), в котором в качестве одного из основных принципов противодействия коррупции закреплено: «сотрудничество с институтом гражданского общества» [3]. К сожалению, сегодня в этой области мало положительных результатов. Одна из главных причин данного явления — довольно низкий процент взаимодействия между местными органами власти и гражданским институтом. Несмотря на то, что действующее законодательство Российской Федерации в области борьбы с коррупцией придает этой теме достаточно важный характер.

Как указывалось выше — на примере нормативно-правовой базы Нижегородской области, законодательство большинства субъектов Российской Федерации также посвящено вопросам решения задач по борьбе с коррупцией и взаимодействию органов местного самоуправления и общественных институтов. Следует отметить, что взаимодействие в этой области предполагает, что институты

гражданского общества и местные органы власти косвенно или напрямую взаимодействуют друг с другом и социальной средой с целью минимизации уровня коррупции в системе социального управления [4].

Взаимодействие местных органов власти с институтами гражданского общества в борьбе с коррупцией должно охватывать все этапы борьбы с коррупцией, от продвижения антикоррупционных инициатив до контроля государственной антикоррупционной политики и ее эффективности [4].

Этап продвижения антикоррупционных инициатив по данному вопросу с учетом взаимодействия местных органов власти с институтами гражданского общества состоит из трёх основных действий: совместное выдвижение антикоррупционных инициатив, далее — обсуждение и продвижение среди органов местного самоуправления.

Эта форма непосредственного взаимодействия гражданского общества и муниципальной службы в борьбе с коррупцией реализуется посредством совместных встреч, конференций, круглых столов; например, путем проведения сессий Земского собрания Пильнинского муниципального района, на которые приглашаются должностные лица различных организаций; на заседаниях Межведомственного координационного совета по противодействию коррупции в районе, Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов и др.

Эффективность такого рода взаимовыгодного сотрудничества между институтами гражданского общества и органами местного самоуправления будет закрепляться в конкретных результатах:

- в положениях документов по итогам деятельности совещательных, координационных, экспертных советов, комиссий, рабочих групп и т.д.;

- участие институтов гражданского общества при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (которое является обязательным) [4];

- реализация правомерного «народного контроля» за деятельностью органов местного самоуправления и должностных лиц муниципальных образований.

Изложенные варианты взаимовыгодного сотрудничества муниципальной службы с институтами гражданского общества в антикоррупционной деятельности, сформулированные в рамках данной статьи, не являются исчерпывающим перечнем, а могут быть дополнены и преобразованы. Таким образом, проблема взаимодействия институтов гражданского общества и муниципальной службы в сфере противодействия коррупции является наиболее актуальной в виду того, что процесс «искоренения коррупции» необходимо и целесообразно начинать с местного уровня власти.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 N273-ФЗ (ред. от 30.10.2018) «О противодействии коррупции» // СПС Консультант Плюс.

2. Федеральный закон от 17.07.2009 N172-ФЗ (ред. от 11.10.2018) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СПС Консультант Плюс.
3. Закон Нижегородской области от 07.03.2008 N20-З «О противодействии коррупции в Нижегородской области» (принят постановлением ЗС НО от 28.02.2008 N932-IV) // СПС Консультант Плюс.
4. Кондрашова К.В. Пути взаимодействия институтов гражданского общества с органами местного самоуправления в области противодействия коррупции // Журнал: Экономика, педагогика и право.— 2016. № 2. — [Электронный ресурс]: <http://econdulaw.ru/ru/2016/2/14>. Дата обращения: (15.06.2019).
5. Савельева А.И. Вопросы взаимодействия гражданского общества и структура публичной власти в системе политической коммуникации // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. — 2012. № 3 (75). — С. 189–195.

Проблемы регулирования тарифов на услуги по перевозке грузов железнодорожным транспортом

Калинин Евгений Андреевич, студент

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

Текущее исследование вопроса регулирования тарифов на железной дороге в Российской Федерации ведет к изучению проблемных вопросов, возникающих при перевозке грузов по железной дороге. Ныне действующее законодательство, регулирующее тарификацию железнодорожных перевозок, имеет свои недостатки и пробелы, способы решения которых достаточно просты и логичны.

В совершении перевозочных процессов по железной дороге на территории Российской Федерации одной из сторон выступает компания Российские железные дороги, являющаяся собственником большей части железных дорог и инфраструктуры рядом с ней. Если использовать чужие ресурсы с разрешения собственника, то устанавливается арендная плата. Плата за пользование услугами путей Российских железных дорог, а также инфраструктуры, установлена Прейскурантом № 10–01 «Тарифы на перевозки грузов и услуги инфраструктуры, выполняемые российскими железными дорогами».

В данном случае под услугой будет пониматься процесс перевозки грузов грузовыми поездами, входящими в инфраструктуру Российских железных дорог, которые состоят из локомотивов, вагонов и другого подвижного состава. В индивидуальных случаях используется локомотив, движущийся одиночным следовании.

Использование инфраструктуры при движении грузовых поездов может рассматриваться как отдельная услуга, в зависимости от её осуществления. Основная плата взимается за организацию движения с использованием путей, принадлежащих Российским железным дорогам, а также использование локомотивов и вагонов.

В стоимость арендной платы закладываются расходы, которые несут Российские железные дороги в процессе осуществления услуг надлежащим образом. На основании использования именно этих цифр производится расчет тарифа за пользование услугами Российских железных дорог.

Пунктов, касающихся расходов при оказании услуг, достаточно большое количество. Рассмотрим ряд примеров.

Для того чтобы груз был отправлен в пункт назначения, необходимо составить маршрут следования. После его составления необходимо подобрать железнодорожный состав, которым данный груз будет отправлен. При формировании состава учитывается его дальность следования, вес поезда, сроки, в которые нужно доставить груз. Следующим пунктом по порядку, можно считать поиск свободных для перевозки вагонов. Маловероятно, что здесь и сейчас будет стоять и ждать свободный вагон, так как из-за огромного грузооборота свободный или подходящий по типу вагон может освободиться не сразу. Исключением являются случаи, когда вагоны, используемые для перевозки, находятся в собственности заказчика перевозки. После выбора и «бронирования» вагона идет запрос на погрузку в пункте отправления и в пункте назначения на производство погрузочно-разгрузочных работ. После получения разрешения на передвижение, вагоны включаются в формирование состава на станции отправления. В процессе формирования должно быть получено разрешение на передвижение при маневровых работах в пределах станции с перемещением по путям общего пользования или отдельное разрешение при передвижении с путей необщего пользования на пути общего пользования. После формирования состава производится операция по полной проверке грузового поезда пригодным к движению. Дальше подвижной состав с грузом движется либо до пункта назначения, либо до станции, где производится переформирование в другой состав для изменения направления движения поезда.

Проблемным вопросом, с моей точки зрения, в данном процессе перевозки можно считать оплату за передви-

жение по маршруту, в которой учитывается стоимость проезда по электрифицированному и неэлектрифицированному участку одновременно. Сама суть проблемы заключается в том, что здесь можно подойти к вопросу с двух сторон: со стороны перевозчика (Российские железные дороги) и со стороны грузоотправителя.

Если начинать со стороны перевозчика, то с точки зрения удобства произведения расчетов и выставления итогового счета за перевозку, одной частью формулы будет установленная тарифом единица, включающая в себя стоимость за использования одновременно электрифицированного и неэлектрифицированного участка. Но если же в процессе доставки груза был использован либо электрифицированный участок, либо неэлектрифицированный отдельно, то применяются уже совсем другие коэффициенты.

Если перейти на сторону грузоотправителя, то именно здесь и будет крыться проблема, которая будет рассмотрена. Перевозчик в процессе расчета итоговой стоимости включает в формулу единицу, которая определяет каким способом тяги был доставлен груз. При процессе расчета, если использовался только один тип тяги, к примеру, электрифицированный, то учитывается стоимость именно за такой участок. Но если в процессе перевозки используется и электрифицированный и не электрифицированный участок, то здесь используется коэффициент, который

установлен отдельно. В данной ситуации можно разделить вопрос еще на 2 ветви развития. Сама по себе стоимость перевозки на электрифицированном участке дешевле, так как затраты на электричество не велики. Если рассматривать стоимость на не электрифицированном участке, то стоимость будет дороже, так как жидкого топлива будет затрачено гораздо большее количество, если сравнивать пропорционально электричеству. Другими словами: по электрифицированной дороге перевозить дешевле, чем по неэлектрифицированной. Но здесь есть один нюанс. Если в процессе составления маршрута оказывается, что есть участок неэлектрифицированный и электрифицированный одновременно, применяется суммирующий коэффициент. Даже если при общей дистанции маршрута 1000 км, 15 из них являются неэлектрифицированными, то применяется суммирующий коэффициент, который делает перевозку дороже.

В моем варианте решения данного вопроса все достаточно просто. Это решение может уменьшить доход Российских железных дорог, но значительно уменьшить стоимость перевозки. При использовании в процессе перевозки и того и другого типа тяги одновременно стоит производить расчет учитывая отдельно один участок тяги и другой. Так стоимость перевозки будет более гуманна и логично просчитана.

Литература:

1. Федеральный закон «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» от 10 января 2003 г. N17-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, N2, ст. 169
2. Федеральный закон «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» от 10 января 2003 г. N18-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, N2, ст. 170
3. Прейскурант № 10—01 Тарифы на перевозки грузов и услуги инфраструктуры, выполняемые российскими железными дорогами // Российская газета от 20 августа 2003 г. N164
4. Вайпан В. А. Правовое регулирование транспортной деятельности // Право и экономика. — № 6. — 2012. — С. 12—16.
5. Самигулина А. В. Особенности ответственности грузоотправителя и грузополучателя в договоре перевозки груза железнодорожным транспортом. // Право и экономика. — № 3. — 2016. — С. 8—12.

Проблемы и особенности квалификации вымогательства

Капустин Сергей Петрович, студент магистратуры

Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова (г. Москва)

В статье рассматриваются наиболее сложные вопросы квалификации вымогательства, вытекающие из анализа судебной практики по данной категории преступлений.

Ключевые слова: вымогательство, квалификация, группа лиц, гражданско-правовые отношения, угроза.

Представляется важным рассмотреть вопросы квалификации вымогательства, которые вызывают наибольшие трудности при практическом применении положений ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1].

Так, действия виновных при вымогательстве нередко выдаются за гражданско-правовые отношения. В связи с чем правоприменитель должен правильно отграничить вымогательство от правомерного поведения, регламентированного нормами гражданского законодательства.

Например, кредитор требует у должника вернуть не только имущество, но и проценты на сумму этих средств, а также выплатить неустойку и возмещение иных убытков, предусмотренных в ст. ст. 394, 395 ГК РФ. Подобные требования кредитора представляются правомерными и обоснованными. Даже если имеют место быть угрозы, это исключает привлечение кредитора к уголовной ответственности за вымогательство.

Между тем, если кредитор применяет незаконные методы для того, чтобы должник исполнил обязательства, либо если его требования выходят за рамки таких обязательств, то его действия будут квалифицированы, соответственно, как самоуправство (ст. 330 УК РФ) либо как вымогательство (ст. 163 УК РФ).

Если данное правило не учитывается на практике, то это очень часто приводит к ошибкам квалификации. Например, приговором Кривошеинского районного суда Томской области Ж. и Х. были осуждены за самоуправство, совершенное с применением насилия (ч. 2 ст. 330 УК РФ). Между тем, органами предварительного следствия они обвинялись в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ.

В судебном заседании было установлено, что виновные изначально собирались заставить потерпевших вернуть Г., как они полагали, похищенное имущество и только потом начали потребовать от них денежные средства.

Суд также установил, что Ж. передал Г. деньги в сумме, равной стоимости похищенного имущества, через непродолжительное время после происшедшего. Изменяя квалификацию, суд в приговоре указал, что виновные требовали передать имущество, принадлежащее Г. на законных основаниях, однако при этом нарушили порядок истребования такого имущества, установленного гражданским законодательством [2].

Таким образом, для привлечения виновного к ответственности за вымогательство его действия должны быть противоправными, т.е. не основанными на законе, а вымогатель должен осознавать, что не имеет права предъявлять данные имущественные требования.

Определенные трудности при квалификации вымогательства возникают при оценке вымогательской угрозы. Необходимо обратить внимание на то, что отложенный характер некоторых видов вымогательской угрозы вовсе не значит, что она не является реальной. Потерпевший должен опасаться реализации данной угрозы, в противном случае состав вымогательства отсутствует.

На практике встречаются случаи, когда имея цель получить имущество в дальнейшем, виновный угрожает применить насилие к потерпевшему в дальнейшем, однако, видя, что его угроза не имеет результата, применяет реальное насилие немедленно. В подобном случае квалификация зависит от того, соответствует ли примененное насилие высказанной ранее угрозе и исчерпана ли имевшая место угроза реальным насилием. Если же виновный применением насилия подкрепляет реальность угрозы, ранее высказанной, имеет место квалифициро-

ванный состав вымогательства — вымогательство с применением насилия.

В случаях, когда лицо применяет насилие в качестве мести за отказ потерпевшего выполнить предъявленное к нему требование, содеянное необходимо квалифицировать как «простое» вымогательство и умышленное причинение вреда здоровью.

Сложности также возникают при квалификации вымогательских угроз, которые связаны с распространением сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, способных причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Так, в науке уголовного права вопрос об отнесении информации о совершенном преступлении к сведениям, позорящим потерпевшего или его близких, носит дискуссионный характер.

Необходимо отметить, что сведения о реально совершенном лицом или его близкими преступлении не всегда относятся к позорящим.

Между тем, смысл угроз при вымогательстве — заставить потерпевшего совершить определенные действия либо бездействие под угрозой распространения определенных сведений. Это сведения, которые потерпевший пытается сохранить в тайне, однако они могут стать достоянием окружающих. При этом потерпевший пытается сохранить эти сведения в тайне, боясь возможного привлечения к уголовной ответственности, в связи с чем угроза оказывает на него стимулирующее воздействие.

Учитывая изложенное, угроза распространить сведения о действительно совершенном преступлении должна составлять объективную сторону вымогательства.

Редакция действующей нормы (ст. 163 УК РФ) не дает возможности отнести данные сведения ни к позорящим потерпевшего или его близких, ни к иным сведениям, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам указанных лиц.

При этом следует указать на одну неточность законодателя: она выражается в том, что какой-либо вред могут причинить не сами по себе сведения, а последствия, которые могут наступить от действий виновного по их распространению.

Судебная практика нередко признает сведения о совершенном преступлении в качестве вымогательской угрозы.

Например, приговором Вологодского городского суда К. и Л. были осуждены за совершение преступления, предусмотренного п.п. «а», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ.

У К. и Л. имелись видеозаписи, которые содержали информацию о причастности Щ. к заказу убийства Д. К. и Л. незаконно требовали у Щ. денежные средства в крупном размере, угрожая при этом передать указанные видеозаписи в правоохранительные органы для возбуждения в отношении Щ. уголовного дела [3]. В данном случае суд установил, что именно страх перед возможным разоблачением заставил потерпевшего выполнить требования вымогателей и передать им требуемую сумму денег.

Представляется важной проблема определения целевой принадлежности вымогательства, предусмотренного ст. 163 УК РФ, с позиции его отграничения от иных видов вымогательств, предусмотренных УК РФ.

В данном случае имеются ввиду составы преступлений, предусмотренных ст.ст. 221, 226, 229 УК РФ, которые устанавливают ответственность за вымогательство других предметов преступного посягательства.

Однако не только по предмету преступления представляется возможным разграничить фактически одинаковые по отношению друг к другу составы преступлений. Все они образуют одно деяние — вымогательство. Между тем, корыстная цель является признаком только вымогательства, предусмотренного ст. 163 УК РФ. У других разновидностей данного посягательства указанный признак отсутствует. Более того, корыстная цель для всех составов, выделенных из ст. 163 УК РФ, является нетипичной.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019 г.) [Электронный ресурс] // <http://www.garant.ru>
2. Приговор Кривошеинского районного суда Томской области от 07.09.2017 г. № 1–34/2017 г.: <http://sudact.ru/>.
3. Приговор Вологодского городского суда от 17 ноября 2018 г. № 1–721/2018. <http://sudact.ru/>.

Следует указать, что именно данное обстоятельство не дает возможности объединить рассматриваемые составы преступлений в рамках одной законодательной конструкции, в которой бы предмет вымогательства служил бы признаком, отягчающим наказание за общий состав вымогательства. В данном случае основной состав вымогательства предусматривал бы ответственность за корыстное деяние, а квалифицированный в части особого предмета характеризовался бы другими мотивами и целями.

Вне всякого сомнения, нахождение в рамках одной законодательной конструкции совершенно разных по отношению друг к другу целеполагающих и мотивационных процессов не является верным.

Именно подобное обстоятельство вместе с повышенной общественной опасностью вымогательства предметов, которые изъяты из гражданского оборота, и явилось основанием для разграничения ответственности за указанные посягательства.

Судебный штраф как мера арбитражной процессуальной ответственности

Квитка Роман Александрович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Ключевые слова: штраф, арбитражный суд, АПК РФ.

В арбитражном процессе единственным субъектом, который имеет право на осуществление мер процессуального принуждения, является арбитражный суд.

Арбитражная процессуальная ответственность является разновидностью мер процессуального принуждения, которая характеризуется тем, что на участников арбитражного судопроизводства может быть возложено дополнительное правовое обременение и порицание субъекта процессуальных правоотношений. Данный субъект либо виновно совершает действие (бездействие), которое причиняет вред порядку отправления правосудия по экономическим спорам либо создаёт угрозу причинения такого вреда и нарушает обязывающие и запретительные нормы процессуального права.

Судебный штраф является имущественной мерой арбитражной процессуальной ответственности.

Исключение сделано для корпоративных споров, за отдельные нарушения по которым установлен судебный штраф в фиксированном размере. Так, например, за неисполнение юридическим лицом обязанности по уведом-

лению о возбуждении производства по делу, предмете и об основании заявленного в арбитражный суд требования, об иных обстоятельствах спора участников этого юридического лица, лиц, входящих в его органы управления и органы контроля, а также держателя реестра владельцев ценных бумаг этого юридического лица и (или) депозитария, осуществляющих учет прав на эмиссионные ценные бумаги этого юридического лица налагается штраф в размере 5 тыс. руб. Для некоторых субъектов установлены запреты от наложения судебных штрафов. Так, если в производстве арбитражного суда имеется дело с участием иностранного государства, на этого участника арбитражного судопроизводства не может быть наложен судебный штраф (ч. 1 ст. 256.11 АПК РФ).

Привлечение лица к арбитражной процессуальной ответственности, такой как судебный штраф, происходит в определенной процедуре, которая позволяет, с одной стороны восстановить нарушенный процессуальный порядок, исследовать все доказательства, свидетельствующие о вине отсутствия вины лица в совершении про-

цессуального правонарушения, а, с другой стороны, позволяет лицу, на которое наложен судебный штраф, защищаться от необоснованного привлечения к ответственности. Вопрос о применении меры процессуального принуждения в виде судебного штрафа к лицу, присутствующему в судебном заседании, разрешается в том же судебном заседании арбитражного суда. Вопрос о наложении судебного штрафа на лицо, не присутствующее в судебном заседании, разрешается в другом судебном заседании арбитражного суда (ч. 1–2 ст. 120 АПК РФ).

Лицо, к которому применяется такая мера процессуальной ответственности как судебный штраф, извещается о времени и месте судебного заседания. Неявка лица, надлежащим образом извещенного, в судебное заседание не является препятствием для рассмотрения вопроса о наложении судебного штрафа (ч. 3 ст. 120 АПК РФ). По итогам рассмотрения вопроса о наложении судебного штрафа, арбитражный суд выносит определение. Определение о назначении судебного штрафа, подлежит исполнению немедленно в порядке, который установлен для исполнения решения арбитражного суда (ч. 4–5 ст. 120 АПК РФ). Определение о наложении судебного штрафа может быть обжаловано лицом в десятидневный срок со дня получения копии данного определения. Подача жалобы на определение в виде наложения судебного штрафа не может приостановить исполнение данного определения (ч. 6–7 ст. 120 АПК РФ).

Размер штрафов отличается: это максимум 5000 для граждан, 30000 для должностных лиц, а для организаций — максимум 100000 рублей.

На протяжении 10-ти дней с момента, когда оштрафованное лицо получает извещение, можно оспорить вынесенное взыскание. Но при этом подача жалобы не может приостановить сам процесс взыскания.

Можно обратиться с просьбой, чтобы штраф уменьшили, либо вообще освободили от него. Чтобы спорить штрафные санкции, оштрафованное лицо должно обратиться в суд, где и было вынесено решение о санкции [1]. Это необходимо сделать в течение 10-ти дней с того момента, когда была получена копия судебного решения о взыскании. Данное заявление будет подвергнуто рассмотрению в судебном порядке. На это отводится 10 дней.

Литература:

1. Балалаева М. В. Судебный штраф: актуальные проблемы теории и практики // Человек и общество в противоречиях и согласии Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. 2018.
2. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 4 сентября 2018 г. по делу № А49–16048/2016.

При этом лицо, на которое и был наложен данный штраф, обязательно должно быть извещено о месте, времени заседания суда. Однако факт неявки этого лица не может препятствовать рассмотрению заявления. Явка истца на суд не обязательна.

Отметим, что все суммы, уплачиваемые в качестве штрафа, перечисляются в федеральный бюджет.

Так, Инспекция Федеральной налоговой службы по Октябрьскому району г. Пензы обратилась в Арбитражный суд Пензенской области с иском о ликвидации общества с ограниченной ответственностью «Русский пектин» и возложении обязанностей по ликвидации общества на его учредителей — Борисова Анатолия Григорьевича (далее — Борисов А. Г.), Миронкина Александра Васильевича (далее — Миронкин А. В.) на основании пункта 6 статьи 5 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», статей 51, 54 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Решением Арбитражного суда Пензенской области от 27.02.2017 заявленные требования ИФНС России по Октябрьскому району г. Пензы удовлетворены. Судом ООО «Русский пектин» ликвидировано, обязанности по ликвидации ООО «Русский пектин» возложены на его учредителей — Борисова А. Г., Миронкина А. В. Ликвидацию ООО «Русский пектин» суд определил осуществить в течение шести месяцев с момента вступления решения в законную силу.

В связи с неисполнением судебного акта в указанный срок, регистрирующий орган обратился в арбитражный суд с заявлением от 10.10.2017 о наложении на Миронкина А. В. штрафа за неисполнение судебного акта.

Определением Арбитражного суда Пензенской области от 27.11.2017 на Миронкина А. В. наложен судебный штраф в размере 2500 руб. за неисполнение решения Арбитражного суда Пензенской области от 27.02.2017 по настоящему делу [2].

Судебный штраф, как мера процессуального принуждения, может применяться на любой стадии арбитражного процесса, как на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, так и на стадии исполнительного производства.

Проблемы привлечения к административной ответственности в сфере ЖКХ

Ковальская Ольга Николаевна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Ключевые слова: РФ, услуга, общее имущество, административная ответственность, управляющая компания, Российская Федерация

Актуальность темы данной статьи обусловлена тем, что область жилищно-коммунального хозяйства находится на стыке различных отраслей права. В ходе использования жилищно-коммунального хозяйства (далее — ЖКХ) применяются нормы Жилищного кодекса Российской Федерации [2] (далее — ЖК РФ), Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ), Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3], (далее — КоАП РФ), а также различные подзаконные нормативные акты, которые регулируют предоставление коммунальных услуг населению. По этой причине правонарушения в данной сфере касается нескольких областей общественных отношений. Кроме того, значимость рассмотрение вопросов о привлечении к административной ответственности за правонарушения в сфере ЖКХ, обусловлена ростом числа данных правонарушений. Нарушения в сфере ЖКХ имеют массовый и зачастую явный характер.

В действующем КоАП РФ отсутствует глава, которая регулирует меры ответственности за правонарушения в области ЖКХ. По этой причине контролирующие органы квалифицируют имеющиеся нарушения согласно тем статьям КоАП РФ, по которым они имеют полномочия возбуждать дела об административных правонарушениях.

В различных главах КоАП РФ имеются нормы, которые применяются при нарушениях в области ЖКХ. Можно выделить несколько групп: правонарушения в сфере охраны собственности, нарушения в сфере предпринимательской деятельности, нарушения в сфере охраны окружающей среды и природопользования, нарушения посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность, нарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность.

Контролирующие органы имеют право привлечь потенциального нарушителя за одно и то же правонарушение, по разным статьям КоАП РФ. К примеру, если будет выявлена подача воды, которая не соответствует санитарно-эпидемиологическим требованиям, то это нарушение можно квалифицировать как по статье 6.5 КоАП РФ (то есть нарушение санитарно-эпидемиологических требований к питьевой воде), так и по статье 7.23 (то есть, нарушение нормативов обеспечения населения коммунальными услугами) либо по части 2 статьи 14.43 — оказание населению услуг с нарушением требований технических регламентов и санитарных правил.

Перечисленные составы имеют различные сроки давности привлечения к административной ответственности, а также различные субъекты имеют право осуществлять такое привлечение.

На практике наиболее часто применяется статья 14.4 КоАП РФ. Согласно судебной практике правонарушения неправильно квалифицируются контролирующими органами. При обжаловании постановлений о привлечении управляющих компаний, а также поставщиков коммунальных услуг по данной статье, возникает вопрос о необходимости разграничение областей применения ст. 14.4 и ст. 7.23 КоАП РФ. Наиболее часто встречаются правонарушения, которые состоят в перебоях с поставкой коммунальных услуг либо оказание услуг ненадлежащего качества.

Полагаем, что управляющие компании и поставщики коммунальных ресурсов, осуществляют предпринимательскую деятельность путём оказания услуг населению. Согласно п. 31 Правил предоставления коммунальных услуг населению [5], поставщик обязан оказывать услуги надлежащего качества. Более детально требования к качеству предоставляемых услуг закреплены в ГОСТах и СанПиНах. В связи с тем, что оказываемые услуги не отвечают требованиям, которые закреплены государственными стандартами, то можно говорить о наличии состава правонарушения, который предусмотрен в ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ.

В практике имеется противоположная точка зрения, согласно которой деятельность в сфере оказания коммунальных услуг населению регулируется нормами ЖК РФ и вышеуказанными Правилами предоставления коммунальных услуг населению. Согласно этим Правилам коммунальными услугами является «деятельность исполнителя по подаче потребителям любого коммунального ресурса в отдельности или два и более из них в любом сочетании с целью обеспечения благоприятных и безопасных условий использования жилых, нежилых помещений, общего имущества в многоквартирном доме <...>, а также земельных участков и расположенных на них жилых домов (домовладений)» [5].

В соответствии с п. 2 указанных выше Правил в качестве исполнителя коммунальных услуг признаётся юридическое лицо (любой организационно-правовой формы) или индивидуальный предприниматель, которые предоставляют коммунальные услуги, а также производят или приобретают коммунальные ресурсы и отвечают за обслуживание внутридомовых инженерных систем, с при-

менением которых потребителю и предоставляются такие коммунальные услуги. В качестве исполнителя выступает управляющая организация, ТСЖ, ЖСК либо иной потребительский кооператив, которые производят или приобретают коммунальные ресурсы.

Правилами № 354 регламентированы отношения, имеющиеся между исполнителями коммунальных услуг и потребителями. Ответственность для этих субъектов предусмотрена ст. 7.23 КоАП РФ. Она является специальной относительно ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ. Таким образом, имеется вопрос при разграничении областей использования ст. 7.23 и ст. 14.4 КоАП РФ. Например, в практике есть различные точки зрения о том, как правильно следует квалифицировать правонарушение, состоящее в подаче воды, температура которой в местах водозабора имеет отличия от нормативов, закреплённых СанПиН 2.1.4.1074–1.

На основании материалов судебной практики [6] можно сделать вывод, что привлечение вышеуказанных субъектов по статье 14.4 КоАП РФ является неверной.

В качестве аргумента защиты правильности привлечения по ст. 7.23 КоАП РФ является отсылка к тому, что привлекаемое лицо не представляется субъектом правонарушения, так как не является исполнителем согласно вышеуказанным Правилам. На основании материалов судебной практики можно выявить такой подход: в связи с тем, что между жильцами и управляющей компанией заключён договор, то управляющая компания является исполнителем коммунальных услуг. Согласно ст. 7.23 КоАП РФ субъектом правонарушения является и исполнитель и ресурсоснабжающая организация. Следовательно, в случае подтверждения того, что именно действие (бездействие) ресурсоснабжающей организации стали причиной правонарушения, состоящего в ненадлежащем предоставлении услуги в не соответствующем объёме или качестве, именно организацию следует привлекать по ст. 7.23 КоАП РФ.

Интересным представляется вопрос о разграничении сфер ответственности между управляющей компанией (или ТСЖ) и ресурсоснабжающей организацией. Сфера ответственности управляющей компании либо ТСЖ начинается там, где это предусмотрено эксплуатационными характеристиками жилого строения. Обычно сфере ответственности начинается с места подсоединения общедомовых приборов учёта к инженерным сетям. От места присоединения таких приборов учёта и далее сфера ответственности принадлежит ресурсоснабжающей организации. В связи с этим, если будет выявлено, что предоставляемый ресурс не отвечает требованиям в соответствии с приборами общедомового учёта, это может быть основанием для освобождения управляющей компании либо ТСЖ ответственности.

Необходимо отметить, что доказывание соответствия показателей приборов общедомового учёта закреплённым законодательству требованиям, возложено на контролирующие органы. Именно поэтому, в тех случаях, когда при проведении проверки жилищной инспекцией не

были отражены показания этих приборов в акте проверки либо в протоколе, а также, если протокол не соответствует требованиям, указанным в ст. 28.2 КоАП РФ, то это может быть основанием для признания судом того, что наличие объективной стороны административного правонарушения не доказано.

Далее рассмотрим коллизию норм, которые регламентируют обязанность по содержанию имущества многоквартирного дома.

Так, данная обязанность урегулирована в гражданском, и в жилищном законодательстве. В соответствии со ст. 210 ГК РФ именно собственник несёт ответственность за содержание общедомового имущества, также в ст. 158 ЖК РФ бремя содержания общего имущества возложено на собственников жилых помещений.

Чтобы в договор были включены пункты о проведении работ и услуг, направленных на содержание общего имущества в многоквартирном доме необходимо решение общего собрания собственников помещений. Данное положение закреплено в ст.ст. 44, 46, 158 ЖК РФ. На основании положений письма Министерства регионального развития Российской Федерации от 14.10.2008 № 26084-СК/14, если решение собрания не будет, то управляющая организация не имеет права производить такие работы (услуги), также не может нести ответственность за невыполнение этих работ (услуг).

На практике во многих домах собрания не производится, либо на них не решается вопрос о необходимости осуществления ремонта, не оплачивается его проведение, а также принимается решение о том, что нет необходимости производить текущий ремонт дома.

Однако необходимо рассмотреть положение п. 2 ст. 161 ЖК РФ. В данной норме говорится о том, что обязанность оказывать услуги по содержанию общего имущества возложена на соответствующую управляющую организацию, согласно заключённому договору. В соответствии с Правилами содержания [4], обязанность по содержанию общего имущества возлагается на управляющую организацию путём заключения с ней договора. Управляющие организации несут ответственность перед собственниками помещений, если они нарушают свои обязательства в области поддержания надлежащего состояния общего имущества (п. 42).

Большую роль при разрешении вопросов, возникающих при определении мер ответственности за состояние общедомового имущества играет Постановление Президиума ВАС РФ от 29.09.2010 № ВАС 6464/10 [7]. Согласно данному Постановлению, текущие, неотложные, обязательные сезонные работы и услуги полагается предусмотренными в договоре на основании норм о содержании дома как объекта, и должны быть произведены управляющими компаниями, независимо от того поименованные они в конкретном договоре или в решении общего собрания собственников, или нет.

Итак, если применяются ст. ст. 14.7, 14.8 КоАП РФ, то возникает проблема субъекта конкретного правонару-

шения. В связи с этим возникает вопрос о том, допустимо ли привлекать к ответственности товарищество собственников жилья, которое не является коммерческой организацией. Однако на основании современной судебной практики, можно заметить, что данный довод не принимается во внимание. Обычно суду достаточно установления того, является ли привлекаемое ТСЖ исполнителем, согласно смыслу Правил оказания коммунальных услуг.

На основании анализа действующего законодательства и правоприменительной практики в сфере привлечения к административной ответственности по причине

совершения правонарушения в области ЖКХ, можно сделать вывод, что верная квалификация нарушений должна производиться на основании статьи 7.227.23 КоАП РФ. Согласно законодательству, органом, который уполномочен осуществлять привлечение к административной ответственности по данным статьям, является Жилищная инспекция. Многие суды не подходят к вопросу о субъектном составе с точки зрения норм закона. Но этот аспект играет большую роль по делам о привлечении к административной ответственности при доказывании конкретных юридически значимых обстоятельств.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 251-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 окт. 1994 г.: введ. Федер. законом Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 52-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 32, ст. 3301.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 дек. 2004 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 дек. 2004 г. // Рос. газ. — 2005. — № 1. — 12 янв.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 дек. 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 дек. 2001 г. // Рос. газ. — 2001. — № 256, 31 дек.
4. Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность: утв. постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491: в ред. Постановления Правительства Рос. Федерации от 15.12.2018 № 1572 // Рос. газ. — 2006. — № 184. — 22 авг.
5. О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов: утв. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354: в ред. Постановления Правительства Рос. Федерации от 23.02.2019 N184 // Рос. газ. — 2011. — № 116. — 01 июня.
6. Постановление Верховного Суда РФ от 14.09.2016 № 302-АД16–11191 по делу № А78–929/2016. [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 29.09.2010 № 6464/10 по делу № А08–4962/2009–27 // Вестник ВАС РФ. 2010. № 12.

Уголовно-правовые способы защиты авторских прав в Российской Федерации

Конакова Ирина Евгеньевна, студент магистратуры
Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

В статье рассматриваются вопросы применения уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации «Нарушение авторских и смежных прав», анализируются элементы состава данного преступления.

Ключевые слова: авторские права, уголовно-правовые способы защиты, плагиат.

В современном российском законодательстве сформулированы четкие подходы к защите личных прав авторов. Несмотря на то, что наибольшую практическую значимость с точки зрения защиты прав и интересов авторов имеют гражданско-правовые способы защиты ав-

торских прав, значительное место в системе охраны результатов интеллектуальной деятельности занимает действующее уголовное законодательство России.

Наиболее ярко уголовная ответственность за совершение преступлений, связанных с объектами интеллекту-

альной собственности, проявляется в диспозиции ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее также УК РФ) «Нарушение авторских и смежных прав» [2].

Обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ, является причинение крупного ущерба автору или иному правообладателю, совершение деяния в крупном размере либо в особо крупном размере. Именно размер ущерба является основным признаком, отличающим данное преступление от гражданско-правового деликта или административного правонарушения. Деяния, предусмотренные исследуемой уголовно-правовой нормой, признаются совершенными в крупном размере, если стоимость экземпляров произведений или фонограмм либо стоимость прав на использование объектов авторского права и смежных прав превышают сто тысяч рублей, а в особо крупном размере — один миллион рублей.

В ст. 146 УК РФ предусмотрены два вида уголовно наказуемых нарушений авторских и смежных прав. Часть 1 названной статьи устанавливает ответственность за присвоение авторства (плагиат), а часть 2 — за незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно приобретение, хранение, перевозку контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта.

Присвоение авторства на результат интеллектуальной деятельности (плагиат) состоит в издании чужого произведения под своим именем либо произведения, в объявлении себя автором чужого произведения, выпуске чужого произведения (в полном объеме или частично) под своим именем, издании под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имени. Таким образом, речь идет о нарушении такого личного неимущественного права автора, как право авторства. Согласно ст. 1257 ГК РФ автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано.

Плагиат может быть прямым — в этом случае вместо имени автора плагиатор указывает свое собственное имя, и косвенным, когда в качестве автора указывается имя третьего лица, автором не являющегося [3]. Кроме того, поскольку п. 7 ст. 1259 ГК РФ устанавливает возможность распространения авторских и на часть произведения, опубликование под своим именем только части произведения также может рассматриваться как плагиат.

Нужно отметить, что меры ответственности, предусмотренные статьей 146 УК РФ, применяются чрезвычайно редко и выполняют фактически сугубо превентивную, то

есть предупредительную функцию, в случаях выявления плагиата защита нарушенного права авторства осуществляется преимущественно с помощью норм гражданского права. Более того, даже в тех случаях, когда какое-либо произведение полностью совпадает с произведением, созданным другим автором, дать однозначный ответ о том, что речь идет о плагиате, не всегда возможно. Высказывается мнение о том, что не исключена возможность самостоятельного и независимого создания двумя авторами идентичных произведений [3]. Это утверждение является спорным, невозможно представить, например, создание абсолютно тождественных литературных или художественных произведений.

Известно, что проблема совпадения идей у разных авторов существовала всегда, здесь можно привести хрестоматийный пример — конфликт между писателями Иваном Александровичем Гончаровым и Иваном Сергеевичем Тургеневым, когда Гончаров в некоторых образах произведений Тургенева увидел черты, сходные с образами своего романа «Обрыв», концепцию которого изложил в свое время Тургеневу. Однако третейский суд вынес решение, в котором отрицал плагиат со стороны Тургенева, отметив, что произведения Тургенева и Гончарова как возникшие на одной и той же русской почве должны тем самым иметь несколько схожих положений, случайно совпадать в некоторых мыслях и выражениях. Таким образом, суд сделал очень важный вывод о том, что влияние духовной культуры и уже созданных произведений может привести к совпадениям, подражаниям, восприятию и развитию высказанных ранее мыслей и образов.

Наконец, споры о наличии плагиата могут возникнуть и при создании так называемого производного произведения — нового творческого самостоятельного произведения на основе ранее созданного, при создании которого известно, что оно будет содержать элементы уже имеющегося произведения. К таким произведениям п. 1 ст. 1260 ГК РФ относит переводы, а также обработки, экранизации, аранжировки, инсценировки и другие подобные произведения.

Некоторые юристы предлагают декриминализировать плагиат как таковой, объясняя свою позицию тем, что это деяние не достигает уровня опасности, характерного для преступления, и что для защиты нарушенного права авторства достаточно гражданско-правовых способов [5]. Трудно согласиться с данной точкой зрения, учитывая при этом масштабность данной проблемы и стабильную позицию мирового сообщества, направленную на жесткую борьбу с плагиатом.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // «Собрание законодательства РФ», 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака»
4. Жарова А. К., Демьянец М. В., Елин В. М. Предпринимательская деятельность в сети Интернет: монография / А. К. Жарова, М. В. Демьянец, В. М. Елин. — М.: ЮРКОМПАНИ, 2014.
5. Лепина Т. Г. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности: Диссертация кандидата юридических наук / Т. Г. Лепина. — М., 2014. С. 12.

Определение круга юридических лиц, которые не могут быть признаны банкротами

Кочарян Виктория Юриковна, студент магистратуры
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Статья 65 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает перечень юридических лиц, которые могут и не могут быть признаны банкротами. Так согласно п. 1 ст. 65 ГК РФ юридическое лицо, за исключением казенного предприятия, учреждения, политической партии и религиозной организации, по решению суда может быть признано несостоятельным (банкротом). Государственная корпорация или государственная компания может быть признана несостоятельной (банкротом), если это допускается федеральным законом, предусматривающим ее создание. Фонд не может быть признан несостоятельным (банкротом), если это установлено законом, предусматривающим создание и деятельность такого фонда. Публично-правовая компания не может быть признана банкротом. [1]

Как мы видим из п. 1 ст. 65 ГК РФ, существует достаточно большой перечень юридических лиц, которые не могут быть признаны банкротами. Наличие указанных обстоятельств подвергается большой критике в юридической литературе. Попробуем разобраться, из каких соображений законодатель сделал столько исключений из общего правила на примере казенных предприятий и учреждений, а также религиозных организаций политических партий.

Не вызывает вопросов невозможность признания банкротами казенных предприятий и учреждений, так как согласно п. 3 ст. 7 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», п. 3 ст. 123.21 ГК РФ в случае недостаточности имущества, денежных средств по их долгам субсидиарную ответственность несут их учредители. [2]

Относительно политических партий и религиозных организаций профессором Попондопуло В. Ф. со ссылкой на ст. 13–14 Конституции Российской Федерации была высказана позиция о том, имеющийся в законодательстве запрет на банкротство данных видов юридических лиц объясняется особой ролью указанных организаций в развивающемся

российском обществе, обеспечением им гарантий идеологического и религиозного многообразия. [3, с. 44–52]

Однако имеется и противоположная точка зрения. Так Третьяков И. А. в своем научном труде обращает внимание на то, что изъятие из перечня политических партий и религиозных организаций выглядит необоснованным, особенно с учетом того, что указанные организации могут заниматься приносящими доход видами деятельности. По мнению автора, также представляется, что свобода вероисповедания, политические права и свободы граждан вряд ли могут быть нарушены вследствие неисполнения политической партией или религиозной организацией своих хозяйственных обязательств. [4, с. 293–297]

Позиция И. А. Третьякова в отношении политических партий и религиозных организаций представляется актуальной и достаточно обоснованной в силу следующих обстоятельств.

Согласно ст. 29 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» денежные средства политической партии формируются, в частности, за счет средств федерального бюджета; поступлений от мероприятий, проводимых политической партией, ее региональными отделениями и иными структурными подразделениями, а также доходов от предпринимательской деятельности; поступлений от гражданско-правовых сделок. [5]

Таким образом, мы видим, что политические партии имеют множество каналов для законного извлечения прибыли, в том числе, политическая партия может быть участником сделок, приносящих доход, более того, она может иметь доходы от предпринимательской деятельности, в связи с чем не понятна позиция законодателя относительно запрета на банкротство данного юридического лица.

Представляется возможным выдвинуть позицию, в соответствии с которой запрет на банкротство политических партий, прежде всего, обусловлен защитой государством бюджетных денежных средств.

Так информационное агентство «РБК» 15.06.2018 выложило на своем электронном ресурсе информацию о том, что 04.06.2018 Центральная избирательная комиссия Российской Федерации опубликовала сводные финансовые отчеты партий за 2017 год. Проведенный РБК анализ партийных отчетов начиная с 2005 года (более старые отчеты на сайте ЦИК РФ недоступны) показал, что парламентские партии в 2017 году впервые оказались зависимы от бюджета не менее чем на 75%. [6]

Согласно сведениям ЦИК РФ, на 2017 год в политической партии «Единая Россия» бюджетные деньги составляют 80% дохода, в политической партии КПРФ — также 80%, в политической партии ЛДПР — 97%, в политической партии «Справедливая Россия» — 75%. [7]

Из вышеизложенного следует, что если бы банкротство политических партий было разрешено, то фактически бюджетные средства поступали бы в частную собственность граждан и (или) юридических лиц, что, безусловно,

не выгодно с точки зрения защиты государственных интересов.

Из вышеизложенного следует, что законодатель устанавливает разные стандарты в отношении частных юридических лиц и юридических лиц, которые владеют на праве собственности имуществом, которое было передано им Российской Федерацией. Указанный подход законодателя справедливо критикуется в юридическом сообществе и обозначается как политика «двойных стандартов».

Представляется необходимым совершенствование законодательства о несостоятельности (банкротстве) в области уточнения круга юридических лиц, которые могут быть признаны несостоятельными (банкротами) ввиду того, что действующее законодательство сформулировано таким образом, что нарушается важнейший принцип гражданского законодательства — принцип равенства участников экономических отношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, Ст. 3301; 2017. № 31 (Часть I), Ст. 4766.
2. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях: федер. закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 48. Ст. 4746; 2018. № 32 (Часть II). Ст. 5115 (ред. от 28.11.2018).
3. Попондопуло В. Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 1. С. 44–52.
4. Третьяков, И. А. Правовое положение должника в деле о банкротстве юридических лиц // Молодежь и XXI век — 2018: материалы VIII Международной молодежной научной конференции. Юго-Западный государственный университет. 2018. С. 293–297.
5. О политических партиях: федер. закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 29, Ст. 2950; 2018. № 28. Ст. 4142 (ред. от 03.07.2018).
6. Линделл, Д. Оппозиция его величества: за чей счет живут парламентские партии. [Электронный ресурс] Официальный сайт информационного агентства «РБК» в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/06/2018/5b210d9b9a794781c899600b> (дата обращения 16.06.2018).
7. Сводные финансовые отчеты политических партий за 2017 год. [Электронный ресурс] Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_17.php (дата обращения 16.06.2018).

Организационно-правовой аспект формирования проблем федерализма в нормотворчестве

Кошолкин Андрей Олегович, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

В статье рассматривается, процедура государственного нормотворчества при двойственности политико-правовых процессов, протекающих в федеральном центре и его регионах. Предложено понятие «федерализма» как идеи политико-правовой организации государственной модели нормотворчества. Обозначены организационно-правовые особенности реализации нормотворческой деятельности региональной власти.

Ключевые слова: федерализм, двойственный политико-правовой режим нормотворчества, государство, закон, нормативные правовые акты, государственная деятельность.

Organizational and legal aspect of formation of the problems of federalism in the normal creation

The article discusses the procedure of state rule-making with the duality of political and legal processes taking place in the federal center and its regions. The concept of «federalism» is proposed as the idea of a political and legal organization of the state model of rulemaking. The organizational and legal features of the implementation of the rule-making activities of regional authorities are indicated.

Keywords: federalism, dual political-legal regime of rule-making, state, law, normative legal acts, state activity.

Проведенный автором анализ развития различных государственных образований (по их модели и форме), известных современной истории, позволяет заключить, что оформление нормотворческой системы — явление многоэтапное и динамическое, более того, есть целый ряд факторов как внешнего, так и внутреннего характера, оказывающих значительное влияние на него. В контексте данной научной статьи научный интерес представляет более детальное рассмотрение такого способа территориальной организации государства, как федерация. В рассматриваемой форме возможно проследить самобытность законотворческого процесса.

Он подразделяется на различные уровни, а именно региональный (субъектов) и федеральный (центра). Отдельного внимания заслуживает соблюдение условий равновесия политико-правовых процессов, протекающих на различных территориальных образованиях федерации, а именно в столице и на уровне региона. Принимаемые нормативные правовые акты при двухуровневой политической модели необходимо согласовывать, в противном случае будет открытое противоречие юридической технике.

Федерализм, как изучаемый наукой политология процесс, занимает одно из центральных направлений научной дискуссии. Подобная ситуация связана с многоплановостью понятия и широким перечнем проблематики, затрагиваемым в рамках его научного исследования. В качестве примера, достаточно отметить дифференциацию национальных моделей федерализма в контексте задач, отмеченных перед различными уровнями государственной власти в России, по дальнейшему развитию и строительству государственности.

Распад СССР, как политическое явление, внес значительный вклад в процессы формирования текущего федеративного устройства России, поскольку ряд государственных образований изначально входили в состав федерации, а некоторые принимали политический путь федеративного развития уже в условиях изменившегося мира, сопровождаемого процессами глобализации и информационного развития. Происходящие в обществе политико-правовые процессы, формирование федерального центра и регионов, проблемы нормативного урегулирования остросоциальных вопросов, незамедлительно привлекла внимание различных ученых гуманитарного профиля, поскольку актуальность исследования проблем

федерализма не представляется исчерпанной и в настоящее время.

В.Н. Данилов отмечает, что практическая реализация федерализма как идеи политико-правовой организации государственной модели нормотворчества позволит в перспективе добиться баланса между многообразием и единством в государственном устройстве, решить проблемы национального характера, путем придания самобытности различным регионам [1]. Однако, по нашему мнению, данный посыл несет и ряд негативных последствий. В случае нарушения баланса интересов различных регионов, путем придания приоритетного значения одному или нескольким социальным образованиям на основании отсутствия экономической составляющей позволяющей самостоятельное развитие (т.е. повышенная дотационная активность федерального центра в отношении данного субъекта). Дополнительные «нормативные послабления» в виде понижения ставок налогового бремени, снижения количества государственных обвязываний в той или иной сфере общественной жизни может вызвать, так называемый в науке психология, «вихревой эффект» (или эффект обратного действия).

Более того, решение национального вопроса путем федерализма как способа, либо средства в истории зарубежных государств показывает утопичность подобного подхода. Конфликтные аспекты приобретают больший вес в рамках федерации и соответственно приводят к народным волнениям и противостоянию двух и более этносов в рамках федерации. Говоря о нормотворчестве, в данном контексте, необходимо обозначить, что данный процесс как вид государственной деятельности представляется сложным и многогранным. Нормотворец «подобно ювелиру» обязан учитывать все территориальные и этнические особенности при проведении правовой конструкции, более того он обязан соотносить ее с двухуровневой политико-правовой моделью. Таким образом, если правовая инициативы «спускается сверху» от федерального центра и будет действовать во всех регионах, она должна быть универсальна, сочетать в себе особенности каждого субъекта. Безусловно, в данном контексте, не идет речь о таких исторически сформированных ограничениях нормативного правового характера, как защита жизни и здоровья населения от внутренних и внешних угроз общепризнанного характера. К примеру, запрет на причинение биологической смерти, самосуд и т.д.

В случае нормативной инициативы «снизу» т.е. региональной, ситуация несколько сложнее. Субъекту необходимо согласовать правовую норму с федеральным уровнем, при этом избежать расширенного толкования и фактического дублирования. Зачастую региональное законодательство решает какие-либо узкоспециализированные задачи характерные именно для данного субъекта. Руководство региона может сделать область более привлекательной, к примеру, понижая налоговое бремя на владение автотранспортом или дополнительно стимулируя, малый и средний бизнес. При этом, должно соблюдаться условие экономической состоятельности региона, относительно его соседей и федерального центра. Зачастую, такая ситуация возможна в региональных образованиях с сильными промышленными центрами или свободными экономическими зонами.

Отдельного внимания, заслуживают такие ограничительные законодательные инициативы региона, как например, запрет продажи алкогольной продукции в вечерние часы. На территории города Липецк действует постановление Администрации Липецкой области от 2 мая 2012 года «О регулировании оборота алкогольной продукции на территории Липецкой области» [2].

Оно ограничивает розничную продажу алкогольной продукции с 21 часа 00 минут до 09 часов 00 минут по местному времени за исключением розничной продажи алкогольной продукции, осуществляемой организациями, и розничной продажи пива и пивных напитков, осуществляемой индивидуальными предпринимателями, при оказании такими организациями и индивидуальными предпринимателями услуг общественного питания. Данное постановление неоднократно оспаривалось в судах различных инстанций предпринимателями Липецкой области, поскольку соседний город Воронеж подобных огра-

нительных документов не формировал и соответственно в Воронежской области, возможно, реализовывать алкогольную продукцию после 21 часа 00 минут, но до 23 часов 00 минут. Крайний предел продажи алкогольной продукции в 23 часа 00 минут до 08 часов 00 минут уже устанавливается за счет нормативного правового акта относящегося к ведению федерального законодательства (ФЗ № 171 от 22.11.1995 «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [3]).

Подобных примеров по регионам достаточно, более того введение нормативных запретов властью субъекта, усугубляющих федеральное предписание может повлечь и ряд противоправных действий со стороны потенциальных правонарушителей, так может развиваться несертифицированное изготовление спиртосодержащей продукции («бутлегерство») или противоправная реализация сертифицированного алкоголя, но без соответствующей документации, в рамках которой впоследствии определяется налоговое бремя продавца.

Следовательно, в качестве заключения отметим, что разноплановость субъектов федерации, отдельные особенности этнического наполнения региона, соответствие нормативной правовой базы регионального уровня федеральной, особенности экономической и социальной ситуации

в конкретном регионе и соседствующих с ним необходимо обязательно учитывать при федеральной модели нормотворчества. Это поможет своевременно прогнозировать дальнейшее развитие государственности, правильно расставить нормотворческие приоритеты, соблюсти этнические интересы, учесть исторический аспект развития Российской Федерации.

Литература:

1. Данилов В.Н. Законотворчество субъектов Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. Наук по специальности 12.00.02., — М. — 2007. — С. 14
2. О регулировании оборота алкогольной продукции на территории Липецкой области: постановление Администрации Липецкой области от 2 мая 2012 года № 118-ОЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: Федеральный закон № 171 от 22 ноября 1995 года // СПС «КонсультантПлюс».

Принципы законотворческого процесса в Российской Федерации

Кошолкин Андрей Олегович, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

В нашей работе мы проведем исследование понятий принципов права, детально рассмотрим значение принципов законотворческого процесса в Российской Федерации. Предложим свою систему принципов зако-

нотворческого процесса, которая, по нашему мнению, улучшит качество принимаемых в РФ законов.

Для более детального раскрытия темы статьи обратимся к общему понятию принципов конституционного

права. Это некие идеи, которые имеют важное значение для раскрытия конституционно-правового знания. Такие идеи как правило, отражают уровень познания специфических закономерностей права, служат для создания эффективной системы норм права.

Важной особенностью принципов является то, что они отражают правовую действительность, участвуют при практическом применении права. Таким принципы воспринимаются как своего рода эталон конституционно-правового решения. Причем, они играют достаточно существенную роль в науке конституционного права, поскольку выступают в качестве начала любой представленной теории [1 с, 137].

В случае, когда принципы соблюдаются законодателю, удается не допускать законотворческих ошибок. Такой подход достаточно эффективно снижает вероятность создания неэффективных правовых норм и увеличивает общий уровень юридической грамотности населения.

Исходя из изложенного, мы формируем значение принципов законотворческого процесса. Они формируют вектор развития правового регулирования, придают ему научный характер, снижают вероятность создания неэффективных правовых норм, помогают устранить противоречия в правовом регулировании, увеличивают уровень грамотности граждан РФ.

Необходимо исходить из того, что сам термин правотворчество включает в себя определение законотворчества, а оно в свою очередь является синонимом по отношению к определению законотворческий процесс.

Отсюда делаем вывод, что законотворческий процесс является видом правотворчества и к нему применяются такие принципы, как, например, принцип системности, законности, научности, гласности, демократизма и др.

Раскроем, что законодатель отразил, описывая указанные принципы. Так, принцип системности означает достаточно строгий учет системы права, принцип научности — использование методов и приемов научного анализа. Законности — учет компетенции прав всех субъектов и иерархии норм права, принцип демократизма означает изучение социальных интересов и возможности их выражения в правотворческой сфере [3 с, 26].

Среди вышеуказанных выделяют также принцип конституционного партнерства, который означает, что органы в процессе правотворческой деятельности должны выработать оптимальную и эффективную модель взаимодействия между собой [2 с, 19].

Уделим особое внимание и иным принципам, например, гражданского сотрудничества. Данный принцип определяется необходимостью координирования сотрудничества общества и государственного аппарата на таких постулатах как доверие и открытости.

Принцип экономии правового регулирования. Он заключается в том, что дополнительное правовое вмешательство в общественные отношения должны иметь место только в случае, когда они содержат для всех некий правовой эффект, либо, когда без него нельзя обойтись. Такой принцип призван устранить практику внесения изменений в законодательные акты, не вступившие в законную силу.

Помимо названных, отмечаем принцип планирования законодательной деятельности. Под ним понимается, осуществление мероприятий по установлению порядка, сроков рассмотрения законопроектов и их одобрения. Именно планирование позволяет избежать поспешности в законотворческой работе и создать условия для повышения качества законопроектов.

Отметим и принцип профессионализма, который указывает нам, что каждый из участников разработки законопроекта владел необходимыми приемами и выполнял работу на качественном уровне.

Дополним принципом усиления законами субъектов РФ полноты и защищенности прав граждан, который означает, что региональными законами должны предоставляться большие гарантии, в большем объеме, иначе произойдет тиражирование уже существующих на федеральном уровне правовых гарантий [4 с, 51].

Принцип обеспечения законами субъектов РФ единого правового пространства, который требует законодательного закрепления четких процедур обеспечения единства правового пространства Российской Федерации с установлением сроков приведения нормативных правовых актов в соответствие или принятия требуемых актов с целью исключения неурегулированных общественных отношений.

Дополним сведения о принципах, которые относятся к законотворчеству субъектов РФ это принцип обеспечения законами субъектов РФ единого правового пространства и принцип усиления законами субъектов РФ полноты и защищенности прав граждан.

Таким образом мы видим, что представлено существенно большое количество принципов законотворческого процесса в РФ. При этом, на сегодняшний день не все указанные принципы законодательно закреплены, при том, что их значимость и уровень проработки является необходимым для придания юридической силы и закрепления в действующих НПА.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в Российской Федерации принципы законотворческого процесса имеют важное значение. Именно они создают правовую базу для нормативно установленного порядка принятия законов, чем в свою очередь улучшают качество законов, которые принимаются на территории РФ.

Литература:

1. Абрамова А.И. Актуальные проблемы планирования законодательной деятельности // Журнал российского права. 2012. №3.

2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ) // [Электронный ресурс] // консультант плюс // <http://www.consultant.ru/>
3. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2010. Т. 2. // [Электронный ресурс] // консультант плюс // <http://www.consultant.ru/>
4. Хамуков А. В. Разработка концепции законопроекта как ключевая стадия законотворческого процесса // Конституционное и муниципальное право. 2011. N9.

Законотворческий процесс и влияние на него судебной практики

Кошолкин Андрей Олегович, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

В работы мы рассмотрим место и роль судебной практики в законотворческой деятельности. Проведем анализ проблемы выявления противоречий и пробелов в действующих законодательных нормах. Рассмотрим судебный прецедент как источник права, а также предложим механизм учета судебной практики при рассмотрении законопроектов в РФ.

С учетом современных тенденций и глобализации правовых систем достаточно сильным стало влияние судебной практики на формирование правовой системы. Причем, решения суда становятся отдельными условиями и базой для формирования, например, правовой доктрины. Законодатель регулярно публикует актуальную судебную практику в постановлениях Пленума ВС РФ и ее значение увеличивается как для законодателя, так и для правоприменителя. Более того, для совершенствования правовых норм, решающее значение имеет именно применение их судами РФ [6 с, 11].

При выработке норм права и в процессе правоприменения используются своего рода принципы, которые соединяют право и справедливость. Такими принципами в РФ пользуются суды. Именно поэтому судебная практика РФ является таким источником права, который заслуживает на наш взгляд большего доверия и отражает действительность и реальность применения права. Отсюда делаем вывод, что как источник права, судебная практика должна быть сформирована как правовая норма через институт законодательной инициативы. Такой подход позволил бы исправить многие недостатки в действующем законодательстве, но на сегодняшний день судебные прецеденты не выступают в качестве нормы права [5 с, 47]. Суды в России руководствуются принципом индивидуальной справедливости, моральным убеждениям и, конечно, действующими нормами права. Правовое регулирование проявляется при взаимодействии между общественными отношениями и действующими правовыми нормами. Причем, как и всякого процесса правового регулиро-

вания характерным свойством выступает именно взаимодействие между объектами, а также наличие взаимосвязи как механизма соответствия поставленных целей полученному результату.

Сама ценность практики заключается именно в том, что суды руководствуются нормами надпозитивными. Такие нормы не обязательно сформулированы в законодательных актах. В качестве примера приведем ссылку на статью 11 ГПК РФ которая говорит о том, что в случае отсутствия норм права, которая регулирует спорное правоотношение, суд применяет нормы права, которые регулируют сходные отношения, а при отсутствии таких норм спор должен быть разрешен исходя из смысла законодательства и общих начал. Здесь именно смысл законодательства является надпозитивной нормой, которая нигде в законе не сформулирована [2 с, 88].

Судебная практика в связи с использованием широкого понимания и своей мобильности является достаточно качественным и высоким источником для непосредственно формирования норм права. Более того, практика должна являться основанием для инициирования законодательной инициативы. Для возможности такой реализации необходимо выработать отдельный механизм с ссылкой на статью 104 Конституции РФ согласно которой, судам принадлежит право законодательной инициативы. Таким образом, очевидно, что необходимо при внесении законопроекта представлять материалы, содержащие судебную практику (ее системный анализ) в рамках предмета регулирования рассматриваемого законопроекта [3 с, 29].

Судебная практика оказывает достаточно различное влияние на процесс законотворчества. Конечно, точно сформулировать роль данной практики в увеличении самого качества законотворчества сложно поскольку отсутствует субъект процесса взаимодействия и недостаточность обработки судебной практики для целей законотворчества. Практическая деятельность по обобщению судебной прак-

тики применения НПА носит в большей своей степени аналитический характер и направлена на совершенствование правоприменительной практики, а также выявления пробелов в законодательстве.

Конечно, нужно отметить, что влияние судебной практики на законотворчество на сегодняшний день пока не существенно. Заявлено и отсутствие единообразного подхода к проблемам совершенствования правового регулирования и стратегии развития законодательства. Для разрешения таких проблем в качестве общей и системной меры необходимо принятие Федерального закона, который позволит преодолевать юридические коллизии между нормативно правовыми актами и другими законами. Он создать прочную нормативную базу для процессов правоприменения и правотворчества. В частности, будет выступать постулатом предотвращения нарушений законности в деятельности бизнеса, государственных органов, а также будет укреплять гарантии реализации законных интересов и прав граждан РФ [4 с, 67].

На сегодняшний день мы видим факт значительного количества нормативно правовых актов принимаются на основе рекомендаций Конституционного суда Российской Федерации, при этом детально и буквально изложенное мнение в решениях данного суда не охватывает всех случаев [1 с, 45]. Таким образом, установлено, что системной проблемой законодательной инициативы как института выступает именно векторная направленность и коллизийность подходов к построению всей системы нормативных актов и, конечно, отдельных законов. Нормы конкретного законодательства должны быть интерпретированы и рассмотрены как нормы, которые отражают смешение частного и публичного интереса, судебной практики, политические нормы, международные и другие. Кроме того, необходимо разработать механизм реализации права законодательной инициативы конкретно судами с учетом сформированных прецедентов, которые в свою очередь закреплены в решениях суда.

Литература:

1. Ашхотов З. А. Конституционный Суд Российской Федерации как субъект права законодательной инициативы // Журнал российского права. 2015. N8.
2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.12.2018) // [Электронный ресурс] // консультант плюс // <http://www.consultant.ru/>.
3. «Конституция Российской Федерации» (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ) // [Электронный ресурс] // консультант плюс // <http://www.consultant.ru/>.
4. Омаров С. М. Право законодательной инициативы Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2017. N12.
5. Скворцов-Савельев И. А. Суды Российской Федерации как субъекты права законодательной инициативы федерального уровня (вопросы теории и практики): Дис... канд. юрид. наук. СПб., 2016.
6. Тузов Н. А. Судебная законодательная инициатива: субъекты, основания, объект и проблемы // Российское правосудие. 2016. N8.

Противоправность как условие наступление деликтной ответственности

Красильникова Дарья Владимировна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Противоправность деяния — это противоречие установленной норме права, выход за ее пределы. Границы противоправности обычно устанавливаются государством с учетом особенностей исторической обстановки, национальных традиций, общественного мнения, распространенности антисоциальных деяний и других факторов.

Субъектами гражданского права являются физические и юридические лица, а также публичные образования. Соответственно и субъектами правомерного и неправомер-

ного поведения могут быть как физические лица, юридические лица, так и публичные образования. Но понятие правомерности и противоправности одинаково для всех субъектов. Это соответствует конституционно закрепленному принципу равенства всех перед законом [1]. Любой из этих субъектов может выступать как истец, так и как ответчик в гражданском судопроизводстве.

Противоправное поведение может проявляться в двух формах: действия или бездействия. Действие — это активное поведение человека. Бездействие

же выражается в неисполнении возложенной на лицо обязанности.

Рассматривая вопрос об условиях ответственности, становится ясно, что противоправность является неотъемлемым признаком любого правонарушения, следственно и условием юридической ответственности. Законодатель прямо указывает на противоправность как необходимое условие наступления ответственности. Например, в определении преступления о противоправности говорит словосочетание «запрещенное настоящим Кодексом» [2]. В определении административного правонарушения также содержится указание на противоправность: административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность [3].

В законодательстве нет легального определения гражданско-правовой ответственности и гражданского правонарушения. Определение гражданского правонарушения дается в доктрине, например, в Современном экономическом словаре дается такое определение деликта: незаконное действие, правонарушение, вызвавшее нанесение ущерба и влекущее за собой обязанность его возмещения [4].

В приведенных примерах противоправность связана с нарушением норм уголовного права, закрепленных в Уголовном кодексе Российской Федерации, как единственного источника уголовного права, и норм административного права, закрепленных в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. Уголовное право и административное право — отрасли публичного права.

Гражданское право, в свою очередь, отрасль частного права. Гражданское право имеет широкий ряд источников, но в целом их можно разделить на две группы: законодательные источники и договоры. Так как гражданское право предусматривает диспозитивные нормы, что дает возможность сторонам создать «правила поведения», которые являются обязательными только для сторон договора. Поэ-

тому понятие противоправность имеет свое собственное значение. А именно под противоправностью в гражданском праве понимается нарушение норм, закрепленных в Гражданском кодексе Российской Федерации и других законах, регулирующих гражданские правоотношения, а также нарушение норм, установленных договором.

Перейдем к рассмотрению противоправности как условию наступления деликтной ответственности. В ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации закреплен принцип генерального деликта, а именно презюмируется вина причинителя вреда и противоправность его деяния. И в связи с этим возникает вопрос: является ли противоправность условием наступления деликтной ответственности?

В литературе высказываются различные точки зрения. Например, существует мнение, что противоправность лишена самостоятельного статуса как условие, так как она презюмируется [5]. Также высказана и противоположная точка зрения, Смирнов В. Т., Собчак А.А., Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. указывали на то, что так как причинителю вреда необходимо доказать правомерность своих действий, существование права на причинение вреда, то и противоправность является необходимым условием наступления деликтной ответственности [6].

В доктрине также поднимался вопрос о том, что достаточно ли только нарушения объективного права для наступления деликтной ответственности.

Как уже было сказано выше, гражданское право является частной отраслью права, и в отличие от публичных отраслей, уголовного и административного права, ответственность наступает при нарушении одновременно объективного и субъективного права, либо же только субъективного. Данной точки зрения придерживался Шевченко А. С. [7].

Подводя итог, можно выделить то, что российский законодатель признает противоправность одним из условий наступления деликтной ответственности. Противоправность презюмируется, потерпевший не обязан доказывать противоправность деяния правонарушителя, так как само причинение вреда признается противоправным. Причинитель вреда, наоборот, для не наступления деликтной ответственности может доказать правомерность причинения вреда потерпевшему.

Литература:

1. Ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12.12.1993
2. Ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ
3. Ч. 1 ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ
4. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. «Современный экономический словарь. — 6-е изд., перераб. и доп. М». (ИНФРА-М, 2011)
5. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2009. С. 891.
6. Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учебное пособие. М: Статут, 2013.
7. Шевченко А. С. Проблемы возмещения вреда, причиненного правомерными действиями // Деликтные обязательства по российскому гражданскому праву: Сб. науч. тр. С. 126.

Направления и возможности формирования конституционно-правового статуса прокуратуры РФ с учетом новелл судебной реформы

Кузнецов Иван Сергеевич, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

В нашей работе мы проведем анализ конституционного регулирования статуса прокуратуры РФ, детально рассмотрим изменения действующих норм, которые были внесены Президентом РФ в Конституцию РФ, в части изменения норм именно о прокуратуре.

Разграничим имеющиеся противоречия в конституционно-правовом статусе прокуратуры РФ. Рассмотрим возможные пути их решения. Дополнительно укажем задачи и цели современной прокуратуры РФ, отметим ее основные принципы, функции, закрепим знания в области гарантии независимости прокурорских работников и их неприкосновенности [1 с, 37].

Конституция РФ содержит главу 7, которая называется «Судебная власть и прокуратура», данную главу раскрывают более подробно статьи 118–129 КРФ.

До внесения изменений, данная глава именовалась как «Судебная власть». Такое наименование достаточно активно вызывало дискуссии, направленные на порядок регулирования конституционно-правового статуса прокуратуры РФ в системе разделения компетенции между органами государственной власти.

Логично, что такая норма права регулирует первоочередно базовые вопросы осуществления правосудия, а также организации судебной системы.

Раскрываемая нами статья 129 посвящена прокуратуре РФ, в части 5 которой предусматривалось, что организация, полномочия, и порядок деятельности прокуратуры РФ определяются федеральным законом соответственно.

Необходимо отметить, что судебная власть в РФ осуществляется посредством судопроизводства, представлена в свою очередь судебной системой. Постулаты судебной власти составляют совокупность судебных органов и судебная деятельность по осуществлению правосудия, что находит свое отражение в силу ч. 1 ст. 118 Конституции РФ осуществление правосудия — исключительная компетенция судов [2 с, 26].

Следовательно, относить прокуратуру к ветви судебной власти как минимум неверно, поскольку она не осуществляет правосудие как таковое.

Вместе с этим, достаточно важное значение имеет предложение о переименовании главы 7 в «Судебная власть и прокуратура». Такой подход более детально разграничил пределы раскрытия прав в главе.

Более того, данный подход устраняет проблему отнесения прокуратуры к ветви судебной власти.

В ряде случаев довод о нахождении норм о прокуратуре РФ в главе, посвященной судебной власти, толко-

вался в качестве основания для отнесения прокуратуры РФ к данной ветви. Однако, не стоит забывать, что прокуратура не судебный орган. Она не осуществляет деятельность по осуществлению правосудия.

На сегодняшний день в полной мере остается неурегулированным вопрос о месте прокуратуры РФ в системе разделения властей, которая императивно закреплена в статье 10 Конституции РФ.

Конституционные основополагающие принципы организации и осуществления работы органов и учреждений прокуратуры РФ, прокурорских работников, придают особое значение и устойчивость прокурорской системе именно как государственному правовому институту. Обращаем внимание на изменение порядка назначения на должность и освобождения от должности заместителей Генерального прокурора РФ и прокуроров субъектов Российской Федерации, приравненных к ним по статусу прокуроров.

В ранний период вопрос о назначении на должность и освобождении от должности заместителей Генерального прокурора РФ урегулирован не был, что является некой новацией, помогающей в целом регулировать порядок назначения.

В этой связи внимание к такой проблеме на конституционном уровне, однозначно, повышает статус последних.

Сегодня на Президента РФ возложено назначение на должность и освобождения от должности прокуроров субъектов Российской Федерации и приравненных к ним по статусу прокуроров.

До внесения изменений назначение входило в круг полномочий Генерального прокурора РФ.

Такие изменения, однозначно повышают статус указанных прокуроров, однако вместе с тем, усложняют процедуру назначения и вероятнее всего увеличивают трудозатраты и временные затраты, что указывает на большое количество времени для ее выполнения. Дополнительно на наш взгляд необходимо исключить норму о согласовании кандидатур прокуроров субъектов Российской Федерации с соответствующими субъектами федерации, поскольку такие действия противоречат принципам централизации и независимости прокурорской системы в целом.

Изменения были внесены в статьи 104 и 125, на которых мы остановимся подробнее, поскольку они интересны с позиции статуса прокуратуры РФ.

В ч. 1 ст. 104 Конституции РФ перечислены все субъекты, которые обладают правом законодательной инициативы. Вместе с тем, в ранее действовавшей и сегодня действующей редакциях Конституции РФ, а так же в проекте

Президента РФ прокуратура РФ в целом и Генеральный прокурор в частности как конкретные субъекты, которые обладают правом законодательной инициативы, не упоминаются.

Такой подход трактуется несмотря на то, что прокуратура РФ является главным надзорным органом в Российской Федерации.

Цели функционирования Прокуратуры РФ — обеспечение верховенства закона, укрепления и единства законности, защита свобод и прав человека и гражданина. [4 с,79].

Дополнительно, прокуратуру РФ отличает универсальность ее функций.

Основной из них является надзорная функция, с точки зрения надзора за соблюдением требований Конституции РФ и исполнением законов. На таком правовом поле прокурорской деятельности достаточно часто появляется множество пробелов и коллизий в законодательстве, несовершенство отдельных законодательных норм, потребность в принятии новых нормативных правовых актов, и конечно большое внимание уделяется проверке региональных законодательных

актов на предмет их соответствия федеральным законам и Конституции РФ.

Само обстоятельство, что в конституциях и уставах большинства субъектов РФ для региональных прокуроров предусмотрено право законодательной инициативы, и в законодательных (представительных) органах власти к их законопроектам относятся с большим вниманием и более детально рассматривают последние [5 с, 21].

Необходимо обратить внимание, что на сегодняшний день усматриваются перспективы детального разграничения правового статуса прокуратуры РФ в Конституции РФ. Рассмотрение возможности отнесения норм о прокуратуре в отдельную главу, в которой будет необходимо законодательно разрешить и закрепить вопрос о месте прокуратуры в системе органов государственной власти. Указать задачи и цели современной российской прокуратуры, ее основные функции и принципы, закрепить гарантии неприкосновенности и независимости прокурорских работников, а также иные основы и особенности их правового статуса, сделать отсылку, что полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры РФ определяются ФКЗ.

Литература:

1. Байкин И. М. Независимость прокуратуры — залог эффективности ее деятельности // Российский юридический журнал. 2017. №3.
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 05.02.2014 N2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Рос. газ. 2014. 7 фев. // [Электронный ресурс] // консультант плюс // <http://www.consultant.ru/>
3. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ) // [Электронный ресурс] // консультант плюс // <http://www.consultant.ru/>
4. Нерсесянца В. С. Проблемы общей теории права и государства: Учебник / Под общ. ред. Норма; Инфра-М, 2014.
5. Осипян С. А. Российский федерализм и конституционно-правовой статус прокуратуры: концептуальные проблемы: Автореф. дис. докт. юрид. наук. НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генпрокуратуре РФ. М., 2016.

Современное понимание права

Малютин Иван Алексеевич, студент;

Научный руководитель: Русских Валерий Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

Юридическая наука, несмотря на своё огромное наследие, не пришла к единому мнению о том, что же такое право.

В связи с этим хотелось бы проследить эволюцию понимания права в нашей стране.

Нормы и принципы естественного права в нашей стране исторически обладали религиозно-этическим обоснованием. Нормативно-ценностным ограничением стремлений естественного права выступала высшая справедливость, которая понималась в качестве универ-

сального идеала, соответствующего основным устоям миропорядка. Но подобное понимание противоречило отечественным устоям, потому в нашей стране наблюдалось отрицательное отношение к позитивному праву [1].

В советский период получил утверждение тезис, в соответствии с которым без государства и его подавляющего аппарата права нет. В качестве идеологической основы советского тоталитаризма выступила социалистическая концепция права, в соответствии с которой право считалось продуктом государственной деятельности. На основании данного подхода право понималось в качестве системы предусмотренных и санкционированных государством формально-определенных, общеобязательных норм и правил, в которых выражена воля экономически господствующего класса и слоев, и которые являются классовым регулятором общественных отношений. Подобное понимание права господствовало до 80-х гг.

Право, в соответствии с данной интерпретацией, исходило напрямую от государства, хотя при этом не отрицалась и обусловленность права существующими общественными отношениями, объективными закономерностями исторического развития. В условиях тоталитарного государства законы часто не соответствовали реальным общественным нуждам и наоборот, были составлены так, чтобы в наибольшей степени приспособиться к нуждам и интересам узкой группы людей, которые находились у власти. Советский тоталитаризм мог навязать обществу единые идеалы и создать действенные правовые акты, которые способствовали развитию разных областей общественной жизни. Однако моноидеологичность и пренебрежение объективными социальными процессами опустили политическую систему СССР в кризис. Представляется, что большинство проблем советского права порождены недооценкой духовной составляющей.

С середины 50-х гг. изредка появляются публикации, в которых поднимается вопрос о необходимости расширения толкования права, о включении в его содержание вместе с нормами права также правоотношений, субъективных прав. Но при этом не подвергалась сомнению мысль о том, что право и закон совпадает, и это влекло необходимость вводить новые понятия, подчинять их основным установкам советской юриспруденции. Еще до того, как была объявлена перестройка, в СССР появились дискуссии о том, что появилась настоятельная необходимость в новом правопонимании, и главным вопросом стал вопрос различения права и закона.

С перестройкой связывается новый этап в исследовании проблемы сущности права. В качестве своеобразного прорыва в данном вопросе выступило исследование Л. С. Явича «Сущность права». Так, автором было предложено такое определение сущности права, под которым он понимал сферу свободы, которая получила основание в исторически определенных формах собственности [2]. Определяя сущность права, на первое место автор вывел категорию свободы.

С началом рыночных преобразований советское право показывает свою неспособность отражать новые общественные потребности. Подобное положение продиктовано постепенным возвратом отечественной философско-правовой мысли к опыту естественно-правового учения и развитию представлений по поводу идеальной сущности права.

В России современного времени проблема осознания сущности права не утратила актуальности. Из некоторых исследований, изданных за последнее десятилетие, можно назвать два фундаментальных труда — М. И. Байтина и О. Э. Лейста по данной тематике.

М. И. Байтин понимает право в качестве нормативного воплощения идей гуманизма, демократии и справедливости. С подобных позиций, по мнению исследователя, можно более эффективно критиковать существующее законодательство, обосновывать меры, связанные с его совершенствованием. Исследователь говорит о том, что требуется, не обостряя различия между разными подходами к трактовке права, больше сосредоточивать усилия на поисках того, что может выступить локомотивом в деле сближения позиций и взаимопониманию для приближения и выработки единого понятия права. «Сущность и содержание права определяются не только экономическим строем общества, — писал он, — но и политикой, моралью, правосознанием, наукой, культурой, религией и всеми другими реалиями социальной жизни, достигнутым уровнем цивилизации» [3].

О. Э. Лейст считает, что право можно рассматривать в качестве исторического факта, чья сущность понимается на уровне абстракции, в котором соединяются понятия и категории социологии, этики, психологии, политологии и собственно истории, т.е. на уровне наук, в которых исследуется общество в целом.

Исследователь считает, что основная цель права представляет собой порядок и социальную стабильность. Отсюда следует его предложение определять право в соответствии с его сущностью в качестве нормативной формы упорядочения, стабилизации и воспроизводства общественных отношений, которая поддерживается и охраняется средствами юридического процесса и государственным принуждением.

Так, он пишет, что право всегда обращается в будущее и предписывает нечто в качестве должного, поэтому идеалы (будущее) всегда представляются в связи с правом как помощью либо помехой в их достижении [4].

Право, следовательно, понимаемое в качестве способа регламентации поведения, имеет своей целью воздействовать на волевое поведение участников общественных отношений при помощи соответствующих стимулов. Именно в связи с этим право должно выражаться не как описание настоящего, а как предписание, которое обращено в будущее.

Право, которое воспринимается в качестве идеального выражения общественных отношений, представля-

ется более функциональным и жизнеспособным в рамках соответствующей системы социокультурных отношений. Будучи признанным гармоничной частью духовного мира

человека, оно превращается в наиболее действенный механизм обеспечения развития правовых форм отношений в обществе [5].

Литература:

1. Скурко Е. В. Некоторые вопросы происхождения и генезиса права как элемента культуры // Правовые культуры. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25 марта 2011 г. С. 73
2. Явич Л. С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л., 1985. С. 87, 193
3. Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 60
4. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2008. С. 13
5. Ивашевский С. Л. Идеальная сущность права: постановка проблемы // Журнал российского права, 2007. С. 70

Вопросы практического применения судами норм статьи 222 Гражданского кодекса РФ

Михайлов Михаил Владимирович, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В данной статье рассматриваются вопросы об исковых заявлениях, связанных с применением статьи 222 ГК РФ. Выявлены положительные и отрицательные моменты уже существующих возможных решений данной проблемы, приведена судебная практика, а также высказаны собственные суждения.

Ключевые слова: *самовольная постройка, право собственности, государственная регистрация, объект недвижимости.*

На сегодняшний день судебные органы все чаще рассматривают иски о признании самовольного строительства. Основание возникновения права собственности на недвижимое имущество, закрепленное в гражданском законодательстве, не дает четкого ответа на данный вопрос.

В связи с вступлением в законную силу ФЗ от 30.06.2006 г. №93-ФЗ — (далее закон №93-ФЗ) был признан утратившим силу абз. 1 п. 3 ст. 222 ГК РФ, который предусматривал, что право собственности на самовольную постройку может быть признано судом за лицом, осуществившим постройку на не принадлежащем ему земельном участке, при условии, что данный участок будет в установленном порядке предоставлен этому лицу под возведенную постройку. Данные изменения поставили вопрос о действии ст. 222 ГК РФ во времени [1].

По данному вопросу в научной литературе нет одного мнения. Ученые в своих научных трудах поясняют что, предыдущая редакция абз. 1 п. 3 ст. 222 ГК РФ не должна применяться, так как утратила силу и не существуют те нормы, разрешившие бы распространить ее действие на спорные правоотношения, также есть мнение, что этот вопрос является пока открытым.

На мой взгляд, ответ на поставленный вопрос можно найти, обратившись к общеправовому принципу — недопустимости придания закону обратной силы при установлении или ужесточении ответственности, установленного п. 1 ст. 54 Конституции РФ [2]. Под ответственностью подразумеваются негативные последствия, действующие в отношении лица, нарушающего предписания правовой нормы. Вернувшись к нашей ситуации, лицо, нарушающее нормы градостроительного, земельного и иного законодательства при возведении объекта капитального строительства без необходимых разрешений и согласований уполномоченных органов и лиц, претерпевает неблагоприятные последствия и несёт ответственность в виде обязательства снести самовольную постройку и неприобретения им права собственности на нее. Из этого следует вывод, что разрешение законодателем возможности приобретения субъективного права собственности на объект самовольного строительства следует расценивать как отступление от тех правил, которые устанавливают основания приобретения права собственности.

Таким образом, нормы гражданского законодательства о самовольном строительстве необходимо трактовать как один из видов гражданских правонарушений. А уже

потом положения данной нормы права можно называть своеобразным основанием возникновения права собственности. Действующая на сегодняшний день редакция п. 3 ст. 222 ГК РФ вызвала вопрос об ином порядке признания права собственности на самовольную постройку, помимо решения суда. Возможно, что, законодатель, приводя новый порядок, направляет на закрепленную в законе № 93-ФЗ возможность признания прав граждан на самовольные постройки путем государственной регистрации прав на них в упрощенном порядке. Но здесь не ясен механизм, в соответствии с которым соответствующие регистрирующие органы могут и должны ликвидировать самовольные постройки. Также важно отметить, что государственная регистрация прав не несет правообразующий характер, а должна только подтверждать уже существующее правоотношение.

Можно предположить, что на данный вопрос уже сформирована судебная практика. В суде рассматривалось исковое заявление, в котором истец поясняет факт обращения в администрацию с заявлением об утверждении акта выбора земельного участка и согласования предварительного места размещения, данному лицу был дан отказ администрацией на том основании, что на испрашиваемом земельном участке находится объект, который был возведен истцом самовольно. Истец в свою очередь обжалует данный отказ в суде. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении искового заявления, по причине того, что на данном земельном участке располагается объект недвижимости, при этом согласование места размещения объекта предшествует строительству объекта. Отменяя решение суд кассационной инстанции поясняет, так как нахождение на испрашиваемом земельном участке самовольно возведенного объекта не ограничивает оборотоспособность земельного участка и не влечет в соответствии с действующим законодательством запрет на выбор земельного участка с оформлением акта выбора [3].

Можно подвести итог проанализированной практики, отметив, что под иным порядком признания права собственности на самовольную постройку следует понимать административный порядок, а также получение всех требуемых разрешений, согласований на строительство в закрепленном законом административном порядке допустимо и в отношении уже возведенного объекта капитального строительства.

Еще одной важной проблемой является оценочный характер мер, предпринятых заинтересованным лицом к легализации самовольной постройки, так как отсутствует решение суда о признании мер надлежащими.

Можно привести пример одного дела, в котором департаментом было подано исковое заявление в суд о признании права собственности на самовольно возведенный объект. Ответчиком по данному делу выступала администрация. Департамент пояснил что он обратился с заявлением о выдаче разрешения на ввод объекта в эксплуатацию, в последствии получив отказ по причине того,

что отсутствует документация на объект, разрешения на строительство, а также документов, удостоверяющих соответствие возведенного объекта требованиям установленных законодательством. Суд, принимая решение по данному делу, опирался на тот факт, что Департаментом осуществлены меры по получению перечня разрешительных документов, и он не может получить разрешение на строительство по причине уже существования объекта. Поэтому исковые требования были удовлетворены [4].

Из содержания п. 2 ч. 3 ст. 222 ГК РФ вытекает то, что право собственности на самовольно возведенный объект может быть признано в том случае, если у него есть титульное право на земельный участок. Но в определении самовольной постройки конкретно не отражены правовые титулы в отношении земельного участка, отведенного для соответствующей цели в установленном законодательством порядке, что теоретически можно предположить возможность установления как вещных, так и обязательственных прав, потому что никаких законных изъятий из перечня прав на земельный участок определение не оговаривает.

Изучив этот факт на практике, выясняется, что возникает вопрос о возможности признания права собственности на самовольно возведенный объект недвижимости, возведенный на земельном участке, находящемся у застройщика на праве аренды. Исследовав арбитражную практику, можно сделать вывод, что в настоящее время единообразный подход к разрешению данного вопроса не выработан.

Появление в законодательстве РФ ФЗ № 93, внес изменения в большую часть судебной практики в сторону следующего подхода признание права собственности на самовольную постройку за лицом, обладающим каким-либо иным правом, нежели вещным, на земельный участок невозможно.

Но 17 сентября 2008 г. ВАС РФ принял Определение [5], в котором высказал свою правовую позицию:

— во-первых, исключение из ст. 222 ГК РФ нормы, которой была предусмотрена возможность признания судом права собственности на самовольную постройку за лицом, осуществившим строительство на участке, занятом без какого-либо правового титула, при условии последующего предоставления участка, само по себе не означает невозможности признания права собственности за арендатором земельного участка, предоставленного ему для строительства, но осуществившего строительство без необходимых разрешений;

— во-вторых, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 40 ЗК РФ [6] собственник земельного участка имеет право возводить здания, строения, сооружения в соответствии с целевым назначением земельного участка и его разрешенным использованием с соблюдением требований градостроительных регламентов, строительных, экологических и иных правил, нормативов. Данные права предусмотрены также для лиц, которые не являются собственниками зе-

мельных участков, исключение составляют владельцы сервитутов.

Так в одном деле за истцом установлено право собственности на самовольно построенные объекты, находящиеся на земельном участке, принадлежащем истцу на праве аренды. Суд в своем решении пояснил, что наличие договора аренды с целевым использованием говорит о том, что признак самовольности занятия земельного участка в указанной части отсутствует [7].

Таким образом можно считать, что признание права собственности на самовольную постройку возможно за лицом, обладающим вещным или обязательственным правом на земельный участок, в случае наличия у него законных или законных и договорных оснований для застройки данного земельного участка. Поэтому можно го-

ворить о том, что из смысла самого понятия «самовольно» (совершать без разрешения, произвольно), из этого вытекает факт наличия согласия собственника земельного участка и при условии соблюдения при размещении объекта на участке требований земельного законодательства о целевом назначении, разрешенном использовании и прочем, признак произвольности действий лица отсутствует, соответственно, в данной части о самовольности строительства утверждать нельзя.

В заключение можно подвести итог исследования лишь той небольшой части проблем применения норм ГК РФ о самовольных постройках, можно в первую очередь подчеркнуть факт недостаточного правового регулирования данного основания возникновения права собственности. На мой взгляд, он требует серьезного совершенствования.

Литература:

1. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества: Федеральный Закон от 30 июня 2006 г. №93-ФЗ: по сост. на 28 февраля 2012 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. №27. Ст. 2881.
2. Гражданский кодекс РФ (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: по сост. на 22 октября 2014 г. // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10 и постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 22 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2010. — № 7.
4. Зарубин А. В., Потапенко С. В. Признание права собственности на самовольную постройку // Известия вузов. — 2009. — № 6. — С. 225–233.
5. Пиголкин А. С. Теория государства и права: учебник. — М., 2007. — С. 534.
6. Постановление Федерального Арбитражного Суда Западно-Сибирского округа от 23 октября 2012 г. № А03–724/2012 по делу № А03–724/2012.
7. Постановление Федерального Арбитражного Суда Западно-Сибирского округа от 1 октября 2012 г. № А46–15119/2011 по делу № А4615119/2011.

Обеспечение и защита прав отца на ребенка при разводе

Моклокова Елизавета Юрьевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В современном мире не столь редко наблюдается такое обстоятельство как развод. Сам процесс не является сложным, но, когда возникает спор о детях, это значительно его усложняет.

В соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации материнство, детство и семья находятся под защитой государства. Государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства предполагает наличие правового механизма, который бы обеспечивал необходимую защиту данному институту.

На практике многие матери манипулируют детьми, чтобы те остались с ними, получали от этого выгоду в виде алиментов, и многие отцы были лишены возможности

принимать участие в воспитании детей, И на сегодняшний день как способ защиты прав большое распространение получает самозащита отцами своих прав. Они начали бороться за свои права и объединялись для этого в правозащитные отцовские организации. В 2010 году в Белгороде был создан Межрегиональный отцовский комитет, который через некоторое время стал международным. Также в 2013 году в Москве создан Общероссийский комитет по защите прав отцов и детей.

Но на деле существует несколько вариантов, по которым ребёнок имеет возможность остаться с отцом.

Самым идеальным является оформление соглашения о детях, которое не должно ущемлять права каждого из

супругов. В нем могут прописываться любые моменты и возможности общения с детьми: порядок проживания, график посещений, организация отдыха и т.д.

Но, если оба родителя не желают уступать друг другу, то здесь имеет место только судебный порядок.

Конечно, в большинстве случаев ребёнок остаётся с матерью, однако, как показывает практика, существует немало судебных споров такого характера, которые заканчивались не в их пользу.

Поэтому, основываясь на нормах семейного законодательства, которые закрепляют равные права родителей в отношении своих детей [2, ст. 61], следует отметить, что суд должен делать акцент на данные положения, а не отдавать предпочтение одному из родителей. Потому что, например, судье-женщине будет ближе позиция матери ребенка, чем отца, но такое обстоятельство неприемлемо.

В таких спорных ситуациях отцы должны найти очень весомые аргументы, чтобы шанс, что ребёнок останется с ними, был очень высоким.

Чтобы отстоять свои права, им необходимо собрать как можно больше доказательств, которые отражают реальное положение дел в семье. Суд проверяет:

1. Моральный облик каждого из родителей
2. Материальное положение
3. Физические возможности и состояние здоровья
4. Силу привязанности детей к каждому из родителей
5. Фактическое участие в жизни ребенка

Кроме того, суд учитывает мнение ребенка, достигшего 10 лет. И несмотря на то, что его мнение не является первостепенным, пока он не достиг 14 лет, все же оно имеет свой вес.

Самый эффективный способ оставить ребенка у себя — доказать, что мать не в состоянии выполнять свои обязанности, на основании которых ее лишат родительских прав. Это: [2, ст. 69]

1. Алкогольная или наркотическая зависимость
2. Наличие психического расстройства
3. Жестокое обращение с детьми, в том числе осуществление физического или психического насилия над ними, покушение на их половую неприкосновенность;
4. Затруднительное материальное положение
5. Отсутствие собственного дома
6. Ненадлежащее выполнение родительских обязанностей
7. Совершение умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

Литература:

1. Конституции Российской Федерации
2. Семейный кодекс Российской Федерации
3. Федеральный закон N от 29.12.2006 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»

Также необходимо учитывать обстоятельства, при которых мать могут ограничить в правах на ребенка. Такая мера применяется чаще всего в случае, когда:

1. Совместное проживание на одной территории с матерью угрожает опасностью по независимым причинам.
2. Отсутствие весомых причин для лишения матери прав на ребенка, но при этом наличие опасности их совместного проживания.

Если на протяжении полугодового срока после установления ограничения прав на ребенка мать не лечится или не меняет образ жизни, то отделом опеки может быть подано исковое заявление в судебную инстанцию с целью лишить ее родительских прав.

Стоит сказать, что и само государство осуществляет в пользу отцов некую помощь.

Во-первых, им может быть назначена пенсия по случаю потери кормильца (смерть матери), через суд могут назначить алименты (если мать бросила ребенка), возможность получить детские пособия.

Во-вторых, не допускается расторжение трудового договора с одинокими отцами с ребёнком до 14 лет, ребенком-инвалидом.

В-третьих, региональные власти могут устанавливать для них дополнительные выплаты.

В-четвёртых, они имеют право на дополнительные меры государственной поддержки [3, ст. 3]

В 2015 году была выдвинута инициатива по принятию мер по защите прав отцов и поднятия социальной значимости отцовства. Было предложено:

1. ввести должность Уполномоченного по правам отцов при Президенте РФ
2. переименовать комитет «По делам семьи, материнства и детства» в «Комитет по делам семьи»
3. ввести уголовную ответственность для родителя, с которым определено место жительства ребенка, за нецелевое использование алиментов,
4. ввести гражданско-правовую или уголовную ответственность родителя, с которым определено место жительства ребёнка после развода за воспрепятствование общению ребенка со вторым родителем.

Но данная инициатива не была рассмотрена должным образом, и она осталась без движения.

Таким образом, отец имеет с матерью равные права на своих детей, однако эта ситуация требует к себе больше внимания. Хоть государство и предприняло меры по защите прав отцов, их на практике оказывается недостаточно, и они нуждаются в совершенствовании.

Ложное алиби при заказных убийствах через интернет

Мусаев Алтун Илхам оглу, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются особенности формирования ложного алиби при заказных убийствах через интернет, а также определены тактические действия для установления следователем ложности заявленного алиби. Также в статье рассмотрены методы, позволяющие выявлять заказчиков убийств, которые взаимодействуют с исполнителем через интернет.

Ключевые слова: ложное алиби, заказные убийства через интернет, методы раскрытия заказных преступлений, расследование убийств.

Активное развитие новых форм и способов заказных убийств обуславливает необходимость введения новых подходов, предусматривающих эффективные способы раскрытия ложного алиби при заказном убийстве. Правоприменительная и судебная практика отражает нестандартные направления, которые необходимо анализировать и исследовать в целях эффективного раскрытия преступлений, связанных с лишением жизни человека наемным убийцей по оплаченному заказу.

Новые способы заказных убийств часто связаны с использованием ресурсов сети «Интернет», позволяющих преступникам при помощи бесконтактного взаимодействия производить заказ и оплату убийств, при которых заказчик и убийца не знакомы и лично не контактируют. Отследить бесконтактные средства общения практически невозможно. В частности, преступники обеспечивают механизм преступной сделки путем общения с потенциальными клиентами-заказчиками на специальных форумах, в соцсетях, в закрытых чат-программах, используя механизм мгновенного сообщения данными, который не позволяет идентифицировать заказчика и исполнителя [4, с. 10]. Электронные системы платежей, через которые ведутся финансовые расчеты заказчиками убийства с исполнителями, как правило, анонимные или имеют ограниченные способы идентификации их участников.

В частности, многие платежные системы позволяют регистрацию клиентов, которые предоставили только номер телефона или адрес электронной почты, при этом настоящей проверки данных плательщика не производится. Эта техническая возможность позволяет беспрепятственно заказчику производить расчет за убийство, а убийце получать оплату за него, используя не идентифицированные сим-карты лиц. Многие сим-карты используются преступниками одноразово, чтобы оперативники не смогли проверить канал связи. Взаимодействие преступников в сети интернет может не осуществляться напрямую [4, с. 11].

В ходе следственных мероприятий по выявлению заказных убийств обнаружены новые методы распознавания ложного алиби, когда заказчик убийства незнаком с исполнителем, однако, исполнитель убийства хорошо знает жертву и заказчика.

Следователь, устанавливая круг причастных к преступлению лиц, должен следовать логике преступника и допросить всех лиц, которые могли бы прямо или косвенно быть заинтересованными в убийстве жертвы. Как правило, лицо, оплатившее заказное убийство, заранее не знает о способе и времени убийства, а лишь предполагает его событие. Исполнитель преступления обеспечивает заказчику ложное алиби, так как заказчик в момент убийства не находится в месте совершения преступления. На допросе подозреваемое лицо может вести себя уверенно, так как оно не присутствовало лично в момент убийства и не может знать о подробностях преступления [2, с. 15].

Многие заказчики преступления вообще стараются уехать из страны или области для создания достоверной картины ложного алиби. Однако, следователь может установить характер преступления по манере преступления, которая характеризует исполнителя убийства как профессионала. Поэтому следователь прежде всего решает основную задачу — установление реального заказчика преступления и исходит из того, что убийство совершено профессиональным убийцей. При расследовании преступления и установления ложного алиби преступника следует исходить из того, что заказ убийства стоит немалой суммы денег, значит, заказчиком преступления могло быть лицо, обладающего необходимой крупной суммой денег, а также в последние месяцы это лицо должно было потратить крупную сумму средств (снять со счета, продать имущество, оформить кредит, получить крупный доход). Обосновать списание огромной суммы денег со счета довольно сложно, поэтому заказчик убийства постарается создать ложные денежные операции, которые бы оправдали расход значительной суммы.

В частности, заказчик мог использовать электронные кошельки для расчетов и вести переписку в закрытых чатах. Однако, изначально средства поступали на электронные кошельки с карточного или иного расчетного счета. Допрос потенциального преступника, заявившего о ложном алиби, должен происходить с предъявлением улик: платежных проводок, подтверждающих движение денег. Как правило, преступник отрицает денежные проводки, так как рассчитывает на их анонимность. В тоже время следовать

должен найти и исполнителя убийства, который находился непосредственно в момент убийства с жертвой и выполнил заказ. Поиск убийцы может способствовать обнаружению (установлению) личности заказчика [1, с. 23].

В истории расследования убийств зафиксировано, что в некоторых случаях заказчики пытаются скрыть следы преступления и заказывают убийство исполнителя преступления. Поэтому одно убийство сопровождается вторым убийством. Цепь преступлений позволяет установить круг знакомых заказчика и лиц, связанных с организацией преступления. Стоит отметить, что в отличие от прямого убийства, заказ убийства относится к преступлениям, совершенным преступной группой, и соответственно является более тяжким по правовой природе [3, с. 195–200].

Литература:

1. Андреев А. С. Ложное алиби и криминалистические методы его разоблачения: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.09 — Уголовный процесс; Криминалистика и судебная экспертиза оперативно-розыскной деятельности /А. С. Андреев; Науч.рук. В. П. Лавров; Юридический институт МВД России. — М., 2001. — 23 с.
2. Щукин В. С., Подгол А. С. Особенности криминалистической характеристики заказных убийств. — Учебное пособие. — УО «ВГУ им.П. М. Машерова». — 2004.
3. Лаврухин С. В. Вопросы систематизации убийств и методик их расследования. — Вестник СГЮА. — 2017. — № 3 (116). — С. 195–200.
4. Батоев В. Б., Семенчук В. В. Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия. — Тр. Акад. Управления МВД России. — № 2 (42). — 2017.

В качестве тактических действий по раскрытию ложного алиби заказчика убийства применяется допрос, в том числе очная ставка. В качестве дополнительных приемов для установления ложности алиби применяется детектор лжи, обыск и выемка компьютерной аппаратуры и средств связи, выемка бухгалтерской и финансовой документации. Кроме того, следователю важно определить мотив заказного убийства: завладение материальными средствами жертвы, месть, получение иных выгод от преступления. Установив возможную причинно-следственную связь, следователь может предложить несколько тактических приемов по выявлению ложного алиби, используя третьих лиц — свидетелей, которые могли знать о готовящемся преступлении или лично финансировали его, не понимая истинной сути финансовых вложений.

Реализация полномочий прокурора по предъявлению гражданских исков в уголовном процессе

Никонорова Ольга Евгеньевна, прокурор
Прокуратура Саратовской области

Основное назначение уголовного судопроизводства состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Право лица на возмещение имущественного ущерба и компенсацию морального вреда гарантировано статьей 46 Конституции Российской Федерации.

Между тем, вследствие применения нерезультативных мер, значительная часть вреда, причиненного преступлениями, даже после привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, потерпевшим не возмещается.

В этой связи эффективность правосудия во многом определяется действенностью процессуального механизма возмещения причиненного преступлением вреда при рассмотрении гражданских исков в уголовном судопроизводстве.

Рассмотрение и разрешение гражданского иска не только обеспечивает наиболее быстрое восстановление нару-

шенных прав потерпевших, но и способствует недопущению противоречивых выводов по одним и тем же вопросам, помогает определить характер и тяжесть преступного деяния, уточнить его квалификацию, правильно установить наступившие гражданско-правовые последствия.

Важно отметить, что Федеральным законом от 19.12.2016 № 457-ФЗ полномочия прокурора по предъявлению гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства значимо уточнены. Измененные нормы ст. 44, 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) предоставили прокурору право предъявлять (поддерживать предъявленный) гражданский иск в интересах Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий.

И хотя статус прокурора не даёт преимуществ перед гражданским истцом, нельзя не отметить, что круг пра-

вомочий прокурора в уголовном судопроизводстве значительно шире, поэтому и возможностей для отстаивания имущественных интересов, в том числе государства в лице перечисленных участников уголовного судопроизводства, у него больше, чем у гражданского истца.

Таким образом, максимально полная компенсация в бюджеты соответствующих уровней причинённого государству вреда от преступлений, воспитание граждан в духе уважения к закону и важнейшему из вещных прав — праву собственности, во многом зависит от того, насколько эффективно прокуроры будут использовать свои процессуальные полномочия при производстве по делу.

Гражданский иск в уголовном процессе — это заявленное при производстве по уголовному делу в период после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия в суде первой инстанции требование физического или юридического лица о возмещении имущественного и (или) компенсации морального вреда, причинённого преступлением, к обвиняемому (обвиняемым) или лицу (лицам), несущему (несущим) материальную ответственность за действия обвиняемого (обвиняемых).

Предмет и основание иска составляют содержание гражданского иска. Они определяют объём и направление производства, связанного с гражданским иском в уголовном процессе.

Средствами установления вреда являются доказательства: документы, показания свидетелей, вещественные доказательства, заключение эксперта и др.

В зависимости от характера требований истца к обвиняемому или лицам, несущим имущественную ответственность за вред, причинённый преступлением, в уголовном процессе предъявляются следующие гражданские иски: о возмещении ущерба, причинённого хищением, уничтожением или повреждением имущества; о возмещении вреда, причинённого смертью кормильца; о возмещении расходов на погребение погибшего; о возмещении расходов потерпевшего на лечение, протезирование, усиленное питание и т.п.; о возмещении ущерба, причинённого гражданину незаконными действиями организаций, а также должностными лицами при исполнении ими служебных обязанностей; о компенсации морального вреда и др.

Гражданский иск в уголовном процессе, исходя из положений ст. 44, 45 УПК РФ, вправе предъявить: физическое или юридическое лицо, которому вред причинён преступлением, их представители (ч. 1 ст. 44, 45 УПК РФ), законный представитель физического лица, которому вред причинён преступлением (ч. 3 ст. 44, ч. 2 ст. 45 УПК РФ), прокурор (ч. 3 ст. 44, ч. 6 ст. 246 УПК РФ).

Прокурор вправе:

— предъявить гражданский иск, если вред от преступления причинён физическому лицу, которое является несовершеннолетним, признано недееспособным либо ограниченно дееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, по иным причинам не может само защищать свои права и за-

конные интересы (ч. 3 ст. 44 УПК РФ), то есть так же, как и законный представитель;

— предъявить гражданский иск, если вред от преступления причинён Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию, государственным и муниципальным унитарным предприятиям (ч. 3 ст. 44 УПК РФ в ред. Федерального закона от 19.12.2016 № 457-ФЗ);

— предъявить и (или) поддерживать предъявленный гражданский иск (по рассматриваемому в суде уголовному делу), если этого требует охрана прав граждан, общественных интересов, интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий (ч. 6 ст. 246 УПК РФ в ред. Федерального закона от 19.12.2016 № 457-ФЗ).

Основными категориями исков, предъявляемых прокурорами по уголовным делам в интересах граждан, являются иски о возмещении вреда, причинённого здоровью, о возмещении расходов на погребение, вследствие потери кормильца, о возмещении стоимости похищенного или уничтоженного в результате противоправных действий имущества, преступления против жизни и здоровья несовершеннолетних, о возмещении вреда здоровью, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, о взыскании неустойки по уплате алиментов.

Предъявляя иски о возмещении вреда, причиненного здоровью, прокурорам помимо норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства следует руководствоваться ст. 1064, 1085 ГК РФ.

При причинении гражданину увечья или ином повреждении его здоровья возмещению подлежит утраченный заработок (доход), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение.

Подтверждением утраченного заработка потерпевшего могут являться: справка о заработке с работы, справка налогового органа исполнительной власти о доходе и т.д.

Доказательствами, подтверждающими обоснованность заявленных требований, могут служить заключения МСЭ, иные медицинские документы, выписки из амбулаторной карты больного, подтверждающие диагноз заболевания и рекомендуемое лечение, товарные и кассовые чеки о покупке медикаментов, дополнительного питания и т.д., приобретенные на основании рекомендаций и рецептов лечащего врача.

Размер возмещения вреда, понесенного в случае смерти кормильца, определяется в соответствии с требованиями ст. 1088—1089 ГК РФ.

В случае предъявления требований о возмещении расходов на погребение их перечень должен определяться в соответствии с Федеральным законом «О погребении

и похоронном деле» в ред. от 03.07.2016 № 8-ФЗ. При решении вопроса о возмещении указанных расходов необходимо руководствоваться такими оценочными принципами, как разумность и целесообразность.

При совершении так называемых имущественных преступлений (кража, мошенничество и др.), предъявляется иск о компенсации стоимости похищенного, поврежденного или уничтоженного имущества (если не возвращено имущество в натуре и не компенсирована его стоимость в добровольном порядке). Размер причиненного ущерба влияет на квалификацию преступления.

При определении стоимости похищенного имущества следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления.

Нередко при определении размера причиненного ущерба за основу берётся мнение потерпевшего, который сам определяет размер причиненного ему ущерба, оценивая стоимость похищенных вещей, поврежденного или уничтоженного имущества. Однако не всегда оценка, данная потерпевшим, является объективной. Показания потерпевшего должны, как правило, подтверждаться какими-либо документами, с достаточной полнотой свидетельствующими о дате приобретения имущества, его стоимости. При отсутствии письменных доказательств данные обстоятельства могут подтверждаться показаниями свидетелей. С учетом указанных данных должен быть определен их износ и стоимость имущества на момент кражи, повреждения или уничтожения. Для определения стоимости похищенного или поврежденного имущества на момент совершения противоправных действий следует обращаться за квалифицированной помощью экспертов.

Основными категориями исков, предъявляемых в защиту прав потерпевших (Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования) от преступных посягательств, являются иски о возмещении расходов на лечение граждан; возмещение ущерба, причиненного в связи с хищением, повреждением или уничтожением государственного или муниципального имущества, заведомо ложным сообщением об акте терроризма, незаконной рубкой лесных насаждений, уклонением от уплаты налогов; о признании отсутствующим права собственности на земельный участок.

Согласно обзору судебной практики Верховного Суда РФ от 23.06.2004, 30.06.2004 прокурор вправе обратиться в суд с заявлением о взыскании денежных средств в пользу внебюджетных фондов.

Территориальный фонд медицинского страхования реализует государственную политику в области обязательного медицинского страхования граждан как составной части государственного социального страхования, финансовые средства которого являются федеральной (государственной) собственностью.

Поскольку финансовые средства фонда являются собственностью Российской Федерации, взыскание с виновных лиц денежных средств в интересах государства

допустимо. Взыскания производятся в пользу фонда, действующего в интересах Российской Федерации в этой сфере.

В случаях, когда потерпевший не имеет полиса медицинского страхования, прокурор должен руководствоваться сохранившим юридическую силу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25.06.1973 «О возмещении средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий».

Согласно положениям данного Указа средства, затраченные на стационарное лечение граждан в случае причинения вреда их здоровью

в результате умышленных преступных действий (за исключением причинения вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны или в состоянии аффекта), подлежат взысканию с лиц, осужденных за эти преступления.

При подготовке исковых заявлений прокурорам в обязательном порядке следует истребовать из медицинского учреждения документ о причине, времени нахождения потерпевшего на стационарном лечении и стоимости лечения.

В случае причинения вреда совместными умышленными преступными действиями имущественная ответственность должна возлагаться в солидарном порядке, как на исполнителей этих преступлений, так и на их соучастников.

Возмещению подлежат только те средства, которые затрачены лишь на стационарное лечение потерпевшего (в больнице, госпитале, диспансере и ином стационарном лечебно-профилактическом учреждении).

Если к моменту постановления приговора стационарное лечение не закончено, с осужденного взыскиваются средства, затраченные со дня поступления на такое лечение по день постановления приговора. Средства, затраченные на продолжение лечения, подлежат взысканию по иску, рассматриваемому в порядке гражданского судопроизводства.

При совершении преступлений против собственности, предусмотренных главой 21 УК РФ, прокурор должен предъявить к виновным лицам в соответствии с требованиями ст. 15, 1064 ГК РФ иски о возмещении ущерба, причиненного в связи с кражей имущества, относящегося к федеральной, государственной или муниципальной собственности, его повреждением или уничтожением, а также присвоением или растратой.

Размер причиненного ущерба, то есть стоимость похищенного, поврежденного или уничтоженного имущества определяется исходя из его фактической стоимости на момент совершения преступления. В необходимых случаях для определения стоимости похищенного или поврежденного имущества на момент совершения противоправных действий, следует обращаться за квалифицированной помощью экспертов.

Согласно требованиям ст. 1064 ГК РФ и ст. 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды» вред,

причиненный нарушением экологического законодательства, подлежит возмещению виновным лицом в полном объеме независимо от того, причинен ли вред в результате умышленных действий (бездействия) или по неосторожности.

Определение размера вреда, причинённого нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, осуществляется исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды в соответствии с методиками исчисления размера вреда окружающей среде, утвержденными органами исполнительной власти, осуществляющими государственное управление в области охраны окружающей среды.

Для качественного проведения сверок уголовных дел, по которым причинён ущерб, с предъявленными исками о возмещении причинённого вреда рекомендуется рассмотреть вопрос о ведении реестра уголовных дел, по ко-

торым прокурору предоставлено право на обращение в суд с иском в интересах государства.

В заключении хотелось отметить, что объединённое рассмотрение судом уголовного дела и гражданского иска содействует полноте, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела и устраняет дублирование в работе судов, неизбежное при их раздельном рассмотрении.

Рассмотрение гражданского иска непосредственно с материалами уголовного дела способствует процессуальной экономии времени по возмещению материального ущерба, предупреждению преступлений, так как во многих случаях именно неизбежность исполнения материальных взысканий оказывает наибольшее воздействие на преступников, как нежелательное, но непрерывное последствие совершаемых ими противоправных действий.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // <https://garant.ru>
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 01.04.2019, с изм. от 17.04.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2019) [Электронный ресурс] // <https://garant.ru>
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2019) [Электронный ресурс] // <https://garant.ru>
4. Гражданский иск в уголовном процессе / Бубчикова М. В. // Российский судья, 2015, N9 [Электронный ресурс] // <https://garant.ru>
5. Возмещение ущерба, причиненного преступлением, как одно из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов / Кузьминых И. В. // Законность, 2015, N10 [Электронный ресурс] // <https://garant.ru>

Проблемы теории и практики применения уголовного закона о жестоком обращении с животными

Овсейчук Алёна Сергеевна, студент;

Научный руководитель: Чудин Николай Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Человечность определяется не по тому, как мы общаемся с людьми, а по тому, как ведем себя с животными.

Чак Паланик

В декабре 2017 года произошло то, за что на протяжении долгих лет боролись зоозащитники. В статью 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными» внесены существенные поправки [7].

Во-первых, изменена диспозиция уголовно-правовой нормы. Если раньше для привлечения к уголовной ответственности за деяние, повлекшее гибель или увечье животного, необходимо было наличие в обязательном по-

рядке одного из таких признаков субъективной стороны, как хулиганские или корыстные побуждения, или объективной стороны — применение садистских методов или присутствие малолетнего. То сейчас, после произведенных изменений, виновным в совершении данного преступления признаётся и лицо, мотивом деяния которого было «простое» причинение животному боли и/или страданий.

Во-вторых, часть вторая указанной статьи дополнилась новыми квалифицирующими составами преступления: с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или через сеть «Интернет»; а также в отношении нескольких животных.

В-третьих, самое главное — ужесточена санкция. Так, часть первая статьи 245 УК РФ дополнилась таким видом наказания, как лишение свободы. А квалифицирующие составы переведены из преступления небольшой тяжести в категорию преступлений средней тяжести.

Однако данные нововведения не удовлетворяют всем требованиям защитников животных. Например, до конца не понятно: подпадают ли действия догхантеров под мотивы, необходимые для привлечения их к ответственности по данной статье? Или что делать, если происходит явное антигуманное, жестокое обращение с животным, но которое не приводит к его увечью или гибели (например, оставления без пищи и воды на длительное время)? Какие вообще действия (бездействия) являются жестоким обращением с животными? К сожалению, современный уголовный закон не даёт ответы на данные вопросы.

Однако проблема жестокого обращения с животными является достаточно важной. Дело даже не в жалости к «братьям нашим меньшим», которые дарят людям любовь и верность, которые тоже всё чувствуют и понимают. А в том, что данные преступники, несомненно, представляют опасность для окружающих. И не потому, что статья 245 расположена в главе 25 УК РФ, объектом преступлений которой выступает общественная нравственность: «жестокость по отношению к животным, причиняет глубокие нравственные страдания большому количеству людей, наносит значительный ущерб общественной морали...» [8], нет...

Общественная опасность данного преступления заключается в том, что жестокость по отношению к животным, их истязание порождают подчас агрессивность и насилие по отношению к окружающим людям [3; с. 21], развивает в человеке низменные чувства, способные подтолкнуть на совершение более тяжких преступлений. Как показывает практика, подобное поведение свидетельствует о наличии психологических или психических проблем у человека, а также проблем в сфере нравственного развития и воспитания. [1; с. 153]

Вспоминается громкий случай, произошедший в Краснокамске в ноябре 2015 года, всколыхнувший всю общественность. Когда 47-летний мужчина, находясь в состоянии алкогольного опьянения, отрезал ножницами уши и снял скальп двухмесячному щенку. Не опасна ли подобная немотивированная жестокость для общества?

Анализ судебной практики по уголовным делам о жестоком обращении с животными, во-первых, доказывает, что многие подобные преступники не ограничиваются только данной категорией преступлений и переходят на совершение деяний уже против прав и законных интересов человека. Так, в Москве в 2015 г. мужчина, нахо-

дясь в состоянии алкогольного опьянения, после того, как выбросил из окна 7-го этажа из хулиганских побуждений домашнюю собаку, вытолкнул чуть позже в это же окно несовершеннолетнюю потерпевшую, которая от полученных повреждений скончалась через несколько дней в больнице [9].

Во-вторых, судебная практика по делам данной категории дел демонстрирует, по нашему мнению, достаточную мягкость наказания. Так, преступнику, совершившему вышеописанное деяние в Краснокамске, по приговору суда назначено только ограничение свободы сроком на 7 месяцев, установив следующие ограничения: не уходить из места постоянного проживания в ночное время с 23 часов до 06 часов, не изменять место жительства и не выезжать за пределы муниципального района [10].

В психологии жестокое обращение с животными квалифицируется как аномалия, расстройство личности — психопатия. Это такие нарушения психической деятельности, которые, не лишая человека вменяемости, находятся на грани между психическим здоровьем и болезнью [4; с. 15] — некое пограничное состояние.

Исследователями давно подмечено, что большинство серийных убийц, насильников в юном возрасте издевались над животными. Так, согласно биографическим сведениям и данным расследований жестокое обращение с животными сопровождало детство таких советских маньяков, как В. Муханкина, С. Головкина, «отличавшихся» особым зверством. Последний, любивший лошадей и работающий с ними на конном заводе, после задержания рассказал, что первой его «жертвой» стала пойманная на улице кошка. Будущий маньяк в возрасте 12 лет повесил животное и отчленил ей голову, получив тем самым весьма приятные ощущения, наступила, по его словам, «желанная разрядка» [6; с. 110]. Затем его интерес переключился на маленьких мальчиков, над которыми изверг издевался, как сам потом признается на допросе, чтобы «посмотреть на мучения». Ещё один известный серийный убийца насильник и педофил В. Кулик, получивший прозвище «Иркутский монстр», в детстве любил вешать кошек, получая безумное удовольствие от этой процедуры.

Применение садистских методов, представляющих собой особо изощрённые способы издевательства, по отношению к животным может говорить о проявлении неоправданной жестокости, о получении наслаждений от чужих страданий, о самоудовлетворении от причинения длительной и мучительной боли. Представляется, что ни у одного психически устойчивого человека не поднимется рука на беспричинное истязание беззащитного существа. Лицо, склонное к совершению преступления, предусмотренного статьёй 245 УК РФ, находится на определённой социально-психологической дистанции от общества и его ценностей. [5; с.219]

Конечно, не каждый, кто обижают животных — потенциальный маньяк. Для многих совершение подобного

преступления выступает нередко в качестве компенсационного средства — разрядки, вымещении на ком-то злобы за отсутствие «жизненно важных благ» и является звеном в цепи постоянных социальных конфликтов в быту, семье, на работе. [2; с. 104]

Таким образом, жестокое обращение с животными — явление социальное, нередко приводящее к совершению других противоправных деяний, в том числе против жизни и здоровья людей. Поэтому не стоит «закрывать глаза» на подобных преступников-живодёров, борьба с ними является в том числе и профилактикой, средством предупреждения других, более тяжких преступлений. От садизма по отношению животным до агрессии против человека — один шаг. Проблема защиты животных никогда не была приоритетной в России, но что насчёт защиты граждан? А это уже конституционная обязанность государства.

Однако, по нашему мнению, в существующем законодательстве до сих пор не решены все проблемы и не пред-

приняты все меры по вопросам жестокого обращения с животными. А судебная практика демонстрирует излишнюю мягкость назначаемых наказаний.

Считаем необходимым:

во-первых, разработать Постановление Пленума Верховного Суда, который бы разъяснил и заполнил все пробелы в сфере уголовной ответственности за жестокое обращение с животными. В том числе в свете совсем недавно принятого Федерального Закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11], содержащего определение понятия «жестокое обращение с животными» и отвечающего на многие вопросы, сформулированные в начале статьи, но идущего вразрез с составом ст. 245 УК РФ;

во-вторых, создать и поддерживать систему учёта и контроля за лицами, совершившими преступление данной категории.

Литература:

1. Волкова Г. П. Криминалистическая характеристика жестокого обращения с животными // Вестник Московского университета МВД России. — М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2015. № 4. С. 151—153.
2. Мирошниченко В. С. Криминологическая характеристика лиц, совершающих жестокое обращение с животными // Законы России: опыт, анализ, практика. М.: Издательский дом «Буквевед». 2012. № 5. С. 102—104.
3. Плешаков А. М., Щерба С. П. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Советская юстиция. 1991. № 2. С. 21—22.
4. Ревяко Т. И., Трус Н. В. Убийцы и маньяки: Энциклопедия преступлений и катастроф. Изд.: Литература, 1996. 110 с.
5. Саратовова О. В. Личность совершившего преступление, связанное с жестоким обращением с животными // Общество и право. 2009. № 5. С. 218—221.
6. Серийные сексуальные убийства. Учебное пособие. Под ред. Ю. М. Антоняна. М: МЮИ МВД России, Изд. «Щит — М», 1997. 202 с.
7. О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 20.12.2017 № 412-ФЗ // Российская газета, № 291, 22.12.2017.
8. К проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 245 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: Пояснительная записка [Электронный ресурс]: <http://sozd.parliament.gov.ru/> (дата обращения: 15.07.2018).
9. Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 10—2530 от 19.02.2018 г.
10. Приговор Судебного участка № 64 Краснокамского муниципального района от 01.02.2016 г. по делу № 1—09/2016.
11. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ // Российская газета, № 295, 29.12.2018.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 25 (263) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.
ISSN-L 2072-0297
ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»
Номер подписан в печать 03.07.2019. Дата выхода в свет: 10.07.2019.
Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.